

Семен
ХОДОРОВ

*Белая
Лилия*

Самуил Ходоров

Белая Лилия

«Инфра-Инженерия»

2015

Ходоров С. Н.

Белая Лилия / С. Н. Ходоров — «Инфра-Инженерия», 2015

Действие романа разворачивается в двух непараллельных пространствах: на территории западной Украины, входящей в состав СССР, и на обетованной земле Израиля. На фоне исторических хроник, политических перипетий и социальных катаклизмов, происходящих в этих странах, прослеживается, полная драматизма, непростая судьба очаровательной блондинки Лили Сергачёвой. Непредсказуемые зигзаги и крутые серпантины повседневной жизни героини романа насыщены сложными проблемами, которые ей приходится решать в шестидесятилетнем формате её бытия.

© Ходоров С. Н., 2015

© Инфра-Инженерия, 2015

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Самуил Наумович Ходоров

Белая лилия

(летопись бытия белокурой женщины)

Идея создания этой книги принадлежит моему соотечественнику, коллеге и соратнику Г. Я. Шлайну, которому автор выражает искреннюю признательность за ценные критические замечания, за квалифицированные консультации и за обсуждение фабулы, концепции и сюжета романа на всех этапах его написания

Часть первая

Украинский зигзаг

*«Никогда не жалейте о том, что случилось
Иль о том, что случиться не может уже,
Лишь бы озеро вашей души не мутилось
Да надежды, как птицы, парили в душе».*

Андрей Дементьев

Светлое будущее туманилось Виктору мрачным настоящим, а сегодняшнее пасмурное настоящее в свою очередь исходило из незабвенного прошлого. Под прошлым скрывалось блаженное время геологической практики. А под солнечным будущим понималось созидательная и захватывающая работа географа, которую обещал им профессор кафедры геоморфологии. Отрывной календарь на письменном столе Виктора навязчиво напоминал, что сегодня первый день весны недавно наступившего 1970 года. До обещанного будущего оставалось всего два месяца последнего затянувшегося семестра, который включал в себя венец накопления университетских знаний – распределение выпускников по местам будущей работы.

Впрочем, обо всём по порядку. Сегодняшний день явно не сулил Виктору удачи, по всем признакам это был не его день. За окном моросил заунывный дождик, а ночью Виктору приснился огромный чёрный кот, который нахально перебежал перед ним парковую аллею, ведущую к старинному зданию университета. И надо же было так случиться, что сегодняшним ненастным утром при входе в массивные золоченые двери университета, приснившийся ночью чёрный хищник из милого семейства кошачьих, преградил Виктору путь, дерзко и цинично взирая на него своими зеленоватыми глазами. Предначертанная неудача не заставила себя долго ждать. Напротив деканата географического факультета бросался в глаза дерматинный стенд со свежееиспечённым номером факультетской стенгазеты «Географический меридиан». Выделенный в голубоватый графарет заголовок передовой статьи «И геоморфологи – будущие учителя», просто ошеломил Виктора. Ключевым в названии статьи являлся союз «и». С одной стороны, в городе, где не было своего педагогического института, большинство выпускников университета традиционно направлялись учителями в сельские школы. С другой стороны, на географическом факультете, среди трёх специальностей: физическая география, экономическая география и геоморфология, последняя считалась элитной, и геоморфологов, как правило, учительствовать в школы не направляли. Здесь имела место быть ещё и третья сторона. Виктор был ярко выраженным приверженцем геоморфологии, он называл её инженерной географией, которая изучает рельеф земли. Это самое изучение было неразрывно связано с дли-

тельными полевыми экспедициями в скалистых горах и знойных пустынях, в непроходимой тайге и бескрайних степях. Виктор был одержим буквосочетанием «гео», которое ассоциировалось у него не только как приставка, означающая отношение к наукам о земле, а представлялось, прежде всего, неким романтическим свободолюбивым ореолом, связанным с поиском и открытием неизведанного. Разумеется, это самое «гео» уж никак не претендовало на место учителя географии с деревянной указкой в руке, направленной по образному выражению С. Михалкова «на озёра и горы на востоке». Виктор ни во сне, ни наяву не презентовал себя в роли педагога, сеющего разумное, доброе и вечное в стенах школы, через резные окошки которой хорошо просматривались бы давно не беленые деревенские хатки, маленькая церквушка и унылый сельский погост. Кто-то из пятикурсников, окруживших стенной масс-медиа, являвшийся печатным органом деканата, партийной и комсомольской организации факультета, не без ехидства выкрикнул:

– Ну что, Виктор, настроил свою тонкую душевную клавиатуру на деревенскую гармошку, под переборы которой сделаешь завидную карьеру заслуженного сельского учителя с нищенской зарплатой сто рублей в месяц.

Не успел Виктор переварить услышанное, как уже тонкое девичье сопрано под громогласный хохот неугомонного студенчества продолжило:

– Ничего, Витенька, это только первые десять лет будет трудно, а потом привыкнешь к богоугодной и неспешной деревенской жизни. И постепенно забудутся романтические поездки за туманом, за мечтами и запахом тайги.

Это уже был удар ниже пояса, который вызвал у Виктора такую неистовую ярость, что, не помня себя от нахлынувшего гнева, он приблизился к стенгазете и разодрал её в клочья. Из-под остроносых модных его туфель тоскливо выглядывала чудом уцелевшая полоска белой бумаги, на которой черной тушью было написано «Советский учитель вырабатывает у учащихся умение овладевать марксистско-ленинской революционной теорией и готовить стойких борцов против чуждой идеологии и морали». Именно то, что Виктор не хотел вырабатывать как у себя, так и у школьников.

Женские сопрано, мужские теноры и баритоны мгновенно замерли, погрузившись в, неприусущую храму науки, тишину. Приключившийся эпизод явно тянул на большее, чем шалость и даже хулиганство. Случившееся, без всякого сомнения, приобретало полновесные элементы политической окраски. Посягательство на святая святых, рупор партийных и общественных организаций факультета, угрожало суровым наказанием. Возмездие грянуло незамедлительно. В тот же день Виктора вызвали на заседание партийного бюро факультета. Секретарь партийной организации и члены партбюро заклеямили Виктора позором, обвинили в политической незрелости, в обычном хулиганстве и, в конечном итоге, недостойным звания советского студента. Больше всех возмущался один из членов партбюро, доцент кафедры истории КПСС Иван Николаевич Герасимчук, который в полном соответствии со своей, никому не нужной должностью, к месту, а больше не к месту, браво цитировал тезисы очередного пленума ЦК КПСС.

– Согласно этим тезисам, – даже не кричал, а орал партийный доцент, – нет ни малейшего сомнения в том, что таких студентов, как Виктор Бровченко, надо поганой метлой гнать из университета, первоочередной задачей которого является выпускать не только грамотных специалистов, но и специалистов идеологически подкованных. Накалившаяся в бичевании Виктора атмосфера на заседании партбюро совсем не располагала к аналитическим исследованиям сущности специалиста-идеолога. Тем не менее, Виктор даже на мгновение не мог себе представить, что в американских или европейских университетах изучается история партии, победившей в данный момент на выборах. Размышления Виктора и гневные тирады адепта правящей партии прервал скрип открывшейся двери, через которую в комнату, где проходило заседание, буквально вкатились три стройные симпатичные девушки. Одна из них, среднего

роста, миловидная с изящной точёной фигуркой, блондинка, повернувшись к декану, профессору Гончару, не переводя учащённого дыхания, выпалила:

– Уважаемый Ярослав Николаевич! Вынуждена поставить Вас в известность, что, если Виктор Бровченко будет отчислен из университета, то вместе с ним покинем нашу альма-матер и мы и, возможно, к нам присоединятся ещё несколько выпускников.

Ошарашенный профессор, доктор географических наук, в отличие от доцента Герасимчука, был крупным специалистом в области геоморфологии. Тем не менее, должность декана обязывала и его прогибаться под догматикой идеологии коммунистической партии, членом которой он состоял уже не один десяток лет. Возможно, поэтому он нарочито громким голосом рявкнул:

– Студент Бровченко, чтобы не накликасть большой беды, прошу Вас немедленно покинуть помещение вместе с Вашими неудавшимися адвокатессами.

Когда за ними захлопнулась дверь, профессор, отчеканивая каждое слово, продолжил:

– Уважаемые коллеги! Прошу понять меня правильно. Проступок Виктора – это позор для нашего факультета, позор для всего университета. Ни в коей мере не оправдывая Бровченко, прошу Вас постараться взглянуть на его провинность под другим ракурсом. Виктор – отличный студент, претендует на красный диплом, одержим будущей профессией геоморфолога, с него получится грамотный специалист. Я признаться даже думал пригласить его в аспирантуру. Поверьте, коллеги, карьера сельского учителя это не для Виктора. Заверяю Вас, что на почётные учительские места у нас имеются немало более подходящих кандидатов.

Профессора Гончара перебил всё тот же хриплый голос, неутомимого борца за коммунистические идеалы, доцента Герасимчука:

– А как же, уважаемый профессор, быть со словами В.И.Ленина, что «газета является коллективным пропагандистом, агитатором и организатором». Кого, позвольте спросить, будет направлять, агитировать и организовывать, разорванная на мелкие части, газета? Нет, как хотите, но надо, выражаясь юридическим языком, создать прецедент, и, чтобы другим было неповадно, отчислить Бровченко из университета.

– Вы, товарищ Герасимчук, – снова вступил в дискуссию профессор, – не забывайте, что существует такая объективная реальность, как государственный, ещё раз повторяю, государственный план выпуска специалистов высшей школы, и в соответствии с этим планом у меня на столе лежат реальные заявки проектных институтов, геологических экспедиций и различных изыскательских организаций на наших выпускников. И с этим упрямым фактом нельзя не считаться. Не следует также выпускать из виду, что Бровченко не мальчишка-первокурсник, а состоявшийся студент-дипломник, на имя которого пришли письма-благодарности от экспедиций, где он проходил производственную практику. И последнее, товарищи: Вы все только что слышали голоса трёх девушек, готовых к отчислению из университета в случае, если его стены покинет Виктор. Я хорошо знаю этих девушек, можете быть уверены, они выполняют своё обещание. Их примеру могут последовать и другие, ибо Бровченко пользуется большим авторитетом среди студентов. А тогда уже не газета, как Вы позволили выразиться, доцент Герасимчук, а дружное студенческое братство будет являться одновременно пропагандистом, агитатором и организатором некоего неформального, но действенного движения.

После долгих споров и жарких дебатов партийное бюро факультета, решив принять во внимание мнение профессора Гончара к сведению, постановило не выносить сор из избы и рекомендовать комсомольскому бюро факультета рассмотреть персональное дело комсомольца Виктора Бровченко. На заседании комсомольского бюро Виктор, наступив на горло собственной песне, бормотал что-то невнятное по поводу мифического беса, который его внезапно попутал, каялся в своём грехопадении, клялся в любви к учительской профессии. Однако в конце декларативно заключил, что учителем работать не пойдёт, чтобы не портить мировоззрение подрастающего поколения, воспитывать которое он просто не способен. При-

нимая во внимание мнение своих партийных наставников, комсомольское бюро факультета объявило Виктору выговор без занесения в личное дело.

Виктор отделался лёгким испугом по сравнению с тем, что ему угрожало. В немалой степени этим он был обязан трём своим подругам, так внезапно появившимся на партбюро. На самом деле из этой неразлучной и совсем не святой троицы, уже пятый год делившую небольшую комнатку в общежитии, подругой Виктора была та самая миловидная стройная блондинка, которая не побоялась накануне распределения и защиты дипломного проекта поставить ультиматум профессору Гончару во время заседания партбюро. Прекрасную и изящную блондинку звали Лилия Сергачёва. Если верить гороскопу, то благозвучное имя Лилия происходит от названия цветка. Белый же цвет лилии по многим преданиям означает красоту, невинность и непорочную чистоту. Виктор ни сколько не сомневался, что его Лиля бесповоротно соответствует этим преданиям. Она, действительно, отличалась просто необычайной белизной волос, длинные локоны которых серебристыми волнами струились по тонким плечикам девушки, обрамляя её хорошенькое личико. Виктор ни сколько не сомневался, что блондинки – это не только цвет волос гламурных белокурых женщин из красочных обложек глянцевого журналов и глупых героинь из популярных анекдотов, а, напротив, символ незаурядного интеллекта и квинтэссенция скромности и поразительной женственности. Именно таковой и являлась в представлении Виктора Лиля Сергачёва.

Полной противоположностью Лиле была вторая участница тройственного союза, жгучая, привлекательная и сексапильная брюнетка Ляля. Она, часто подшучивая над Виктором, стараясь вызвать ревность у Лили, серьёзно и нежно шептала ему на ухо:

– Витенька, ну хватит уже при встрече целовать меня в щёчку, когда в наличии имеются такие страстные и малоцелованные губки.

На эту банальную тираду, Виктор неизменно отвечал:

– Ляля, ты же знаешь, что некоторые джентльмены, к которым, кстати, отношусь и я, любят только блондинок, все остальные мужчины любят брюнеток.

Классическая фраза «знойная женщина – мечта поэта» как нельзя лучше характеризовала внешний облик Ляли Кириловой. Она была стильной и загадочной, яркой и непредсказуемой девушкой, напоминающей роковую женщину из мыльных опер. Начитанная, эрудированная, остроумная и всё знающая Ляля всегда становилась как центром, так и душой любой компании. Она, как мощный магнит, притягивала к себе худшую половину человечества, подпуская её до определённого предела и тут же, если считала необходимым, выставляла невидимый, но непреодолимый барьер, перешагнуть который было нереальным. Да что там говорить, весь факультет хорошо понимал, что тронув кого-нибудь из святой троицы, можно было нарваться на такой, хотя и цензурный, но уничтожающий речитатив Ляли, что на долгое время становилось не по себе.

Златовласка Лариса Маслова составляла завершающую часть троицы. Несмотря на светло-кирпичный цвет волос, она меньше всего походила на рыжеволосую бестию и вопреки расхожему мнению не обладала качествами колдуньи или ведьмы. Она была целеустремлённой, оптимистичной и харизматичной девушкой. Казалось, что её рыжие волосы, отражаясь от солнца, освещают тернии её жизненного пространства, которые она поэтапно успешно преодолевает. Характерно, что все три имени: Лиля, Лара и Ляля начинались на одну и ту же букву «л», которая, по их мнению, символизировала не что иное, как любовь между ними, любовь к жизни, любовь к прекрасному, любовь к неизведанному, любовь ко всему, что только можно любить. Неизбитое выражение, что «любовь, как и дружба, понятия круглосуточные», пожалуй, наилучшим образом характеризовала эту девичью компанию. Мушкетёрский принцип «один за всех и все за одного» тут не провозглашался, а подразумевался само собой. В то же время их троица не была какой-то замкнутой на себя кастой. Скорее, наоборот, девушки не ставили цель изолироваться от студенческого коллектива, и, в сущности, являлись его ядром и

движущей силой. Как и по какому принципу, они стали закадычными подругами было совершенно непонятным окружающим. Они были разными практически во всём, начиная от цвета волос, происхождения, воспитания и заканчивая мировоззрением и восприятием реального мира. Наверное, единственной, нет, нет, не причиной, а предпосылкой их объединения стал тот факт, что все они были русскими по национальности. Львовский государственный университет, в который поступили девушки в конце 60-х годов, размещался в западноукраинском регионе, который разительно отличался от других районов Украины высоким уровнем украинского национального самосознания и безусловным преобладанием украинского языка. Поэтому, русские студенты (их количество едва превышало 5 % от общего числа) на фоне украинского большинства выглядели, если не белыми воронами, то, в некоторой степени, пришлыми чужаками. Разумеется, в то время не было никакой национальной вражды, никакой расовой дискриминации, но в то же время и особой дружбы между украинскими и русскими соискателями университетского образования не наблюдалось. Таким образом, русское происхождение Лили и Лары и позволило Ляле Кириловой приблизить их к себе и сформировать эту троицу с виртуальным брендом, состоящим из заглавной буквы «Л».

Произошло это неординарное событие на учебной геодезической практике после окончания первого курса. Два начальных семестра обучения были совсем непростыми. Система обучения в университете поразительно отличалась от школьной. Не было привычного давления со стороны учителя или классного руководителя, постылых классных и домашних работ, надоевшей опеки родительского комитета школы и наставлений педагогического совета. Был старейший в стране университет, храм науки, который через два месяца станет для них альма-матер. Слово «альма» в переводе с латинского означает кормящий. Вот и получается, что университет был для «святой троицы» кормящей матерью, которая выкормила своих питомцев, вложив в них продукты науки, знания и профессионализма. Но в начале пути было совсем не просто. Лекции, семинары, лабораторные работы, коллоквиумы, семестр, зачёты, сессия – весь этот новый студенческий сленг трансформировался в постоянную и напряжённую самостоятельную работу, направленную, в конечном итоге, на приобретение знаний и получения высшего образования. Это самое образование складывалось из маленьких, не всегда гладких, камешков, которые по мере их накопления выстраивали пирамиду, венчающую эрудицию, компетенцию, и просвещённость выпускников университета. Первыми такими камешками были обязательные для всех курсы общеобразовательных дисциплин: высшая математика, физика и химия. Однако, наряду с этим, в отличие от других факультетов, сразу же начиналось, так называемое введение в специальность. Невероятно интересно было слушать утром о природных зонах нашей планеты, в обед рассматривать в геологическом музее огромные глыбы горных пород и невиданные ранее окаменелые раковины полумиллионного возраста, а уже ближе к ночи в астрономической обсерватории учиться распознавать россыпи мерцающих созвездий на ночном небосклоне. Подобного не было ни на одном факультете. Студенты мехмата пробирались сквозь дебри интегралов, дифференциалов, юрфаковцы зубрили статьи гражданского процессуального права, филологи штудировали фонетические и морфологические основы русского и иностранных языков. А наши девушки уже с первого курса вычисляли даты солнечных и лунных затмений, рассчитывали количество воды, испаряющейся с озера Байкал, Ладоги или Арала, учились производить топографическую съёмку местности. Как раз геодезии и картографии была посвящена первая практика. Девушкам из сообщества «Л» запомнилось это непередаваемое сладостное и, вместе с тем, тревожное ожидание этой практики. Это ожидание можно было выразить только одним, таким кратким и в тоже время таким ёмким, словом «свобода». Было это вовсе не, как утверждали дяди-философы, «осознанной необходимостью», это было скорее избавление от довлеющего надзора родителей, коменданта общежития, преподавателей. Это было какое-то внутреннее раскрепощение от оков, которые вольно или невольно сковывали девушек в повседневной поступи суетливых буден. В реальности эта свобода матери-

ализовывалась в виде десятка серебристых палаток среди округлых холмов и синеватых перелесков на окраине прикарпатского села, главной достопримечательностью которого являлась горная река Быстрица. А ещё свобода символизировалась общим котлом с супом, борщом или кашей, ватным, выдавшим виды, спальным мешком, защитного цвета станковым рюкзаком и непередаваемыми ощущениями самодостаточности и полноценного удовлетворения от текущего бытия.

Венцом геодезических работ являлся топографический план местности. Чтобы составить такой план, необходимо было произвести измерения с помощью, казавшимися поначалу такими сложными, оптическими приборами: теодолитом и нивелиром, затем выполнить непростую математическую обработку и, в конце концов, вычертить карту. Для реализации комплекса геодезических работ студенческая группа будущих географов делилась на бригады: по шесть человек в каждой. Формирование одной из таких бригад и взвалила на свои хрупкие и нежные плечи роковая женщина Ляля Кирилова. Это важное деяние заняло у неё не более пяти минут. Она притянула к себе белокурую Лилию и рыжую Лару, а затем поманила, наманикюренным пурпурным лаком, пальчиком, приглянувшегося ранее Виктора и радостно выкрикнула:

– Вот и все дела, коллектив юных топографов организован. Налицо, так сказать, бригада «ух», которая будет работать за двух. Кстати, подбор оставшихся двух высоких, статных и коммуникабельных парней, способных перетаскивать тяжёлые приборы, нивелирные рейки и штативы, а также носить на руках нас, красивых девушек, Витя, я доверяю тебе.

Худенький, совсем невысокого роста, Виктор, который удачно компенсировал свои выдающиеся атлетические данные блестящей эрудицией, остроумием и потрясающим чувством юмора, молниеносно включил в команду двух братьев близнецов, входящих в сборную университета по баскетболу, и таким образом, успешно завершил комплектование бригады по сценарию Ляльки. Бригадный паритет, представленный незамысловатым, содержащим в известном смысле амурную интригу, математическим соотношением «три плюс три» размещался в двух палатках. На брезентовом отвороте первой из них, где дислоцировалась мужская часть бригады, крупным курсивом, выведенным красным фломастером, было написано: «Прежде чем зайти сюда, подумай, нужен ли ты здесь». Охотников думать, почему-то не находилось. Да и что можно было увидеть внутри холостяцкой палатки, кроме сваленных друг на друга спальных мешков, грязных резиновых сапог на земляном полу, пустых бутылок из-под традиционного студенческого вина «Бше мцне» и многочисленных окурков дешёвых сигарет «Аврора». Совсем другим представлялся интерьер палатки лучшей половины бригады. Перед входом здесь тоже висела вывеска, которая гласила: «Готовы Вас всегда принять, надо только постучать». Поэтому, думать, нужен ли ты здесь не имело смысла, поскольку девчонки были всегда рады всякому сюда входящему. Этот входящий, переступив палаточный порог, попадал в страну берёзового ситца, не сразу понимая, что временное брезентовое жилище разделяли на две неравные части ситцевые занавески с белоствольными деревьями, печально роняющие осеннюю жёлтую листву. Большая часть палаточного пространства, пол которого был покрыт пушистыми еловыми ветками, использовалась как гостиная, посреди которой на коричневатом альпенштоке висело круглое резное зеркало. С потолочной части палатки свисали цветные верёвочки с лёгкими полочками, на которых покоились духи «Быть может», дезодоранты, лак для ногтей и множество других аксессуаров для макияжа. Получалось, что Лилия, Лара и Ляля ненавязчиво превратили полевое убежище от дождя и ветра в приют комфорта, уюта и даже своеобразного женского интима.

В одно прекрасное июньское утро, когда первые розовые блики восходящего солнца коснулись извивающихся перекатов шумной Быстрицы, Виктор несмело постучал в деревянный шест, на котором крепилась девичья палатка. На его стук никто не отозвался. Решив, что девушки досматривают приятные сновидения, он решил искупаться в стремительном потоке

горной реки. Пробираясь через густые и колючие заросли орешника, терновника и шиповника, Виктор вышел на крутой берег Быстрицы. Вышел и остолбенел. Внизу на небольшом скальном уступе у самой реки сидели три девушки, в которых Виктор без труда опознал Лилю, Лару и Лялю. Горделиво, как по команде, откинувшись назад, они подставляли солнечным бликам свои упругие тела. А тела эти были совершенно голые. Лара и Ляля неожиданно отстранились от скалы и, вилля мягкими округлыми бедрами, плавно переходящими в трепещущие незагорелые ягодцы, бросились в воду. Лиля, наоборот, повернулась спиной к реке, как будто специально выставляя напоказ свою манящую наготу. У Виктора закружилась голова, розовое утреннее изображение прикрылось белесой пеленой. Но и сквозь эту белую завесу он видел только белую, как парное молоко, кожу, высоко поднятые, как две нераспустившиеся лилии, девственные груди и неприкрытую белизну стройных ног, венчающих в верхней части едва различимый и навязчиво зовущий к себе чёрный треугольник. И всё это белоснежное наваждение принадлежало утонченной блондинке, однокурснице Виктора Лиле Сергачёвой. Он, пожалуй, впервые в жизни ощутил, что кроме рук, ног и головы, в левой части груди у него аритмично трепещет сердце, готовое в то, поистине, чудное мгновение оторваться и с быстротой молнии покатиться к ногам Лилии. Восторг и изумление отбросили нахлынувший стыд от, не спланированного заранее, нахального подсматривания за женской обнажённой натурой. Виктор никогда не был вуайеристом. Напротив, когда друзья предлагали ему обратить свой взор, направленный снизу вверх, на внезапно открывшиеся прелести из-под юбки девушки, стоящей на балконе, он стыдливо отворачивался в противоположную сторону. У него никогда не было артиллерийского бинокля, предназначенного для просмотра раздевающихся женщин в ночных окнах напротив дома, в котором он жил. И ещё Виктору, в отличие от своих приятелей, никогда не мечталось побывать в женской бане, в которой можно было в полной натуре лицезреть полный спектр разнообразия очаровательных форм противоположного пола. Однако сегодняшний нежданный приворот возбудил в нём не столько эротические помыслы, сколько необыкновенные и загадочные чувства прекрасного, возвышенного и таинственного, а также какую-то неосознанную неординарность произошедшего.

В это утро Виктору так и не пришлось искупаться в прохладной Быстрице. Зато уже через полчаса он сидел за грубо и наспех сколоченным столиком возле палатки девушек ипил из эмалированной кружки дымящийся крепкий чай, поданный ему Лилей. Лёгкий ветерок слегка развеивал её, ещё не высохшие от утреннего купания, белокурые волосы. Плотнo обтягивающие её великолепную фигуру синие джинсы и тонкий красный свитер незаметно скрадывали увиденное совсем недавно Виктором на берегу реки. У него слегка подрагивали руки. Да что там руки, где-то в самых затаённых уголках подсознания вибрировало и нервно пульсировало всё его естество. Обжигая горло горячим чаем, Виктор ещё не понимал, что сегодняшнее утро стало поворотной вехой в его жизни. Он ещё не знал, что чуть более получаса назад получил мощный заряд, который у лириков называется возгоранием чувств. Он ещё не ведал, что стрела Купидона достигла, наконец, и его сердца, возбудив пылкую страсть и чувства настоящей и непостижимой ещё любви.

Так уж получилось, что первая практика ознаменовалась для Виктора первой любовью. Ещё вчера он беззлобно подшучивал над белой Лилией, рассказывая ей анекдот:

– Что общего у кометы Галлея и блондинкой со справочником по квантовой физике в руках?

– Обе встречаются раз в 75 лет.

Сегодняшним вечером после трудоёмких полевых измерений, когда вся группа отдыхала у разгорающегося костра, всегда рациональный, практичный и трезвомыслящий Виктор, неожиданно для себя, как бы полушутя, продекламировал: «Лиля, Лиля! Я страдаю безотрадной тоской, я томлюсь, я умираю, гасну пламенной душой». Он поднял низко опущенную голову и увидел прямо перед собой светло-зелёные Лилины глаза, в которых едва заметно про-

бегали оранжевые блики кострища. Она встрепенулась, внимательно посмотрела на Виктора и, заливаясь колокольчиковым смехом, промолвила:

– Виктор, ты в порядке, случайно не перегрелся сегодня на солнце, не заболел. Никогда не думала, что ты пишешь такие замечательные стихи, да ещё и посвящённые мне.

– Лилечка, похоже, мне, действительно, нездоровится. А стихотворение для тебя написал сам Александр Сергеевич Пушкин.

– Витя, – прощепетала Лиля, – твои сегодняшние дифирамбы как-то совсем не вписываются в иронию и вечные издёвки, порой почти граничащие с грубостью и нетактичностью по отношению ко мне.

Виктор смутился, с болью в сердце, сознавая, что Лиля была права. В свои восемнадцать лет он принадлежал к девственникам, как в смысле своей непорочности, так и в смысле полного отсутствия юных дев вокруг своей скромной персоны. Если бы юношам на джинсы вместо фирменного лейбла можно было наклеивать статистику опыта интимного взаимодействия с девушками, то на ярлыке Виктора, несомненно, написали бы «нецелованный мальчик». От этого нелестного в мужском функционировании эпитета он, независимо от волеизъявления и уязвлённого подсознания, чувствовал себя в некотором смысле ущербным и закомплексованным. Возможно по этой, в общем-то, нелепой причине он позволял себе в отношениях с девушками, которые не очень-то обращали внимание на низкорослого и щуплого юношу, высокомерие и непозволительную амбициозность. Но на пороге сегодняшней ночи, когда ещё не улеглось утреннее волнение, когда лунные отблески хаотично блуждали по светлым барашкам горной речушки, Виктору показалось, что шальная звездочка, стремительно скатившаяся с тёмного небосклона, томно прошептала ему:

– Ловите, юноша, судьбу за хвост, сегодня настал ваш звёздный час.

Выждав, когда искры угасающего костра перестанут взлетать в млечное поднебесье и ребята начнут расходиться по своим серебристым палаткам, Виктор, приблизился к Лиле и накинул на её оголённые плечи свою ветровку. Он, с не свойственной ему бархатной интонацией в голосе, предложил ей осмотреть достопримечательности прикарпатского села, на окраине которого были разбиты их палатки. Смотреть, прямо скажем, было нечего. Деревни в Карпатах, как правило, вытянуты вдоль реки и располагаются в долине. Не составляло исключения и село Синевидное, центральная и единственная улица которого копировала изгибы и повороты реки. О цивилизации напоминали только светящиеся окошки покосившихся фасадов деревянных хат. На самой улице, несмотря на наличие фонарных столбов, что всё-таки свидетельствовало об электрификации села, стояла кромешная тьма. Лиля крепко держалась за руку Виктора, пугаясь ночной черноты, сердитого журчания горной реки и непонятного молчания всегда словоохотливого Бровченко.

Незабвенный Оскар Уайльд когда-то произнёс неотразимую фразу:

– У женщин поразительная интуиция, и ничто не остаётся ими незамеченными, кроме очевидного.

Лиля, как и все женщины, обладала инстинктами и чутьём, присущими только им. Однако, в отличие от уайльдовских английских мисс и миссис, «рашен гёлл», Лиля Сергачёва всегда мыслила рационально и отличала очевидное от невероятного. Она догадывалась, что неадекватное поведение Виктора нынешней ночью таит какую-то загадку и что за этой тайной скрывается, скорее всего, нечто восторженное и возвышенное. Обострённое женское чутьё не подвело Лилю и на этот раз. Они как раз проходили по скрипучему деревянному мосту через шумную Быстрицу. Перила у моста отсутствовали, к тому же он скрипел и слегка шатался как пьяный после дружеской попойки. Лиля непроизвольно обхватила талию Виктора и прижалась к нему, почувствовав внезапно сильную дрожь, которая сотрясало всё его тело. Он внезапно приподнял хрупкую Лилю, порывисто прижал к себе и отрывисто прохрипел:

– Лиля, ты понимаешь, что с этой минуты ты моя. Можешь не сомневаться, хочешь ты этого или не хочешь, я тебя вовеки никому не отдам. Я тебя очень и очень люблю, как не любил никогда и как никогда больше не буду любить.

Он приблизил свои губы к мягким и податливым Лилиным устам и целовал их так неистово, так нежно и так долго, что она в сладостной полу-дрёме и каком-то сюрреалистическом полузабытье, обвивая шею Виктора своими белыми замёрзшими руками, отрешённо выпалила:

– Витя, ты не представляешь, как у меня кружится голова, как блуждают перед глазами тёмные очертания горных хребтов за рекой и как ночные звёзды предсказывают мне, что у нас всё будет хорошо.

Ветхий мостик всё также продолжал раскачиваться под порывами прохладного ветра, дующего с карпатских вершин. Всё также катила свои свинцовые и холодные воды горная Быстрица, мерно и сонно поглощая все звуки и всплески. А Лиля и Виктор, прильнув друг к другу и пританцовывая в ритме мотающегося мостика, понимали, что всё уже не так, как было раньше, всё изменилось, они сумбурно перешагнули невидимую границу, меняющую статус их местного бытия, как в быстротекущем времени, так и в окружающем пространстве.

Конец практики совпал, когда на пятки шальному августовскому звездопадению синеватой дымкой наступал осенний сентябрь. В эту комфортную, так любимую Лилей, паутинную пору бабьего лета, она уезжала в деревню к отцу и матери, чтобы помочь им в нелёгкой работе по хозяйству. Виктор называл этот сезон бархатным, так как вместе с родителями улетел отдыхать на черноморское побережье Кавказа. В то время как Лиля занималась утренней дойкой коровы, кормлением кур и цыплят, домашней уборкой, заготовкой комбикорма для домашней живности на зиму, засолкой огурцов, капусты и грибов, Виктор подставлял своё худое незагорелое тело нежным, уже нежарким, солнечным лучам на курорте Пицунда близ Сочи. Прозрачными, уже холодными, вечерами, накинув деревенский материнский платок и приютившись к покосившейся завалинке, уставшая Лиля думала о Викторе, стараясь вообразить, как возлюбленный коротает время без неё в черноморской здравнице. Порывы осеннего ветра срывали ещё зелёную листву с белоствольных берёз и стройных тополей, сквозь их густые кроны Лиле мерещился тёплый золотистый песок сочинского пляжа, экзотические пальмы, под которыми сидел Виктор в окружении длинноногих девушек в голубых купальниках бикини. Виктор действительно большую часть времени проводил на пляже. А что ещё делать не обременённому суетой рабочих буден курортнику, как не обволакивать своё тело в бархатистые волны тёплого моря с тем, чтобы, небрежно отряхивая пупыристые брызги, водрузить его на матерчатый шезлонг. Воображение Лили рисовало ей правильную картину. Правда узкая полоса пляжа была покрыта не золотистым песком, а округлой галькой. Что же касается девушек, то, действительно, вокруг Виктора в, совсем небольшом, обозримом радиусе, словно на подиуме в доме моделей, фланировали десятки стройных блондинок, элегантных брюнеток и недурно сложенных шатенок. Однако, несмотря на впечатляющую палитру полуобнажённых девичьих тел, Виктор не обращал на них никакого внимания. Как в бодрствующем состоянии, так и в ночных сновидениях перед ним предстала грациозная фигура его Лили. В доме отдыха родители Виктора познакомились с коллегами, врачами из Москвы. С ними отдыхала их двадцатилетняя дочь, складная рыжеволосая Настя. Когда она за завтраком или за ужином смотрела на Виктора, в её светло-карих глазах загорались какие-то призывные демонические огоньки, которые проскальзывали мимо его внимания. Даже отец, шутливо толкнув сына в бок, мечтательно проговаривал:

– Виктор, да ты что совсем слепой, обрати внимание, как Настя на тебя смотрит, самое время закрутить южный роман. Эх, мне бы твои годы.

На что мать мгновенно отреагировала длинной тирадой:

– Я тебе покажу, роман, я тебе покажу твои годы, старый ловелас. Ну а тебе, сынок, почему бы вечером не пригласить Настю прогуляться по набережной, посидеть в кафе на берегу моря, послушать музыку, может быть даже потанцевать. Поверь мне, вам будет, о чём поговорить, Настя представляется мне очень серьёзной и начитанной девушкой.

– Мама, – резко оборвал её Виктор, – не нужна мне её начитанность и серьёзность, не хочу я сидеть с ней в кафе и, тем более, танцевать. Хочу я только одного, чтобы ты от меня отстала со своими просьбами закрутить курортный роман с этой рыжеволосой бестией.

– Как тебе не стыдно, называть скромную девушку бестией, да и разве это называется романом провести вечер с хорошей девушкой, побойся бога, Виктор, – гневно отозвалась мать.

– Мама, ты же знаешь, бога я не боюсь, это, во-первых, – выкрикнул Виктор, – во-вторых, просто так я вечера не провожу даже с хорошими девушками и в-третьих, доведу до твоего сведения, что у меня уже есть девушка, изменять которой не входит в мои, как ближайšie, так и долгосрочные планы.

– Сынок, дорогой, – с горящими от счастья глазами, захлебнулась в своём ответе мать Виктора, – так что же ты молчишь, когда ты приведёшь её к нам в дом, я уже умираю от нетерпения увидеть её. Виктор уже и сам не рад был, что в запале проговорился матери о своих отношениях с Лилей. Но отступить было некуда, поэтому он не нашёл ничего лучшего, как торжественно произнести:

– Знаешь, мама, у меня через месяц день рождения, я её обязательно приглашу, вот тогда и познакомишься.

Виктор безгранично жалел, что поддался на уговоры родителей поехать отдыхать на юг. Каждое утро он просыпался с мыслью о Лиле, каждый день он писал ей письма, вслед за которыми, по окончании своей сочинской ссылки, чуть ли не с трапа самолёта помчался в общежитие, где жила Лиля. Нисколько не стесняясь толпы студентов, заполнивших узкий коридор, он плотно прижал Лилию к себе и долго целовал её, излучающие запах сельских перелесков, белесые волосы. Наконец, выпустив её из своих объятий, Виктор достал из спортивной сумки мягкий свёрток и вручил его Лиле. На Лилин недоумённый взгляд Виктор смущённо пробормотал:

– Это маленький презент тебе, мне сказали сейчас модно.

В свёртке оказался длинный шерстяной шарф чёрного цвета. Лилины зелёные глаза стали ещё зеленее, она радостно засмеялась и, поцеловав Виктора в щёку, на одном дыхании воскликнула:

– Витя, ты даже не представляешь, что за подарок ты мне преподнёс, это не шарф, это находка, это приоритет, все университетские модницы одевают такие к блузкам и платьям.

Виктор не нашёл ничего лучшего, как неопределённо пробубнить:

– Не ведаю, насколько он моден, знаю только, что он из натуральной шерсти и спасёт тебя от холода, ведь помнишь, как дуло зимой из больших окон в лекционной аудитории.

Уже второй час он находился в общежитии, и всё это время неотступно смотрел на Лилию, словно сравнивая её наяву с грезившимся образом в ночных сновидениях в Пицунде. Наблюдательный Виктор обратил внимание на, глубоко спрятанные в искрящихся глазах Лили, затаённые крупинки грусти. Нарочито радостным и беспечным голосом он поинтересовался:

– Лиля, я всё вижу, говори правду и только правду, что у тебя за проблемы появились, пока я отсутствовал в Львове.

С явным нежеланием Лиля рассказала ему о неурядицах, связанных с проживанием в общежитии. С завтрашнего дня она должна была жить в новом, только что построенном общежитии. Однако, по вине строителей, оно не очень гостеприимно распахивало свои двери только послезавтра, а со старого общежития её уже выселили. Так получалось, что сегодня ночью Лиля остаётся без крыши над головой. Она, взглянув на огорчённого Виктора, с напускной мажорностью в голосе небрежно проронила:

– Ну не принимай, пожалуйста, близко к сердцу, где наша не пропадала, подумаешь, всего одна ночь, переночую на вокзале, мне не привыкать.

– Нет уж, дорогая, – решительно воскликнул Виктор, – никаких вокзалов, переночуешь у меня, вопрос решён, возражения не принимаются.

– Ты с ума сошёл, Витя, – жалобно промямлила Лиля, – у тебя дома, да это же просто невозможно, я буду себя чувствовать не то, что не в своей тарелке, а как на раскалённой сковородке, да лучше я буду среди цыган на станционной скамейке.

– Послушай, Лиля, – разгневанно выкрикнул Виктор, – я не для того на всех парах мчался из аэропорта прямо к тебе в общежитие, чтобы позволить тебе провести ночь в обстановке железнодорожного вокзала, наполненного далеко неароматными запахами пропотевшего народа и неизвестно каких ночных приключений. Немедленно собирай вещи, ловим такси и едем ко мне.

По дороге Виктор тревожно обдумывал, как представить родителям Лилю и как сказать, что она должна переночевать у них. Такси привезло их к родительскому дому быстрее, чем он успел сочинить нечто внятное. Понадеявшись на импровизацию изложения задуманного, он, как никогда робко, позвонил в дверной звонок, на переливчатую трель которого никто из домочадцев не отреагировал. Открыв дверь своим ключом, они с Лилей вошли в узкий коридор, который привёл их в просторную и в тоже время уютную кухню. На покрытом розовой скатёркой обеденном столе выделялся белый листок, на котором карандашом крупными синими буквами было выведено:

– Виктор, мы на два дня уехали в Ворохту к тёте Гале, борщ найдёшь на плите в синей кастрюле, компот из абрикосов в красной, а поджаренные шницели на сковородке. Потом поставишь всё в холодильник. Будь хорошим мальчиком. Целую. Мама.

Душа Виктора ликовала, подобного подарка изменчивой фортуны он просто не ожидал. Такое ему не могло присниться даже в самых фантастических сновидениях. Подумать только, он остаётся один на один со своей любимой девушкой в замкнутой квадратуре своей собственной квартиры. И никто из посторонних не сумеет вторгнуться в эту квадратуру, там будут только он и Лиля. Мечтательный транс Виктора прервала взволнованная Лиля:

– Витя, что случилось, у тебя глаза горят каким непонятным лихорадочным блеском.

– Да нет, Лиля, я в порядке, – радостно воскликнул Виктор, – пожалуйста, располагайся и чувствуй себя, как дома, и ничего не бойся, мои родители в отъезде, поэтому без всяких стеснений будь свободной и раскованной.

Вначале Виктор чувствовал себя смущённо. Он неуклюже попытался сервировать стол, разбив при этом тарелку из столового семейного сервиза. В конце концов, ему удалось налить в уцелевшие тарелки ещё тёплый борщ, разложить шницели и налить в сервизные чашки компот. Не забыл он и, как это делала мама, свернуть в треугольники дефицитные радужные салфетки и положить их под ножами, которые были по этикету справа от посуды, а вилки, как положено, слева. Лиля, которая молча сидела на удобном кожаном диване, вместо того, чтобы помочь Виктору, была сама не своя. Она, попеременно спуская руки с лица на колени, не находила им место от окутавшего её волнения. Обед прошёл в дружественной, но почти молчаливой обстановке, если не считать редких Лилиных похвал относительно вкусноты приготовленной мамой Виктора еды. В какой-то момент Лиля осмелилась спросить то, что навязчиво крутилось у неё всё время в голове. Она робко полюбопытствовала:

– Витя, прости, пожалуйста, а где я буду спать?

Виктор неловко обнял Лилю за плечи и подвёл её к родительской спальне, посреди которой располагалось, застеленное цветастым покрывалом, широкое и просторное семейное ложе. Лилины щёки мгновенно покрылись пунцовой краской, она едва нашла в себе силы промямлить:

– Ты прости меня, Витя, я ещё не привыкла спать вдвоём, найди мне, пожалуйста, односпальное место, так будет лучше как для тебя, так и для меня.

Виктор, как и Лиля, густо покраснел и не нашёл ничего лучшего, как раздражённо сказать:

– Не привыкла, так надо привыкать. Не всю же жизнь спать одной.

На Лилином лице выступили едва заметные капельки слёз и, уже всхлипывая, она совсем тихо прошептала:

– Виктор, прошу тебя, не надо меня принуждать, а то я пойду на вокзал. Там, наверное, меня никто не накормит домашним борщом и там будет менее комфортно, но непременно спокойнее.

Виктор растерялся, он понял, что перегнул палку и отнюдь не слегка. Надо было мгновенно исправлять положение. Он нежно прикоснулся к Лилиной руке и, мягко прижав её к своей, завёл в угловую комнату, которая считалась его владением, сам же устроился в проходной. Лиля, счастливая от того, что нашла ночной приют, быстро юркнула в кровать, застеленную, дефицитным по тем временам, цветным бельём, прикрыла глаза и моментально уснула. Виктору было совсем не до сна. Он вспомнил, как в розовых отсветах утренней зорьки случайно увидел обнажённую и обольстительную фигуру своей Лили на берегу горной карпатской реки, и ему стало не по себе. Тогда их разделяла не только река, а и совсем другой статус отношений, которые, по правде говоря, совсем не являлись тем, что называется отношениями между женщиной и женщиной. Сегодня же, когда они находились в состоянии влюблённости, когда, как магнитом, взаимно притягивались друг к другу, их отделяла уже не бурная река, а всего лишь стена между комнатами. Виктор находился в состоянии крайнего напряжения, готовый, словно человек-невидимка, проникнуть через эту оштукатуренную и раскрашенную стенку, чтобы заключить в объятия свою Лилию и не выпускать её из них всю эту уже холодную осеннюю ночь. Но что-то останавливало его взбудораженный пыл. Он включал телевизор, с голубого экрана которого всё время мельтешило, порядком надоевшее, лицо генсека Леонида Брежнева, тут же выключал его, нажимая кнопку кассетного магнитофона, с подклеенной плёнки которого любимый ансамбль «Битлз» исполнял романтическую песню «Мишель». Но даже Джон Леннон и Пол Маккартни не радовали его в эту ночь. Их голоса перекрикивал домашний «брехунец», так называли радиодинамик, круглосуточно вещающий в каждой квартире. Виктор выключил радио и магнитофон, в доме воцарилась тишина, сквозь которую слышны были только капли моросящего дождя за окном. На глаза ему попала отцовская пачка папирос «Казбек». Виктор открыл окно и нервно закурил папиросу. Где-то далеко отблёскивали зарницы, разрезая небо своими алыми отсветами. Виктор, неумело выпуская колечки папиросного дыма, думал об абсурдности создавшейся ситуации. За дверью мирно посапывает его любимая девушка, а он, измученный бессонницей, смотрит на ночное, покрытое свинцовыми облаками небо, раскуривает ненавистную папиросу и тихо страдает от того, что бессилён совершить то, чего жаждет его душа и тело. В эту ненастную ночь, как душа, так и тело желали любыми способами проникнуть в постель любимой девушки, прикоснуться губами к её устам, обнять за плечи и крепко прижать к своей груди. Долговременное юношеское гормональное напряжение победило все духовные начала, заложенные в Викторе пушкинскими и лермонтовскими героями на уроках русской литературы. Он, не помня себя от спонтанного надрыва, как лютый зверь, ворвался в комнату, где спала Лиля, резким взмахом откинул одеяло, и прильнул губами к округлым коленкам, убежавших от длинного подола ночной рубашки. Затуманенный взор Виктора увидел, хаотично рассыпанные на подушке, белокурые волосы и больше испуганные, чем удивлённые зелёные Лилины глаза. Виктор на коленях торопливо продвигался вдоль кровати, пока его руки не обхватили оголённые Лилины плечи и их губы не соприкоснулись, чтобы потом безотрывно и надолго слиться в страстном и безумном поцелуе. Ещё через несколько мгновений Лилина смятая ночная рубашка беспризорно

валялась на паркетном полу, а сам Виктор, раздевшись намного быстрее, чем бывалый солдат по команде «отбой», юркнул под тёплое одеяло, укрыв им себя и Лилию. Сердце его колотилось в бешеном ритме и, беспрестанно лаская Лилины небольшие упругие груди и точёные бёдра, он в нирванном полузабытьи сумбурно шептал:

– Я люблю тебя, слышишь, я очень и очень люблю тебя.

Необузданное волнение Виктора нарастало с каждой секундой, пока он бережно и осторожно не стал раздвигать в стороны стройные Лилины ноги. Её тонкие белоснежные руки отталкивали его от заветной цели, куда стремилось его, не в меру разбушевавшееся, естество. Однако через некоторое время напор Лилиных рук ослаб, и Виктор увидел в зелёной поволоке её больших глаз тихую и покорную нежность. Теперь возбуждённый Виктор в слабых отблесках прикроватного ночника уже не видел ничего, кроме курчавых волосков её чернеющего лона. Прежде чем нежно проникнуть туда, Виктор нашёл в себе силы ещё раз заглянуть в Лилины глаза, словно спрашивая у них разрешения на вход в святая святых. В их испуганном отсвете он прочитал тихое и безропотное согласие. Она дышала жарко и трепетно, а пылающий Виктор от безумного счастья был готов умереть в эту минуту. Они слились в одно целое, растворяясь во вспышках всепоглощающей любви. В какой-то момент Лиля вздрогнула и судорожно вскрикнула, и Виктор скорее почувствовал, чем понял, что сделал Лилию женщиной, одновременно перейдя из статуса юноши в мужчину.

Итак, произошло то, что должно было произойти между двумя влюблёнными разнополыми созданиями, случилось то, что должно было случиться между юношей и девушкой, поглощающих себя друг в друге. Через каких-нибудь двадцать лет в годы перестройки, в одном из первых советско-американских телемостов, одна из русских женщин на всю нашу голубую планету озвучила незабываемый тезис, провозгласивший, что в СССР секса нет как такового. На самом деле сексуальные отношения имели место быть и как таковые, и как не таковые. Порукой тому, что рождаемость в Советском Союзе всё-таки превышала смертность. Однако, родители запрещали пятнадцатилетним юнцам и девицам читать романы Золя и Мопассана, в городских кинотеатрах высвечивались вывески с грозной надписью «детям до шестнадцати вход запрещён» на фильм, где в одном из эпизодов мужчина страстно целует женщину в губы. В гостиницах администраторы и портье при появлении в лобби двух людей противоположного пола неизменно требовали паспорта, подтверждающие, что последние являются мужем и женой. Тем не менее, то, что мы сегодня называем сексом, существовало и в стране развитого социализма. Но местами его, почти партизанской реализации, становились парки и скверы, лесные опушки, брезентовые палатки, а в зимнее время – прогреваемые салоны легковых автомобилей и кабины грузовых машин. Советское государство то ли подсознательно, то ли планомерно, в соответствии с устоями коммунистической морали, регламентировало частную жизнь своих граждан и в этой интимной области бытия. Иногда дело доходило до совсем нелогического абсурда. Так получилось, что сосед Виктора, доцент кафедры философии политехнического института поехал отдыхать на берег Чёрного моря. И так сложилось у них, что его жена, не без протекции влиятельных особ, приобрела путёвку в санаторий, а бедный муж, лишённый благ цивилизованного отдыха, вынужден был снимать совсем не комфортабельное жильё в частном секторе небольшого крымского городка. Когда поздним вечером лунная дорожка подсвечивала утомлённую морскую пучину, они прощались, словно познакомились только сегодня. Жена отправлялась спать в санаторную палату, где она проживала ещё с одной женщиной, а незадачливый муж душными южными ночами долго ворочался в одиночестве на казённой неудобной кровати, мечтая, как в юности, обнять нежное и желанное тело своей супруги. В один из, опалённых жарким солнцем, бархатных черноморских дней соседку жены по комнате, которая занимала какой-то ответственный пост в министерстве здравоохранения, срочно вызвали на работу в Москву. Но освободившееся в комнате место долго не пустовало. Используя все доступные конспиративные меры предосторожности, наш доцент

лунной и тихой ночью под заунывное стрекотание надоевших цикад пробирался в палату к собственной жене, где они, надо полагать, взаимно выполняли супружеский долг, предписываемый, заключёнными ранее, брачными узами. Но надо же было так случиться, что бдительная, всегда стоящая на страже высоких моральных устоев советских отдыхающих, администрация санатория выполняла этой звёздной ночью плановую проверку нравственности своих подопечных. В результате этого, почти легитимного, расследования уважаемый доцент был с позором изгнан из, не совсем супружеского, санаторного ложа, на котором он занимался тем, что способствует повышению рождаемости в стране. Все его заверения и увещевания, что он является законным супругом женщины, от которой его вероломно оторвали, что он принесёт паспорт и что дома у него хранится брачное свидетельство, никакого эффекта не произвели и лишь, напротив, вызвали гомерический смех бдительной администрации, успешно выполнивший свой служебный долг. Но и этим делом не кончилось. Когда доцент после замечательного отдыха в Крыму вернулся домой, в институт, где он преподавал, пришло письмо, в котором наш герой характеризовался аморальным и безнравственным человеком. В течение многих лет имя нашего доцента склонялось на всех факультетских и институтских собраниях в назидание профессорско-преподавательскому составу университета.

Виктору и Лиле повезло, их первая небрачная ночь, ознаменовавшаяся резкой незапланированной вспышкой постельного интима, проходила не на пышной зелёной траве пригородной лесной рощи и не, на врезающемся в обнажённое тело, жёлтом песке морского или речного пляжа, а на удобной кровати в комфортабельной квартире. Но Лиле не было от этого легче. Когда после бурного ночного всплеска своей страстной любви, запыхавшийся Виктор убежал в салон, она, прикрыв своё нежное личико руками, безутешно и тихо плакала, пока первые лучи восходящего солнца, как будто стесняясь, протискивались через стеклянную оправу незашторенного окна. Тогда она, откинув лёгкое пуховое одеяло, быстро вскочила с кровати и, накинув на себя ночную рубашку, незаметно юркнула в ванную комнату. Горячий душ, струйки которого обволакивали её стройную фигуру, не принесли желаемого облегчения. Лиля уже не плакала, но неприметные маленькие слезинки продолжали застилать её большие глаза. Она не понимала, почему внутри её естества всё безудержно рыдало. Неужели потому, что в эту ненастную осеннюю ночь она потеряла девственность, которой так дорожила и которую постоянно призывала беречь её мама. Но ведь ей уже девятнадцать лет и когда-нибудь это должно было случиться. Да и женщиной сегодня она стала бережными усилиями человека, который беззаветно любит её и она отвечает ему взаимными чувствами, которые, как ей кажется, можно назвать высоким словом любовь. А может ей грустно от того, что как-то совсем неожиданно наступил момент прощания с девичеством и она, чистая и неприкасаемая нахальными и игристыми мужскими руками, в своих прозрачных, почти детских, сновидениях представляла эту ночь совсем не так, как это происходило сегодня. Она вспомнила, что в причудливых и волшебных снах первый интим с любимым мужчиной воображался ей белоснежным постельным покрывалом, осыпанного лепестками пунцовых роз и дюжиной цветных свечей, вставленных в высокие канделябры, стоящие вдоль кровати. Ещё ей чудилось в сновидениях, что её избранник в белом костюме, распластав руки в стороны, не прикасаясь к ней, под нежный и мягкий колокольный звон, который продолжает магическая музыка Моцарта, всю ночь целует её обнажённое тело. Потом появляется добрая и красивая фея, накрывает их ярко-красной фатой, под волшебным действием которой всё происходит само собой. Что-то похожее Лиля ощутила сегодняшней ночью. Не было горящих свеч и пылающих роз, колокольного звона и чарующей музыки, была какая-то плотская улада двух влюблённых, которые тонули в ней, теряя разум, невинность и целомудрие, а потом выплывали, находя друг друга в волнах всепроникающей любви. И сейчас, нагая и беззащитная, смывая мощным напором горячей воды, истощаемого массажным душем, накопившиеся ночные волнения и переживания, Лиля подумала, что минутная физическая боль, пронзившая её, когда Виктор нежно вошёл в потайную утробу,

сейчас перешла в душевную боль. Эта боль почему-то незаметно прорывалась через невероятную эйфорию, охватившую всю её душу. Так и не разобравшись в единстве и борьбе своих противоположностей, Лиля, набросив халат, вышла из ванной комнаты. На кухонном столике на тарелочке рельефно выделялись аккуратно разложенные бутерброды с сервелатом и голландским сыром, а из сервизных чашечек дымился свежесваренный кофе. Виктор, опустив глаза в паркетный пол, пригласил Лилю к столу, а она, не смея взглянуть на него, быстро выпила кофе и, сославшись на дела, связанные с обустройством в новом общежитии, торопливо покинула дом, в котором провела безумную и незабываемую ночь.

Едва переступив порог общежития, Лиля сразу же наткнулась на Ляльку, которая, заглянув в её обезумевшие глаза, поняла всё без лишних слов. Притянув подругу к себе и нежно обняв её за плечи, тихонько проворковала:

– Всегда что-нибудь бывает первый раз, поэтому не устраивай мне здесь панихиду, не грустить, а радоваться надо. Тебя же, надо понимать, не изнасиловали в тёмном подъезде и ты же, если называть вещи своими именами, отдалась не первому попавшемуся прохожему, а любимому человеку.

– А что же будет, если Виктор на мне не женится, – сквозь, снова наворачнувшиеся, слёзы прошептала Лиля, – как я тогда посмотрю в глаза своему будущему мужу.

– Ещё как помотришь, – воскликнула Лялька, – на этот счёт у меня нет никаких сомнений потому, что именно Виктор и будет твоим мужем.

Подруга успокоила Лилю, её слова, как нельзя, кстати, бальзамом проложили анестезирующую тропку к её неуравновешенному состоянию, впервые за этот день на её лице появилась лучезарная улыбка, которая озаряла всех, мимо проходящих. Она тихо проговаривала сама себе:

– Я счастлива, я уже не девочка, а настоящая женщина, я люблю Виктора, а он любит меня. Разве это не повод быть блаженной и благополучной и радоваться этим солнечным сентябрьским бликам после затяжного ненастья.

С этой исцеляющей и оптимистической установкой Лиля встрепенулась, сделала глубокий вдох и начала упаковывать вещи для переезда в новое общежитие.

На следующий день, проходя по университетскому коридору мимо группы однокурсниц, как всегда окружающих неразлучную тройку, Виктор небрежно обняв за талию двух, первых попавшихся по ходу его движения, девушек, скороговоркой выпалил:

– Девчонки, у меня сегодня день рождения, приглашаю всех. Будут торт, пирожные, конфеты, вино и красивые парни для свободных девушек. Начинаем в семь часов вечера, прошу любить, жаловать и не опаздывать.

Лялька, которая любила и жаловала подобные междусобойчики, радостно заверещала:

– Непременно будем, постараемся даже губы не накрасить, пока не зацелуем именинника во все разрешённые места.

Виктор погрозил Ляльке пальцем и помчался дальше по коридору по своим делам. Получилось так, что Виктор как бы пригласил всех и в то же время не пригласил никого.

– Разве так зовут гостей на день рождения, – не на шутку разобиделась Лиля, – да в колхозе на прополку буряков более культурно просят прийти.

– Да успокойся, подруга, – примирительно заявила Лялька, – ты, что своего Виктора не знаешь, он меньше всего думает об этикете, наглаживай свою парадную блузку и вперёд и с песней.

– Нет уж, никакой песни не будет, а движение вперёд по направлению к дому Виктора отменяется, никуда я не пойду, – категорично заявила Лиля.

Зная твёрдый характер своей подруги, Лялька, не утруждая себя навязчивыми уговорами, помчалась в близлежащую парикмахерскую. Ближе к вечеру у неё начался утомительный процесс подбора одежды для вечеринки. В итоге её прикид выглядел примерно следую-

щим образом: ярко-красные, режущие даже здоровые глаза, модельные туфли на высоченных шпильках, подчёркивающие, итак достаточно стройные, ноги далеко не низкорослой Ляльки. Вертикаль этих самых длинных ног, облачённых в ажурные чёрные капроновые чулки, призывно обрывалась у края, высоко поднятой, фиолетовой мини-юбки, которая тонировала тёмно-зелёную блузку с бордовым жакетом впридачу. Со всей этой радужной палитрой гармонировали, вопреки обещанию имениннику, ярко накрашенные пухлые губы и подведенные до необычайной синевы огромные глаза. Сказать, что внешний вид её был вызывающим и действующим на прохожих мужчин, как красная тряпка на быка, означал не сказать ничего. Современные парижане наверняка признали бы в ней куртизанку времён Гиде Мопассана. Как бы там ни было, ровно в семь вечера Ляля с бутылкой венгерского вина «Токай» в руке протяжно, долго не отпуская кнопку, звонила в дверь квартиры именинника. Мать Виктора, предупреждённая сыном, что среди гостей должна быть его девушка, которую зовут Лиля, чуть ли не бегом бросилась открывать двери, удивившись на ходу нетактичной продолжительности звонка.

– Здравствуйте, я – Ляля, с именинником вас, – пулемётной очередью прострелотала она и, аккуратно отодвинув плечом мать Виктора в сторону, быстро влетела в комнату к уже накрытому столу. Ошарашенная Эмма Абрамовна, так звали мать Виктора, приняв скороговоркой сказанное более чем экстравагантной девушкой имя Ляля за созвучное Лиля, поспешно ретировалась в свою комнату искать успокоительные капли. Когда же через полчаса Виктор зашёл в родительскую комнату за недостающими стульями и сообщил, что его девушка по неизвестной причине не пришла, мать Виктора почувствовала невероятное облегчение, подобное ощущению командира батальона на фронте, когда по окончании массированного артиллерийского обстрела выясняется, что никто из его солдат серьёзно не пострадал. За столом тем временем царил непринуждённое веселье, свойственное хорошо спетому, а возможно даже и спитому студенческому коллективу. Конечно же, весь вечер на манеже доминировала неподражаемая Лялька. Нисколько не смущаясь, она беспардонно ворвалась в комнату родителей и к величайшему неудовольствию матери потащила в залу танцевать отца Виктора. Ребята в модных тогда узких брюках, называемых дудочками, ниспадающими на остроносые лакированные туфли, отплясывали под быструю музыку, льющуюся из старого магнитофона, с девчонками в коротких стильных юбочках популярные твист и чарльстон. В какой-то момент неугомонная Лялька, найдя на кассете медленный танец, именуемый арабским танго, низким интимным голосом провозгласила:

– Объявляется дамский танец, милые дамы приглашают приглянувшихся им кавалеров.

Выждав, когда танцующие пары заполнили пространство комнаты и из магнитофона раздался чарующий голос Сальваторе Адамо, Лялька выключила надоевший яркий свет комнатной люстры. Тем самым партнёрам по танцу представилась возможность прижаться друг к другу покрепче, и при взаимном согласии сторон целоваться, не опасаясь быть замеченными другими. Ляля одиноко стояла в полной темноте, пока не приоткрылась дверь, запустив в крошечный мрак полоску света, и в комнату не вошёл Виктор. Объятая винными парами Ляля тут же обняла его за плечи, вплотную прижалась к нему своей убористой грудью и, покачивая округлыми бёдрами в ритме музыки на два такта, заставила Виктора танцевать что-то похожее на танго. Густо накрашенные губы Ляльки касались его шеи, в любую минуту готовые к крепкому поцелую, оставляющему не только красные следы губной помады, а и фиолетовую метку, именуемой на жаргоне засосом. Виктор как мог, отстранялся от неё, вдыхая смесь цветочных духов и виноградный запах «Токая». Лялька, не обращая ни малейшего внимания на напрасные потуги Виктора освободиться от её объятий, вклинивала свою стройную ногу между его ног и вкрадчиво шептала ему на ухо:

– Дорогой ты мой именинник, да разве могу я изнасиловать мужчину своей лучшей подруги. Какой же ты всё-таки дурак, что лично не пригласил её на день своего ангела, только такой идиот, как ты, не смог привести Лилию за руку в свой дом.

Виктор молчал, продолжая машинально обнимать Ляльку за талию и медленно передвигать ногами в такт мелодии. Она же, не давая ему опомниться, продолжала клеймить его позором, тихо приговаривая:

– Только такой придурок и чурбан, как ты, только вчера, изваяв из своей подруги женщину, уже сегодня не соизволил доставить её сюда на руках.

Виктор стремительно вырвался из её объятий, на глазах его выступили слёзы. Пьяная Лялька своим речитативом переступила красную линию, но изгнать её с этой линии не было никакой возможности по единственной веской причине: она была абсолютно права.

На следующий день в шесть утра Виктор на такси уже подъезжал к городской окраине к новому общежитию, где обосновалась Лиля. Как океанский цунами с большим букетом осенних хризантем, подаренных кем-то ему на день рождения, он стремительно ворвался в комнату, где жили три подруги. Разбудив всех своим внезапным вторжением, он, нисколько не стесняясь полураздетых Ляли и Ларисы, опустившись на колени возле Лилиной кровати, с деланным мажором в голосе пророкотал:

– Мадемуазель Лиля, разрешите пригласить вас на торжество, связанное с моим девятнадцатилетием, которое состоится сразу же после третьей пары, после лекции по климатологии.

По завершению этой тирады Виктор рассыпал разноцветные хризантемы на постель, за что был награждён хлипкими аплодисментами уже не спавшими Ляли и Лары. Лиле, всю ночь, не сомкнувшую глаз от переживаний и заснувшую лишь под утро, резануло слух слово мадемуазель. Откинув белокурые волосы, спадающие на глаза, в сторону, и, натягивая одеяло под самые плечи, закрывая тем самым белые бретельки лифчика, она неожиданно для себя выпалила:

– Какая же месье Виктор, я вам мадемуазель, мне кажется, что нам обоим известно, что мне совсем недавно присвоили титул мадам, теперь, с вашего позволения, я уже мадам Сергачёва.

– Пусть будет мадам, – покорно согласился Виктор, – миссис, фрау и даже синьора, в любом случае госпожа Сергачёва я жду вас сегодня в ресторане «Лето», где у меня заказан столик на двоих и где нас ждёт романтический обед. С этим разрешите откланяться, уважаемая мадам Сергачёва.

Уже под бурные овации Ляли и Ларисы Виктор шаткой походкой покинул девичью комнату.

Несмотря на обеденное время, в ресторане «Лето» оркестр играл живую музыку, молодой человек в соломенной шляпе не совсем трезвым голосом, растягивая слова, фальшивил утёсовскую песню: «Как много девушек хороших, как много ласковых имён, но лишь одно из них тревожит...». Виктор и Лиля сидели на открытой веранде за столиком, покрытым неизменной белой скатертью с привычными пятнами на ней. Виктор имитируя голос солиста, повторял слова песни, превращая её в ремикс: «но лишь одна меня тревожит, мадам, что Лилией зовут». Вместо благодарности за экспромтное посвящение, Лиля шуточно обозвала его ненормальным и даже наградила лёгким тумачком по спине. Возможно, избиение Виктора продолжалось бы и дальше, если бы к ним величаво не подплыла толстая, средних лет, официантка в лоснящемся белом фартуке и кремовым капором, плохо скрывающим её огненно – рыжие волосы. Наметанным взглядом, приняв их за небогатых клиентов, с плохо скрываемым раздражением она процедила:

– Прошу вас быстро оформить заказ, а то меня ждут другие посетители.

Виктор, с видом знатока, не спеша перелистывал картонные страницы меню, не имея малейшего понятия, что выжать из этого истрёпанного буклета. Оторвавшись, наконец, от чтения перечня незнакомых ему блюд, он хмуро спросил, начавшую нервничать официантку:

– А что вы нам посоветуете? Мы бы хотели вкусно поесть и выпить сухого вина.

Официантка, окончательно определив, что перед ней сидит дилетант трактирного заведения, быстро выхватила меню, чтобы Виктор не сориентировался в цене того, что она предложит, и радостно заверещала:

– Я принесу вам, ребята, ассорти и к нему бутылку водки, очень востребованной в нашем ресторане.

– Прошу прощения, – недовольно фыркнул Виктор, – мы просили бутылку сухого вина.

– Сухого вина у нас не бывает, – отрезала рыжая служительница общепитовского культа, – есть только портвейн белый таврический.

Виктор раздражённо кивнул головой в знак согласия. Эта рыжая и нахальная толстуха окончательно испортила ему настроение. Прошло не менее получаса, как она поставила на стол вино и большое овальное блюдо, на котором громоздились нарезанные кусочки телятины, ветчины и варёного языка, ко всему этому добавлялись маслины, помидоры, огурцы, болгарский перец, маринованные грибы и зелень.

– Не так уж и плохо, – оживился Виктор, – теперь будем знать, что такое ассорти, что скажешь, Лиля.

До сих пор молчавшая Лиля, востропнула и радостно проговорила:

– Разливай быстрее вино по бокалам, я приготовила небольшой тост.

Она кивком головы распушила жемчужно-белые волосы, подняла фужер и торжественным голосом промолвила:

– Во – первых, Виктор, я хочу выпить за то, чтобы твой следующий день рождения мы отмечали только вдвоём, и чтобы моя подруга Лялька больше не общеловывала тебя в затяжном медленном танце в тёмной комнате.

– Надо же какая чертовка, – про себя подумал Виктор про Ляльку, – всё рассказала Лиле. Вслух же он поинтересовался у Лили:

– А что же, во-вторых?

– А во-вторых, я тебя прощаю чисто условно. Ты, наверное, не понимаешь, что, сам того не сознавая, сделал мне больно.

– Это, как в суде, – прервал её Виктор, – ты мне, как бы, даёшь два года лишения свободы условно.

– Ты смотри, какой пронизательный, – удивилась Лиля, – именно так, если не выдержишь условный срок, то лишишься не свободы, а меня.

– А, в-третьих, – продолжила она, – несмотря не на что, хочу выпить за именинника, за тебя, Виктор, чтобы не только ты в отдельности, а мы вместе в одной связке были здоровы и счастливы.

С этими словами, обычно стеснительная Лиля, приподнялась со своего места и, подойдя к Виктору, обняла его и долго-долго целовала в обветренные губы, а затем залпом, как заправский алкаш с подворотни, осушила свой бокал вина. Виктор не разбирался в марках виноградных вин и поэтому не знал, что портвейн, который они заказали, являлся ярко выраженным представителем низкосортного крепленого вина, называемого в народе «черни-лом». Это вино снискало заслуженный авторитет среди любителей выпить, во-первых, за свою дешевизну, а во-вторых, за быстрое действие всасывания алкоголя в организм и, как следствие этому, мгновенному опьянению. Таким образом, уже через какие-то полчаса Лиля и Виктор существенно улучшили своё состояние, как души, так и тела. Невероятное веселье окутало их, и, не очень умеющий танцевать Виктор, поволок Лилю к танцплощадке, где гремела мелодия модного и быстрого танца «шейк». Смешно, невпопад ритму, взмахивая руками и передёргивая плечами,

он танцевал какой-то свой надуманный танец, какой-то конгломерат украинского «гопака» и русского «казачка». Лиля весело смеялась, стараясь поддерживать партнёра под руку, не без основания полагая, что он упадёт на скользкий пол эстрадного пятачка. Виктор никогда не пребывал в состоянии столь всеобъемлющего опьянения, как сегодня. Он дурачился, кривлялся, ёрничал, не забывая при всём этом кричать на весь зал:

– Вы слышите, она простила меня, и я отбываю условное наказание, и за это я люблю её ещё больше. Ура-А-А! Нет, товарищи, никто из вас не знает, как я люблю её.

Несмотря на то, что Лиля тоже находилась в состоянии, отличающемся от трезвого, она нашла в себе силы позвать официантку и оплатить счёт, который был намного больше, что стоил на самом деле. Однако кого это сейчас интересовало. Перед, не очень твёрдо стоящей на своих ногах, Лилей, стояла совсем непростая задача протащить Виктора через весь парк, на территории которого находился ресторан, до троллейбусной остановки. Вдребезги пьяный Виктор, обняв Лилю, орал слова из какой-то вспомнившейся ему песни:

– Я тебя целовал, уходя на работу..., – пытаюсь при этом поцеловать её в губы, попадая вместо них в лацкан пальто.

Моросил мелкий осенний дождь, зонта у Лили и Виктора не было, выпитое вино уже не согревало, и они достаточно продрогли пока не подошёл синий окуджавовский троллейбус. Какой-то сердобольный мужчина помог Лиле втащить пьяного Виктора в троллейбус и водрузить его на жёсткое коричневое сидение. Ехать предстояло долго, в другой конец города, где размещалось новое Лилино общежитие. Голова Виктора покоилась на Лилином плече, и оба, разомлевшие, задремали под покачивание колёс городского транспорта. На конечной остановке пожилая кондукторша, воротя нос от винного перегара, исходившего от них, растолкала их со словами:

– И куда это родители смотрят, неужели не знают, чем занимаются их невоспитанные дети.

А дети, поддерживая друг друга, медленно ковыляли по неосвещённой улице новостройки к общежитию. Надо сказать, что в то время провожать девушку в незнакомый район города считалось, чуть ли не гражданским подвигом. Дело в том, что в каждом из них в вечернее время болтались по улицам местные хулиганы, которые наткнувшись на чужака, в лучшем случае избивали его самодельным кастетом, а в худшем могли не только пригрозить, а и ударить самодельной финкой. Вот и сейчас неожиданно путь им преградили двое долговязых парней. Оценив взглянув на тщедушного, еле стоящего на ногах, Виктора, один из них, ухмыляясь, обнажая при этом серебряные фиксы на зубах, прогундосил:

– Эй, салага, твою мать, давай быстро нам сигаретку, а не то придётся пересчитать тебе зубы.

– Мужики, зачем так грубо, – заплетающимся языком промямлил, начинающий трезветь Виктор, – да и не курю я, и попрошу не хамить в присутствии дамы.

– А ты не переживай, хлюпик, – отозвался тот же голос, – если нет сигарет, мать твою за ногу, так оприходуем твою дамочку, чтоб ты знал, салага, мы очень любим блондинок.

Долговязый схватил, стоящую к нему спиной, Лилю за талию и развернул лицом к себе, пытаясь поцеловать её. Какая-то неведомая сила, как разжавшаяся пружина, подкинула Виктора вверх, он мертвой хваткой вцепился сзади в воротник хулигана, не давая приблизиться его губам к Лилиному лицу. Тот, отпустив её, не поворачиваясь, освободившимся локтём ударил его в бок, попав в солнечное сплетение. Виктор обмяк, и медленно сползая со спины обидчика, невзначай подсёк его ноги, и они оба рухнули на мокрый тротуар. Лиля не зря провела три года в интернате, там драки между девчонками были совсем не редкостью. Как дерутся девчонки? Ведь не зря бог наградил их длинными волосами. Во время драки они вцепляются друг другу в пышные причёски. Вот и сейчас, следуя опыту, приобретённому в интернате, Лиля схватила дебошира, лежащего на Викторе, за пышную шевелюру модной причёски «а-ля Битлз» и стала

мотать её из стороны в сторону точно так, как это делали девчонки в интернате. Второй хулиган хотел было оттащить Лилю от подельника, но тут появилась целая группа рослых студентов, возвращающихся в общежитие, и долговязые вынуждены были ретироваться восвояси. Лиля с трудом приподняла, едва оправившегося от сильного удара, Виктора и чуть ли не на себе поволокла его к общежитию, до которого, благо, оставалось не более двухсот метров. Вместо того чтобы как-то облегчить нелёгкий, в полном смысле, бурлацкий путь своей подруги, он, упираясь разъезжающими ногами в землю, грозно выкрикивал:

– Прощу тебя, милая, брось меня здесь и, пожалуйста, пристрели, чтоб не мучился.

– Да давно бы уже пристрелила, – устало отшучивалась Лиля, – да только нет у меня пистолета.

В вестибюле общежития, до которого они кое-как добрались, их поджидал заслон в виде неперемного аксессуара всех общежитий Советского Союза – злополучной механической вертушки, умело управляя которой, дежурная пропускала по другую сторону барьера только тех, кто проживал в охраняемом ею заведении. Спорить с вахтершей, равно как и с инструкциями, ею выполняемыми, было бесполезно. Но не оставлять же пьяного, дрожащего от холода Виктора на улице. Лиля не нашла ничего лучшего, как попросить кого-то из входящих позвать на выход Ляльку, авось она что-то и придумает. Ляля, мгновенно оценив ситуацию, не давая дежурной опомниться, отчеканивая каждое слово, завопила:

– Это вы что же себе позволяете, Пелагея Матвеевна, кто вас наделил такими полномочиями не пускать секретаря комсомольской организации географического факультета, молодого коммуниста Бровченко в общежитие. Я не думаю, что у вас есть острое желание предстать завтра на ковре у секретаря парткома, который, не ровен час, ещё и уволит вас.

Лялька знала слабое место вахтёрши, она очень дорожила местом своей незатейливой работы. Собираясь с последними силами, Пелагея Матвеевна прошептала:

– Да, ведь он, кажется, пьяный, ваш секретарь.

– А каким ещё ему прикажете быть, – продолжала напирать Лялька, – если он вместе с ректором и деканом встречал делегацию иностранных студентов, уж точно не знаю, то ли из Мозамбика, то ли из Никарагуа, а потом, как сами понимаете, был фуршет в ресторане.

Бедная вахтёрша не блистала такими познаниями в географии, как Ляля, а незнакомое слово фуршет вообще слышала первый раз в жизни, возможно, поэтому тирада Ляльки показалась ей более чем убедительной. Она со вздохом приоткрыла вертушку, пропуская немощного Виктора, неуклюже опиравшегося на нежные плечи Лили и Ляли. Войдя в комнату и усадив Виктора на свободный стул, Лялька, приподняв его подбородок, участливо спросила:

– Это где же тебя так угораздило, пьянь ты моя тропическая.

– Молчи женщина, когда джигиты разговаривают, – еле ворочая языком, пробормотал Виктор и, увидев, почти нагую, проснувшуюся Лару, заключил, – сегодня желаю спать с Лариской.

– Я тебе покажу Лариску, трезвенник ты мой, – заорала ему на ухо Лялька, бросая на пол, неведомо, где раздобытый матрас и, снимая с него обувь и одежду, – утром представишь нам полный отчёт о содеянном.

Утром услужливая Лялька кормила Виктора аспирином, чтобы в оставшееся до лекции времени быстро привести его в исходное состояние. Отчёт за утренним кофе давала Лиля, которая, судорожно всхлипывая, заключила его словами:

– Знаете, девочки, этот злополучный день рождения Виктора я, пожалуй, до конца жизни не забуду.

Так или иначе, перипетии вчерашнего дня только укрепили отношения между Лилей и Виктором, и они стремительно, развивались по восходящей линии. Да и с точки зрения геометрии линия стала намного прямее. Этому способствовали авральные сантехнические работы в общежитии, связанные с недоделками во время сдачи объекта. Лиля оказалась в числе сту-

дентов, которых декан попросил временно подыскать себе съёмную квартиру. Такое жильё, которое и стоило бы недорого, и было бы близко к университету, в городе найти было нелегко. Помог его величество случай, которым очень грамотно распорядился Виктор. Жениха его одноклассницы призвали на два года в армию в группу советских войск в Монголии. Жил он вместе с бабушкой в трёхкомнатной квартире. Бабушка осталась одна и подыскивала себе квартирантку, скромную и ответственную девушку-студентку. Лиля полностью удовлетворяла её требованиям, да и цена за квартиру была более, чем скромная, всего десять рублей в месяц. А самым главным во всей этой перипетии оказалось то, что дом, в котором предстояло жить Лиле, оказался напротив дома Виктора, на той же улице. Теперь ему не надо было провожать Лилю в общежитие, находящееся в другом конце города, впрочем, и университет был в четверти часа хода от дома, да и свидания их стали более частыми. Лиле было интересно с Виктором, она быстро вписалась в его компанию, состоящую из эрудированных современных молодых людей, относящихся, в отличие от неё, к сословию исконно городских жителей, проживающих не в угрюмых общежитиях, а в комфортабельных квартирах. К хорошему привыкаешь скорее, чем к плохому. Поэтому, Лиле не представило труда акклиматизироваться на весёлых вечеринках с добротным, не таким, как в незадачливом ресторане «Лето», марочным вином и модной музыкой из магнитофонов. Она стала совсем по-другому одеваться, подражая городским девушкам. Денег на модную одежду катастрофически не хватало, однако Лиля приловчилась сама кроить и шить, и получалось у неё это совсем неплохо. Виктор часто водил её на концерты в филармонию, в драматический театр, на выступления вокально-инструментальных ансамблей. Часто они бывали и в политехническом институте в клубе интересных встреч, где выступали поэты, писатели, артисты и учёные разных специальностей. Лиле нравилась такая полубогемная, насыщенная новизной неординарных впечатлений, жизнь. Ещё больше ей нравился сам Виктор, который, собственно, и ввёл её в эту красивую жизнь. Стоило ему куда-то её позвать, как она бросала всё и вся, и на всех парах мчалась к любимому. Как следствие этому, Лиля меньше внимания стала уделять учёбе и оценки её на последней экзаменационной сессии значительно ухудшились. В расхожей студенческой шутке «Если водка мешает учёбе, то брось её, проклятую, эту... учёбу», Лиля слово «водка» преобразовала в лирическое существительное «любовь». Конечно же, из-за любви к Виктору, трансформированной в ежедневные свидания с ним, она не собиралась бросать университет. Но разве можно было отказаться от интересных вечеринок у друзей Виктора, праздных, до поздней ночи, гуляний в молодёжном кафе, где, среди прочего, играли запрещённый джаз, отвергнуть бесшабашное, с ветерком, катание на «Москвиче», который Виктор часто брал у отца или воздержаться от увлекательных поездок большой и весёлой компанией в заснеженные Карпаты.

Поездка в Карпаты начиналась с субботнего, так называемого «снежного» поезда, который рано утром отправлялся с городского вокзала с тем, чтобы через какие-то полтора часа доставить своих молодых пассажиров в горный посёлок Славское, на следующий день, в воскресенье вечером, этот же поезд успешно возвращал молодёжь в город. Разумеется, субботние лекции и практические занятия Лиля и Виктор пропускали. Да и какие могли быть занятия, когда уже при входе в вагон этого «снежного» поезда ты попадаешь в тёплую атмосферу безудержного и непринуждённого веселья, которое разгорается при большом скоплении молодых туристов. Билетов, конечно, никто не брал, студенческая братия единогласно полагала, что сэкономленные деньги лучше потратить на спиртное, которое считалось важным атрибутом путешествия. При входе в вагон в тамбуре висел страшный, в угрожающих чёрных тонах, плакат. На нём был изображён череп, на его фоне виднелся автомат Калашникова, к курку которого был прикреплен белый квадрат с пугающей надписью «он тоже требовал билеты». Разумеется, плакат был предназначен для контролёров, проверяющих проездные билеты, которых у студентов не оказывалось в наличии. Если контролёр и входил в вагон, то дело, как правило, заканчивалось тем, что кто-то из студентов пускал по кругу шапку, в которую каждый бро-

сал какую-то мелочь. Как говорится, с миру по нитке – голому рубаха. Неизвестно хватало ли собранных денег на рубаху, но заинтересованные стороны оставались довольными. Студенты были без билетов, а контролёр не выписывал квитанции за якобы заплаченный штраф. А тем временем чей-то приятный баритон под перебор обгоревшей у костра гитары выводил:

*А люди идут по свету,
Им вроде немного надо,
Была бы прочна палатка
Да был бы нескучен путь.*

Путь был, действительно, нескучен. Поистине Лиле не так уж и много надо было. Просто хотелось держать руку Виктора в своей руке, вместе с ним шагать по свету, находить с милым рай, если не в шалаше, то в простой зелёной палатке и в старой, выштопанной горными ветрами, штормовке задыхаться от щемящего чувства, которое вызывают неизведанные дороги, по которым предстоит пройти. Одна из таких дорог пролежала от небольшого полустанка, затерявшегося между лесистыми карпатских хребтами, к горной заимке, которая представляла собой что-то наподобие небольшого хуторка, вмещавшего в себя три избушки, больше похожих на хижину. Одна из этих деревянных избушек, выстроенная в гуцульском стиле, принадлежала давнему другу семьи Бровченко, заместителю главного архитектора львовского горсовета, любезно уступившему её Виктору в новогоднюю ночь. Таким образом, в последний день уходящего 1966 года весёлая компания друзей, поставленная на беговые лыжи, жизнерадостно отмечала десятикилометровый маршрут от полустанка к хутору, в котором она и намеривалась встретить новый год. Виктор шёл первый, прокладывая в глубоком, девственно чистом, снегу первую, ещё ненакатанную, лыжню. Лиля, полной грудью вдыхая свежий морозный воздух, двигалась вслед за ним. Всё Лилино естество окутало какое-то невиданное безмятежное спокойствие. Ажурные, тихо ниспадающие с небес, снежинки оставляли свой влажноватый след на её куртке, лыжной шапочке и светящемся от тихой радости лице. Лиля наслаждалась солнечными бликами, которые заливали ярким светом заснеженные альпийские луга, восторгалась вполне ощутимым дыханием причудливых, уходящих далеко за горизонт, лесистых куполов карпатских вершин и ликовала, что впереди шёл любимый ею человек, который своей спиной закрывал её не только от редких порывов ветра, а и защищал от всех жизненных невзгод. А любимый человек, отталкиваясь палками и попеременно передвигая лыжи вперёд, уверенно скользил на них мимо вечнозелёных сосен и елей, обсыпанных, серебристым свежеснеженным снегом. Он думал, как здорово, что Лиля рядом с ним и как хорошо, что они вместе встретят новый год, что его идея отметить зимний праздник в карпатской глуши претворяется в жизнь. Ещё подсознательно Виктор размышлял о том, как в горной хижине, в которую по его расчётам они должны прибыть через два часа, найти заветный уголок, где можно было бы уединиться с Лилей с тем, чтобы заняться с ней самым интимным. Было бы глупым полагать, что ежедневные поцелуи на парковых лавочках и в последнем ряду кинозала во время последнего сеанса тяготили Виктора. Пухлые податливые губы Лили всегда манили его, совместными усилиями они вкладывали в поцелуй нежность, тонкость и остроту чувств, которые невозможно было передать словами. Знаменитый психиатр Зигмунд Фрейд в своих трудах писал, что природой мужчины устроены так, что каждые пять минут они думают о сексе. Виктор не был фрейдистом: ему не приводилось читать исследований австрийского доктора, да и вряд ли их можно было получить в советских библиотеках. Он и не причислял себя к товариществу сексуально озабоченных и, конечно же, каждые пять минут его мыслительный аппарат не воспринимал информацию о том, что избегали говорить в советских школах. Но старик Фрейд был тысячу раз прав, об интимной близости он думал каждый день, как наяву, так и в невероятных эротических сновидениях, от которых он с трудом отходил, принимая по утрам отрезвляющий

ледяной душ. Получалось, что интимные отношения с Лилей существовали только в теории, в силу отсутствия места их реализации. До практики, которая, как известно, является критерием истины, дело не доходило. Сейчас, когда лыжи выкатили Виктора на лесную просеку, обрамлённую хвойными ветвями карпатских смерек, он внушал самому себе, что желаемое должно наступить в грядущую новогоднюю ночь, в которую, по преданию, происходят чудеса. Говорят, что в армии в пищу солдат добавляли бром, чтобы снизить сексуальную активность защитников отечества. Виктор в армии не служил, да и вряд ли ему требовалось понижать своё либидо, скорее молодому мужскому организму необходимо было физиологически освободиться от того, что не только заполнило душу, а и то, что теологи, называют словом плоть. Он справедливо полагал, что секс не является извращением любви, наоборот, он есть не что иное, как её украшение, при условии, что корнями нарастающего физиологического мужского возбуждения и страсти являются всепроникающие и глубокие чувства взаимной привязанности между мужчиной и женщиной.

Эротические размышления Виктора прервали возбуждённые крики, следующих за ним друзей. Они первыми заметили желтоватые, радужно контрастирующие с тёмно-зелёной окраской окружающего леса, крыши деревянных избышек. Через четверть часа вся группа, стряхивая с ботинок налипший слой снега, входила в дом. Громогласное «ура» эхом разнеслось на весь верховинский хребет, простирающийся за резным окном, когда друзья, миновав сени, попали в огромную гостиную, венцом архитектурного интерьера которой являлся камин. Посредине гостиной стоял, большой, сделанный из красного дерева, стол. Характерной особенностью этого столярного произведения искусства являлась инструктированная розоватыми мраморными камешками крышка, откинув которую можно было увидеть, подсвечиваемый желтоватой лампочкой бар. Бар не был пустым, он был заполнен тремя бутылками «столичной» водки, бутылкой армянского коньяка и дефицитными штофами джина и тоника. Видимо, знакомый Виктору архитектор знал толк не только в искусстве, а и в спиртных напитках. Ребята тут же высвободили из своих рюкзаков бутылки, пестрящие красочными этикетками, с трудом раздобытого импортного вина и серебрящегося своими узкими горлышками традиционное советское шампанское. Не переводя духа после нелёгкого лыжного перехода, девушки принялись хлопотать у крестьянской печи с тем, чтобы успеть накрыть праздничный стол. Ребята рубили дрова для растопки печи и камина, украшали ватой и серпантином, стоявшую за окном самую что ни есть живую ель и носили вёдра с водой для чая и кофе. Когда из антикварных часов, висящих на стене, выпорхнула кукушка и прокуковала одиннадцать раз, все сели за стол проводить уходящий год. Вспоминали геодезическую практику на реке Быстрица, смешные случаи на экзаменах во время студенческих сессий, рассказывали весёлые истории, делились планами на будущее, пили искристое вино, прощаясь с пережитым и радостным, что уносил в прошлое старый год. Когда генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев заканчивал традиционное поздравление советскому народу и через несколько минут из недр старого транзисторного приёмника «Спидолы» должен был начаться перезвон московских курантов, Виктор попросил разлить шампанское и на правах руководителя мероприятия произнёс тронную речь:

– Дорогие девчонки и мальчишки! Я пока не генеральный секретарь нашей партии, поэтому речь моя будет краткой и не высокопарной, да и времени-то до нового года всего две минуты. Итак:

*Я не поэт и не Ильич,
Скажу, друзья, короткий стих.
Скажу, ребята очень просто
Вместо напыщенного тоста.
От ног до самого запястья*

*Желаю всем я только счастья,
Успехов в предстоящей сессии,
Найти себя в своей профессии,
Дерзаний, творчества, застолья,
Мечты полёт, борьбы, здоровья,
Чтоб были в сердце и в крови
Лучи прощенья и любви.
И я, друзья, открытым кодом
Всех поздравляю с Новым годом.*

Едва Виктор закончил, как из приёмника послышался бой часов на Спасской башне Кремля. Дружная и сплочённая компания с возгласами «с новым годом» вскочила со своих мест, звон бокалов с шампанским заглушил мажорную тональность гимна Советского Союза, дребезжавшего из уже никому ненужного радио. Ребята нежно целовали своих подруг, вкладывая в поцелуй свежий новогодний привкус. Лиля обняла Виктора за плечи и мягко прикоснулась к его губам своими шелковистыми устами. Виктор крепко прижал её к себе и долго не отрывался от слегка подкрашенных, сахарных и влекущих губ, пока, начинающий пьянеть коллектив его друзей не начал дружно, в едином порыве, забыв, что они находятся не в далёкой горной хижине, а на комсомольской свадьбе, кричать «горько». Смущённая Лиля резко отстранилась от Виктора. Он хотел было что-то выкрикнуть своим друзьям, но его слова потонули в продолжительных аплодисментах, которые прекратились только тогда, когда стройная брюнетка Наташа повелительным взмахом руки не остановила их и, поднимая бокал с вином, торжественно произнесла:

– Ребята, милые, я поздравляю всех с новым годом, достойную встречу которого организовал нам великий украинский поэт Виктор Сергеевич Бровченко. Не зря мы ему так хлопали, и, возможно, совсем не зря так дружно и яростно кричали «горько». Я пью за Виктора и за Лилю, и поэтому ещё раз «горько».

Виктор привстал из-за стола, покрасневшая Лиля незаметно отталкивала его своими маленькими кулачками. Тогда Виктор прошептал ей на ухо:

– Лиля, ну чего ты, здесь же все свои, да и Новый год на дворе, а я так люблю тебя.

Лиля оттаяла и сложила губы трубочкой для одноразового поцелуя, но сообразительный Виктор притянул Лилю к себе и не отпускал её губы, пока подвыпившая компания не досчитала до двадцати. Кто-то из ребят шутливо бросил:

– Я вижу, Виктор, ты уже поднакопил достаточно опыта, чтобы проделать подобное на своей собственной свадьбе.

Чтобы не вступать в прения с неожиданным оппонентом, Виктор грозно скомандовал, обращаясь ко всем:

– Что же вы, товарищи, как старые деды и бабки, расселись по углам в натопленной хате, для чего я вас сюда привёл. Немедленно одеваться и на свежий воздух водить хороводы у наряженной ёлочки.

Друзья высыпали во двор, зажгли бенгальские огни, вверх взлетели разноцветные конфетти, выпущенные из заранее приготовленных хлопушек. Наташа со своим ухажёром Толиком переоделись в костюмы деда Мороза и Снегурочки и схватившись за руки и, увлекая всю компанию, стали кружиться вокруг наряженного зелёного дерева, припевая, знакомую с детского садика, песенку «в лесу родилась ёлочка, в лесу она росла». Кто-то стал разливать в эмалированные кружки подогретое вино, напоминающее глинтвейн, которое возбудило юношей и девушек ещё больше. Немедленно развели костёр, через который все желающие совершали замысловатые прыжки. Веселье лилось через край, излучая бесшабашные и искренние чувства юных сердец. Снова включился транзисторный приёмник, из которого доносилась лёгкая мед-

ленная мелодия. Парни, не сговариваясь, пригласили девушек танцевать и вместе с ними не спеша кружились вокруг заснеженных ёлочек, тихо утаптывая рельефной подошвой горных ботинок тонкую корочку ледяного наста. Старая «Спидола» придавала нежному голосу Майи Кристалинской эротический хрип, который напевал «А снег идёт, а снег идёт, и всё мерцает и плывёт, за то, что ты в моей судьбе, спасибо, снег, тебе». Виктор танцевал с Лилей, согревая её озябшие руки и горячо целуя в подрумяненные морозом щёки. Как и в песне, тихо падал снег, над ними сияла яркая луна, на плечах таяли узорчатые снежинки, а в сердце закрадывалось загадочное и умиротворённое спокойствие. Виктор тихо шептал Лиле на ушко:

– Из песни, под которую мы топчемся на этом снегу, слов не выкинешь. Только спасибо не снегу, а тебе, любимая, что ты появилась в моей судьбе. Я очень тебя люблю. С новым годом.

– И я тебя люблю, – растрогалась Лиля, – спасибо тебе за зимнюю сказку, которую ты мне подарил сегодня.

Раскрасневшийся то ли от мороза, то ли от непомерной дозы коньяка дед Мороз, неожиданно разорвал объятия Виктора и Лили и грубо выкрикнул:

– Танцы, шманцы, обжиманцы – это всё фигия, начинаем традиционное новогоднее катание на санках.

Все танцующие пары уселись, на, добытые из сарая, продолговатые деревянные сани. Лиля обняла, впереди сидевшего Виктора, который, как заправский хулиган, зарычал «Ата-а-ас», и санки покатались вниз, разрезая своими металлическими полозьями крутой спуск, подсвечиваемый светлыми бликами отдыхающей жёлтой луны. Навстречу им по лесной просеке неслись широкие деревенские розвальни, запряжённые принаряженными лошадьми, игриво позванивающими, надетыми на них бубенчиками. А Виктор с Лилей продолжали лететь мимо зелёных коридоров игольчатых карпатских смерек. На дальнем горизонте угадывались белые очертания горных полонин, а весёлые огоньки, светящиеся в гуцульских хатах, извилистой лентой обволакивали широкую речную долину.

Виктор взглянул на часы: они показывали три часа ночи. Народ слегка утомился, да и зимняя сказка достаточно подморозила их. Пора было возвращаться в тепло. В избушке вся компания расположилась у камина, огонь, которого бился из застеклённой закрытой топки. Притихшие друзья зачарованно смотрели на красные язычки пламени. Своей причудливой игрой они отсвечивали бревенчатую квадратуру гостиной и бросали лучистые блики на акварели карпатских пейзажей за окном избы. Излучение камина источало тепло, которое хорошо прогревало после мороза и позволяло расслабиться, наблюдая за кровавыми струйками огня. Вместе с тем камин навевал какой-то лёгкий налёт грусти, возвышенности и романтики. Эти чувства обострились ещё сильнее, когда кто-то взял в руки гитару и, медленно перебирая струны, запел:

Если им больно – не плачут они, а смеются,

Если им весело – вина хорошие пьют.

Женские волосы, женские волосы вьются,

И неустроенность им заменяет уют.

Лилина голова покорно покоилась на плече Виктора, а её белокурые, высвобожденные из повязанного узла, волосы не столько приятно щекотали его лицо, сколько возбуждали, вызывая в нём острое желание немедленно сбросить со своей подруги все одежды и немедленно овладеть ею. Виктор привстал и, осторожно отклонив голову Лили в сторону, потянул её за руку в сени. В полной темноте он нащупал ручку двери, за которой пряталась крошечная, не более шести квадратных метров, комнатка. Виктор так и не понял, то ли она служила кабинетом хозяину дома, то ли подсобным помещением для хранения различного хлама. Оставив Лилию в темноте, он долго копался, пока не зажёт, заранее приготовленную свечку. В углу ком-

наты стоял, выдавший виды, письменный стол, возле него – соломенное, с зияющими дырами, кресло. Ходить по комнате практически не представлялось возможным, поскольку по диагонали узкого пространства этой, иначе не скажешь, конуры стоял старый велосипед, а по другой диагонали распласталась резиновая лодка. Везде были накиданы какие-то ящики, баулы, шанцевый инструмент и ещё какая-то дребедень.

– Виктор, ты зачем привёл меня сюда, – испугалась Лиля, – тут очень холодно и мерзко, я хочу вернуться к камину, который и греет, и успокаивает.

– Лилечка, родная, я хочу остаться с тобой вдвоём, – на одном дыхании выпалил Виктор, – только я и ты, только ты и я.

Он вплотную приблизился к ней и стал целовать в щёки, в лоб, в уши, глаза, пока, наконец, его губы, как стальные тиски, не захватили её верхнюю губу и в сладостном поцелуе не удерживали её несколько минут. Руки Виктора скользнули под, грубой вязки, шерстяной свитер Лили и, отыскав, спрятанные, под плотным бюстгальтером, груди, стали ласково и нежно стискивать их. Лилию слегка знобило, она вдруг ощутила горячее и прерывистое дыхание Виктора, когда его руки плотно охватили её сзади, тщетно пытаясь справиться с невидимыми застёжками лифчика, чтобы освободить его от напора ещё девичьей груди. Он схватился было за бретельки бюстгальтера, желая в страстном порыве оборвать их, но вдруг бессознательно наклонился и начал расстёгивать ремень Лилиных голубых джинсов. Тусклый свет догорающей свечи освещал только стол, на котором она стояла, и поэтому Лиля не могла видеть, пылающих лихорадочным огнём, неистовых глаз Виктора. Когда он, стащил с неё, находящееся под джинсами, вязаное трико и, грубо подтолкнув, посадил в, подвернувшееся под руку, соломенное кресло, намериваясь снять облегающие колготки, ошарашенная Лиля не выдержала и, отталкивая его, отчаянно закричала:

– Виктор, милый, как тебе не стыдно, перестань, пожалуйста, я очень тебя прошу.

Виктор дрожал, как осиновый лист в осеннем лесу. Он со всей силы, подавляя бешеное сопротивление Лили, раздвинул её стройные ноги в стороны и, протолкнув туда свою голову, фанатично целовал её колени и бёдра, исступлённо приговаривая:

– Лиля, желанная моя, я так хочу тебя, я хочу прямо сейчас, как мы это сделали у меня дома.

– Витя, только не здесь, тут жутко и неприятно, мы не одни в доме, в любой момент сюда может кто-то зайти, пойми, я очень боюсь.

Слова Лили достигали ушей Виктора, но не доходили до его затуманенного сознания. Когда же Лиля увидела, как Виктор сбрасывает свои брюки цвета хаки и качнувшаяся от ветра свеча слегка подсветила его ярко-красные трусы, она вздрогнула, резко отпихнула его от себя так, что он неуклюже свалился в рядом покоящуюся резиновую лодку. Собираясь с последними силами, Лиля гневно выкрикнула:

– Ты, Виктор, лишил меня девственности, но это не значит, что в одночасье ты сделал меня женщиной, на это необходимо время, как ты не понимаешь этого.

Виктор поймёт это через несколько лет, когда ему попадутся отскрокопированные пожелтевшие, прошедшие десятки рук, страницы переводной книги немецкого врача-сексолога. В ней будет написано, что один из его пациентов, достаточно образованный человек, президент крупного автомобильного концерна поведал ему о своей патологии в интимной жизни. Он торжественно отпраздновал со своей женой четверть века совместной жизни. Когда разошлись гости, утих звон бокалов с шампанским, ушли в небытие одиозные здравицы, они с женой легли в постель. Любимая жена его в порыве неопикуемой нежности призналась ему, успешно руководившему многотысячным коллективом работников, что за двадцать пять лет их интимного бытия он ни разу не удовлетворил её в постели. Позже эта несчастная женщина поведала тому же врачу, что когда она ложилась со своим президентом в постель, у неё возникало непреодолимое желание выброситься из окна квартиры, расположенной на девятом этаже,

и отдаться первому попавшемуся прохожему. Этим случаем из своей практики врач подчёркивал, что уважаемый немецкий Вольфганг или Фридрих, геройски протаранив в своё время девственную плеву своей дорогой фрау и успешно впрыснув свои хромосомы для зачатия двух чудненьких фройляйн, так и не смог растормошить у своей жены ощущения оргазма. Ну а пока что раскрасневшаяся Лиля, на ходу застёгивая ремень в джинсах, как пробка, выскользнула из злосчастной каморки, вбегая в гостиную, где, умиротворённая и довольная новогодним бытиём, компания готовилась к, уже почти утренней, половой жизни. Половой в том смысле, что выстеливала на полу избы спальные мешки, в которых собиралась поспать. Лилия бросила свой спальник на противоположной от Виктора стороне комнаты. Домой они возвращались, избегая находиться в непосредственной близости друг от друга. Лилия ещё пожалеет о словах, сказанных в порыве безысходного отчаяния. Самого Виктора эти, может быть, и правильные слова настолько глубоко резанули сердце, будто по нему без всякой анестезии прошёлся острый скальпель хирурга. Он запомнит их на всю оставшуюся жизнь. Таким образом, так хорошо начавшаяся, новогодняя зимняя сказка трансформировалась в сознании Лили и Виктора в новогодний кошмар.

События, происходящие вне стен храма науки, ни в коей мере не могли нарушить установившийся ритм студенческого бытия. Неписанные законы университетской действительности, независимо от сознания студентов, вклинивали их в лекционные аудитории, заставляли посещать практические и семинарские занятия, подбирать необходимую литературу в каталожных залах библиотеки. По этим же законам студенты, в сущности, жили от сессии до сессии, а экзаменационная сессия, как известно, всего два раза в год. Период между экзаменами можно было бы без преувеличения назвать эпохой, которая, абстрагируясь от выполнения курсовых работ, различных рефератов и участия в коллоквиумах, характеризовалась беззаботной и весёлой, насыщенной разнообразными событиями, жизнью на особой планете, называемой студенческой. Горизонты студенческой жизни были интересны, многообразны и сверкали различными красками. На одном из таких горизонтов в один прекрасный день в поле зрения Виктора попала невысокая, с модной стрижкой и идеально отточенной фигурой, первокурсница Леночка Вареница. Амбициозность, высокомерие и честолюбие Леночки сокурсники почувствовали в ней ещё, когда находились в статусе абитуриентов, во время вступительных экзаменов. Получив «четвёрки» по устной и письменной математике, Лена заявила своим конкурентам по курсу, что студенческий билет уже у неё в кармане. На замечания ребят, что впереди ещё экзамен по географии и русскому языку, она жёстко и безоговорочно отрезала:

– У меня среди документов почётный диплом победителя республиканской олимпиады по географии. Что же касается сочинения, то имеется домашняя заготовка: выберу свободную тему, раскрывая которую, красочно опишу, как хорошо жить в СССР, это, как вы понимаете, беспроегрышный вариант. А ещё даю бесплатно важную установку: во избежание грамматических ошибок, помня, что краткость – сестра таланта, писать надо так, чтобы мыслям было широко, а словам тесно. Уверенность Лены в себе подтвердилась, когда в списке поступивших её фамилия стояла первой. В начале сентября первокурсников отправили на сельскохозяйственные работы в колхоз. После трудового дня, когда студенты, отдыхая вокруг пылающего на лесной опушке костра, говорили о будущем, Леночка неожиданно выпалила:

– Через три года, когда мы будем на четвёртом курсе, приглашаю всех к себе на свадьбу. Кто-то спросил будущую невесту:

– А где же – жених, служит в армии или работает в каких-то дальних краях и родился ли он уже вообще.

В ответ категорично прозвучало:

– Никакого жениха и в помине нет, но он, надо полагать, уже давно родился и где-то уже бродит по белу свету, сам не зная, когда попадёт в сети, которые я ему расставлю.

Первый год учёбы не ознаменовался особыми успехами в поиске кандидатов в женихи. Однако во время учебной практики Лена обратила внимание на невысокого второкурсника, который не отходил от миловидной блондинки. Конечно же, это были Виктор и Лиля. Лилю она знала по общежитию. Леночке потребовалось всего два дня, чтобы собрать исчерпывающую информацию о Викторе. В пассиве добытых сведений были невыдающиеся внешние данные и неотступная его привязанность к Лиле. Зато в активе была огромная родительская квартира в центре города, стоматологический кабинет отца и влиятельная должность матери, легковая машина «Москвич-412», модный мотоцикл «Ява» Виктора и, присущие соискателю звания Лениного жениха, ум, эрудиция и широкий кругозор, энергичность, напористость и чувство юмора. Простое арифметическое сложение, выученное Леной ещё в первом классе, плюс элементарное логическое мышление, которого она отнюдь не была лишена, однозначно указывало, что актив явно превосходил пассив. Леночка не была экстрасенсом, роковой женщиной или ведьмой, она никогда не представляла себя в роли куртизанки, путаны или гейши и никогда не задумывалась, какие действия ей необходимо предпринять, чтобы обольстить Виктора и привлечь к себе настолько, чтоб стать необходимой для него. Но бог не обидел Леночку талантом. Она понимала, что в любом случае надо создать некий театр, лицедейство которого базируется на игре не одного, а двух актёров, т. е. на авансцене должна быть не только она, а и он, Виктор. Театральное представление, по её замыслу, должно было состоять из множества сцен, реприз, монологов и диалогов и держаться на разности потенциалов, присущих мужчине и женщине. Прежде всего, следовало отвлечь Виктора от скромной и непривлекательной Лили.

Лена вместе с Лилей занимались художественной гимнастикой в спортивном обществе «Буревестник» и так сложилось, что обе девушки выполнили норматив первого разряда и были включены в сборную команду университета, которая отправлялась на десятидневный тренировочный сбор в Крым.

Несмотря на значимость и престижность подобной подготовки, сославшись на плохое самочувствие, Лена осталась в Львове. Отрезав соперницу от Виктора, она приступила к молниеносной реализации своего «театрального» проекта. Первое, что она сделала – правдами и неправдами уговорила библиотекаршу дать ей на минуту абонентский формуляр Виктора. Там было помечено, что последней его прочитанной книгой была автобиографическая повесть французского писателя и философа Жан Поль Сартра «Слова». Посидев несколько часов в читальном зале, Лена знала о Жан Поле, наверное, больше, чем он сам знал о себе. Случайно узнав от сокурсника, что Виктор мечтает об альпинизме, она потратила ещё некоторое время на изучение литературы, посвящённой теории и практике горных восхождений. Ну а географию, которой увлекался Виктор, она знала, если не лучше, то уж никак не хуже его. Тем самым интеллектуальный плацдарм для осады кандидата в жениха, предполагающей его покорение, был подготовлен весьма основательно. Буквально на следующий день, выждав пока Виктор выйдет из студенческой библиотеки, Лена, в полном соответствии с задуманным, споткнулась и, артистически балансируя, не удержав равновесия, грохнулась прямо под ноги Виктору. Виктор аккуратно приподнял её и участливо спросил:

– Девушка, вы в порядке, может вам нужна моя помощь.

Лена, старательно закусив слегка подкрашенные губы, виртуозно застонала:

– Ничего страшного, может быть обойдётся и до свадьбы заживёт.

Она привстала и, опираясь на плечо Виктора, притворно прихрамывая, заставила себя дойти до ближайшей парковой скамейки. Виктор, придерживая её под руку и, стараясь успокоить, насмешливо проговорил:

– Конечно, заживёт, даже в том случае, если вы, девушка, выйдете замуж в ближайшее время.

– Не извольте беспокоиться, я уж приложу к этому все усилия, – не без коварства, подумала про себя Лена.

Вслух же она, морщась от несуществующей боли, застенчиво прошептала:

– Ну что вы всё время девушка да девушка, меня зовут Лена, а вас, если не ошибаюсь, Виктор.

– Простите, Лена, откуда вам известно моё имя, на лбу у меня, кажется, не написано.

– Да мы же с вами учимся на одном факультете, а такая незаурядная личность, как вы, не могла пройти мимо моего внимания, – польстила ему Лена, понимая, что хвалебные слова приятны любому мужчине.

– Давайте, Лена, я провожу вас домой, – перебил её Виктор, – а то идти самой, с учётом полученной травмы, вам это будет не так просто.

– Я уже чувствую себя лучше, боль стала меньше, и знаете, – вкрадчивым голосом соврала Лена, – у меня сегодня день рождения, родственников в этом городе у меня нет, а друзей завести ещё не успела, пришлось даже самой себе купить цветы.

Печальные слова Леночки, как она и рассчитывала, попалили в точку, растрогали Виктора и он, неожиданно для себя, тут же предложил:

– Тут неподалёку есть симпатичное кафе «Снежинка», там подают отменный кофе, вкусное мороженое и даже наливают вино, что очень кстати ко дню вашего ангела.

Уже через десять минут Виктор и Лена сидели за столиком у окна, из которого открывался великолепный вид на исторический центр древнего города. Искристое шампанское слегка кружило голову, они быстро перешли на ты и беспечно болтали как бы обо всём и в то же время ни о чём, пока Лена не пустила в ход домашнюю заготовку, спросив у Виктора, знаком ли он с творчеством Жан Поль Сартра. Он оторопел, зная, что мало кто из его сверстников знаком с, далеко не простыми даже для серьёзного читателя, произведениями современного французского философа. Это не прошло мимо внимания Леночки, и она, не давая Виктору опомниться, поразила его энциклопедическими познаниями, цитируя фразу из его повести «Слова»: «чем больше сражений я проиграю, тем вернее выиграю войну». Виктор смотрел на Лену широко открытыми глазами и сосредоточенно слушал её комментарии по поводу атеистического экзистенциализма Сартра, о его воззрениях на свободу как на нечто абсолютное и о его теории отчуждения личности, пронизывающей всё его творчество. Где-то в глубинах подсознания у Виктора промелькнуло, что в разговорах с Лилей они никогда не затрагивали столь глубокие философские темы. Лена отдавала себе отчёт, что в серьёзной беседе важно не переусердствовать или, как говорят, актёры, не переиграть. Поэтому, внезапно меняя тональность беседы, она, отпивая очередной глоток шампанского, без всякой связи с предыдущим, полюбопытствовала:

– Интересно, Виктор, а ты любишь синеву горных хребтов и их заснеженные вершины? – и, не дожидаясь ответа, продекларировала «как выразить мне состояние души, когда во всём мире лишь горы и ты, когда на вершине вдыхаешь простор и чувствуешь сердцем энергию гор».

Сердце Виктора ликовало, он мысленно говорил себе:

– Только подумай, какую я девушку встретил, при всей её эрудиции и незаурядности интеллекта, она просто родственная душа, как и я, беззаветно любит горы.

Лена, изобретёнными, как ей казалось, незапрещёнными приёмами, продолжала безжалостно добивать очарованного Виктора, томно и мечтательно приговаривая:

– Кто знает, может и нам с тобой, Витя, суждено будет в неразрывной связке покорить общую вершину.

Сейчас Лена не кривила душой, прекрасно сознавая, какой контекст она вкладывает в эти слова, а окрылённого Виктора настолько проняла её фраза, что он неожиданно подскочил и поцеловал Леночке руку, чего никогда ранее не совершал. Потом они долго гуляли по улицам вечернего города и, когда подошли к общежитию, Лена порывисто обняла Виктора и сначала поцеловала его в щёку, а потом, прильнув к нему, наградила жарким поцелуем в губы.

Вернувшись домой, Виктор долго не мог заснуть: он думал о Лене. Она произвела на него просто потрясающее впечатление и, как комета с ярким хвостом, стремительно ворвалась в его жизнь. Он не понимал, что женщины отличаются от мужчин не только анатомически, а и образом мышления. По молодости даже не догадывался, что у лучшей половины человечества и мозги, в отличие от мужчин, устроены совсем по-другому. Ещё он и святым духом не ведал, что часть женщин по отношению к своим антиподам наделены то ли богом, то ли какой-то другой субстанцией, специфичной лесбийской хитростью, называемой в народе коварством. Сегодняшней полночью Виктор был твёрдо уверен в том, что судьба предопределила ему встречу с красивой, обаятельной и умной девушкой. Надо отдать должное Лене: она не дала Виктору ни малейшего повода разувериться в этом. Буквально на следующий день она позвонила и попросила помочь в решении какой-то задачи по высшей математике. Когда Виктор хотел было немедленно помчаться к ней в общежитие для оказания экстренной помощи, Лена поспешно перебила его, сообщив, что совершенно случайно находится возле его дома. Виктору, которому даже не пришло в голову спросить, откуда она знает его адрес, ничего не оставалось, как пригласить её к себе. Когда Лена переступила порог квартиры Виктора, его мать, Эмма Абрамовна, в очередной раз, приняв незнакомую и очень ухоженную девушку за Лилю радостно воскликнула:

– Ну, наконец-то мой сын привёл свою девушку в наш дом, мне очень приятно.

– А вы просто не представляете, как мне приятно, – расшаркалась Лена, – честно говоря, я подумала, что вы не мама, а старшая сестра Виктора.

Просветлев от полученного комплимента, Эмма Абрамовна приветливо проворковала:

– Прошу вас, проходите в гостиную, сейчас будем пить чай с пирогом, который я испекла буквально полчаса назад.

Лена, не давая матери Виктора прийти в себя, окончательно покорила её словами:

– Вы уж простите меня великодушно, но у меня для вас скромный подарок.

Она стремительно подскочила к Эмме Абрамовне и навесила ей на шею связку бус из модного и дефицитного тогда янтаря, не забыв при этом чмокнуть её в щёку. Мать Виктора была счастлива, ещё бы, у сына появилась такая внимательная, заботливая и очень милая девушка. За чаепитием она осторожно поинтересовалась у неё:

– А на какой улице вы живёте, Лилечка, и кто по профессии ваши родители.

При упоминании имени Лиля, Виктор и Лена вздрогнули одновременно. Виктор первый пришёл в себя и, обращаясь к матери, дрожащим голосом возвестил:

– Извини, меня мама, я так и не познакомил вас, эту прекрасную девушку зовут Лена, мы вместе учимся на одном факультете и сейчас я должен помочь ей с решением задач по высшей математике.

– Математика никуда не убежит, Витя, – совладав с собой, мягко сказала Лена, – я просто хочу ответить на вопрос твоей мамы. Я, к сожалению, не проживаю в вашем, действительно, европейском городе. Приехала я на учёбу во Львов из соседнего города Тернополя. Отец мой юрист, заместитель прокурора города, а мама, педагог по образованию, работает директором средней школы. Вот, пожалуй, и вся биография.

– Превосходная биография, – похвалила Эмма Абрамовна, – да что говорить, вам с Виктором надо создавать свою биографию, возможно, даже совместную.

Виктор знал, что мать мечтает видеть его женатыми, поэтому, опасаясь продолжения нежелательной темы, сделал ей страшные глаза и, схватив Лену за руку, потащил в свою комнату. В какой-то момент, когда Виктор вышел на кухню заварить кофе, Эмма Абрамовна внятно прошептала ему на ухо:

– Сынок, не спрашивая тебя, куда же подевалась твоя Лиля, скажу, что Леночка мне очень и очень понравилась, прошу тебя только об одном: делай всё возможное, чтобы не упустить её.

На самом деле, всё возможное делала Лена. После знакомства с Эммой Абрамовной и детального осмотра квартиры, она окончательно убедилась, что находится на правильном пути. Правильный путь для Лены означал бесповоротно привязать к себе Виктора навсегда. Материал, против её ожиданий, оказался более чем податливым. Да и как было Виктору не поддаться, когда Леночка запустила на него такую мощную артиллерию женских чар, устоять против которых не смог бы даже каменный идол. Виктор не причислял себя к идолам и, разумеется, не состоял из камней. Новая подруга поражала его своим темпераментом, откровенностью, манерой говорить, двигаться и одеваться. Даже в студенческую аудиторию она входила как на сцену драматического театра. Неизвестно какой косметикой она пользовалась, но глаза у неё всегда были выразительны, а рот – сочным, пухлым и сексапильным, при этом ни малейшего намёка на вульгарность. Лена никогда не появлялась в университете дважды за неделю в одном и том же наряде, любая одежда сидела на ней как-то по-особенному, великолепно облекая фигуру и не навязчиво, но в тоже время достаточно приметно, подчёркивая женские прелести. Она, в отличие от сокурсниц, в большинстве своём недавних деревенских жительниц, не стеснялась носить одежду, которая в разумных количествах открывала её прекрасную фигуру. Виктор вряд ли бы обратил своё внимание на какой-нибудь отдельный её аксессуар, но в комплексе перед ним предстал образ совершенно неотразимой женщины. Он боялся признаться самому себе, насколько разительно, причём в лучшую сторону, внешний прикид Леночки отличался от внешнего обрамления Лили. Да и судя по первой беседе, уровень интеллекта у неё был повыше Лилиного.

События развивались более чем стремительно. Виктор встречался с Леной каждый день. Она очень осторожно, чтобы совсем неглупый Виктор не принял это за лесть, что и имело место быть на самом деле, твердила ему, как он неплохо сложен, что у него очень красивые глаза и мужественный греческий профиль лица, поддерживая тем самым в нём мужскую самодостаточность. Лена хорошо понимала, что совратить мужчину не предоставляет особого труда, а вот заставить его думать о себе, мечтать о себе и, в конце концов, добиваться себя – значительно сложнее. Что говорить, вполне возможно, что юная тернопольчанка родилась не в то время, ей бы жить при дворе какого-нибудь французского короля, где открывалось раздолье для плетения придворных интриг, любовных разборок и хитроумных шашней. Недаром, графиня де Ла Фер, жена Атоса из «Три мушкетёра» А. Дюма была кумиром Леночки. И совсем не зря ещё в школе её окрестили кличкой «миледи», чем, кстати, втайне она очень гордилась. В юные годы Лена где-то прочла, что в благородном деле соблазнения мужчины важнейшим является то, как женщина смотрит на объект соблазнения. Поэтому, она, не жалея времени, часами просиживала у зеркала, отрабатывая технику мягкого, нежного и призывного взгляда из-под чуть подведенных ресниц. Упорными тренировками она добилась того, что выполняла этот приём с безупречной естественностью. Дальнейшие события показали, что работало это весьма эффективно. Когда Леночка, таким образом, смотрела на Виктора, он был готов разорвать на ней все одежды и отдать ей всё, что есть. Но она не торопила события, хорошо понимая, что шаг к более интимному сближению должна сделать именно она, а не Виктор. Тем самым она проводила в жизнь незыблемый постулат, что мужчинам только кажется, что они выбирают женщину, на самом деле всё происходит с точностью наоборот. Нечто похожее на эротическое закрепление их отношений она запланировала за день до приезда Лили. Под каким-то предлогом она уговорила его сбежать с последней лекции. Её соседки по проживанию были ещё в университете, и они оказались одни в маленькой комнатухе с тремя кроватями. Виктор сидел за столом, который одновременно являлся письменным, кухонным и обеденным, и рассказывал Лене какую-то весёлую историю. Она же, без всяких предисловий, водрузилась к нему на колени, виновато оправдываясь, что в комнате всего один стул и у неё очень болят ноги. Лена всегда старалась носить юбки, а не брюки, всё-таки юбка – это чисто женская деталь гардероба, так почему же не подчеркнуть свою женственность. Порукой тому

были красивые и стройные ноги, привлекательная обнажённость которых простиралась далеко вверх и заканчивалась у нижней кромки её мини, которая при известной доли фантазии смотрящего мужчины казалась выше, чем находилась в реальности. Лена, томно вздыхая, мягко и нежно коснулась руки Виктора и положила свою коротко стриженую головку ему на плечо, как бы приглашая пройти в зону интима. Не на шутку возбуждённый Виктор целовал Леночку во все дозволенные места, его руки коснулись её маленьких и тугих грудей и тут же стали поспешно расстёгивать тонкую атласную блузку. Лена, уже совсем не притворно, учащённо дышала. Когда же он расстегнул застёжку её бюстгалтера, из него вывалились две небольшие дыньки с малиновыми стоячими сосками. Раскрасневшийся от возбуждения Виктор стал неистово сжимать, разминать и целовать их, одновременно пытаясь стянуть плотно облегающую юбку. Когда же это ему, наконец, удалось, перед ним предстала полунагая, в узких чёрных кружевных трусиках, обворожительная девушка, которая с небольшим усилием отвела его руки от своего стройного тела и кокетливо на полувздохе спросила:

– Витенька, ты меня почти раздел, а так и не сказал, любишь ли ты свою маленькую Леночку.

Виктор и в самом деле не знал, любит ли он Леночку, но в этот момент он однозначно хотел её. Лена всеми фибрами своего чувственного сознания понимала это и поэтому, когда рука Виктора коснулась её трусиков, она, обняв его за шею, укоризненно прошептала:

– А «вот этого», Витенька, не надо, я ощущаю в тебе сильного и настоящего мужчину, но я ещё до сих пор девочка и женщиной стану только в день нашего бракосочетания. Если ты хочешь «вот это», то должен постараться приблизить этот день.

Они ещё долго целовались и ласкали друг друга, пока в дверь не постучали девушки, вернувшиеся с занятий. В конечном итоге, программу-минимум Лена выполнила, отлучив Виктора от Лили и дав понять, что хочет скромная и симпатичная девушка от своего кавалера.

На следующий день Виктор столкнулся с Лилей в университете в палеонтологическом музее, где у них проходили практические занятия. Она стояла вместе с Лялькой и Ларой и они что-то весело обсуждали. До слуха Виктора донёлся мелодичный голосок Лили:

– Представляете, девочки, сама от себя не ожидала, я заняла на республиканских соревнованиях третье место, и председатель спорткомитета Украины надел мне на шею бронзовую медаль.

Виктор, не останавливаясь, пробежал мимо них, бросив на ходу лаконичное:

– Привет, уважаемые дамы.

Лялька торопливо подбежала к нему и, вцепившись в конец его ярко-зелёного галстука, что силы потянула его вниз. Виктор, едва переведя дух, хрипло завопил:

– У тебя, что крыша поехала, Лялька, так недолго и задушить меня.

– Что собственно я и собираюсь сделать, – что есть мочи орала Лялька, – если сейчас же не объяснишь, что происходит. Твоя Лиля сегодня ночью приехала из Крыма, ты её не видел почти две недели, и ты, хахаль хренов, даже не соизволил, как следует поздороваться с ней.

Лялька, не отпуская галстука Виктора, под несмолкаемый смех всей группы, которая уже заполнила музей, как упирающуюся собаку, подтащила его к Лиле. Прозвенел звонок, в комнату зашёл преподаватель, однако Лялька успела вытолкнуть Виктора и Лилю из помещения музея. Они остались одни в пустом коридоре. Деваться было некуда, надо было что-то предпринимать. Они молча вышли из здания университета и, не сговариваясь, прошли к их любимой скамейке в парке Костюшка. Виктор вспомнил маленькую каморку в карпатской избушке, его память воспроизвела, до сих пор царапающие его ужаленное сердце, Лилины слова о том, что он не разбудил в ней женщину. Он тяжело вздохнул и выдавил из себя:

– Мне тяжело говорить сейчас, Лиля, но я должен быть откровенным и честным перед тобой. Так получилось, что я встретил другую девушку, и так сложилось, что она мне очень нравится, и она любит меня.

Виктор заглянул в широко открытые немигающие Лилины глаза и, вдохнув полную грудь свежего паркового воздуха, на коротком отрывистом выдохе закричал:

– Ну не виноват я, Лиля, не виноват, что она, моя новая подруга, такая энергичная и инициативная, такая темпераментная и жизнедеятельная, такая активная и пробивная.

Виктору показалось, что Лиля не слышит его, она смотрела поверх его головы на желтоватые кроны раскидистых клёнов и каштанов, лицо её окаменело, а с глаз катились крупные капельки слёз. Виктор, не выдержав гнетущего напряжения, развернулся и побежал в сторону центральной аллеи старого парка. В какой-то момент он остановился, обернулся в сторону Лили и громко, распугав каркающих на деревьях ворон, закричал:

– Я очень надеюсь, что мы останемся друзьями.

Вернувшись в общежитие, Лиля уже не плакала, все слёзы горячим потоком были пролиты по дороге. Она села за стол и стала всматриваться в белоствольные берёзы за окном, пытаясь найти в поспешном шорохе их раскачивающихся ветвей какое-то успокоение. Несмотря на то, что в комнате топилась печь, пальцы рук её окоченели от внутреннего холода, в сердце застыл ледяной комок отчаяния, а душа окостенела от мучительного удара произошедшего. Такой её и застали, впорхнувшие в комнату, весёлые и розовощёкие, Лялька и Лара. Они быстро растормошили опечаленную Лилию и тут же заставили рассказать, что произошло. Тягостное молчание царило в комнате ещё несколько минут. Лялька стремительно выскочила за дверь и тут же вернулась с каким-то подозрительным керамическим флаконом в руках, добытым в соседней комнате у ребят. Выплеснув из него подозрительную коричневатую жидкость в три стакана, услужливо подставленными Ларой, она подняла один из них и, слегка перефразировав нарицательный тост отца Фёдора из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, вымолвила:

– Не корысти ради, а токмо для лечения рабы божьей Лилии, аминь.

Лялька и Лара быстро опустошили свои стаканы, а Лиля, оставаясь в той же позе, что её застали подруги, продолжала всматриваться в берёзы, которых, впрочем, уже не было видно из-за наступившей темноты. Лялька торопливо подскочила к Лиле и на повышенных тонах чуть ли не зарычала:

– Лялька, я очень прошу, не действуй мне на мои, и так расшатанные, нервы, если не выпьешь, я за себя не ручаюсь, позову ребят, они в тебя силой вольют это лекарство.

Лиля отрешённо придвинула табуретку к столу, ни слова не говоря схватила стакан и залпом опустошила его бурое содержимое, которое на поверку оказалось дефицитным, сорокоградусной крепости, рижским бальзамом, состоящим из целебных трав, настоянных на спирту. Через четверть часа лекарство доктора Ляли Кириловой подействовало. Внутри у Лили всё горело, сердце оттаяло от холода, голова немного кружилась, а всё тело окутала приятная истома.

– Ну, теперь, подруга, ты в полном порядке и вполне сможешь переварить то, что я тебе сейчас скажу, – удовлетворённо констатировала Ляля.

– Лялечка, ты же знаешь, как я тебя обожаю, – слегка заикаясь и растягивая слова, бормотала опьяневшая Лиля, – я с удовольствием переварю всё, даже минералы и окаменелости из геологического музея.

Лялька подвинула свой табурет поближе к Лиле и, положив её светловолосую головку к себе на плечо, нежно заворковала:

– Да кто он такой твой Виктор? Ален Делон, Марчелло Мастоляни или Муслим Магомаев? Ни первый, ни второй, ни третий и даже ни девяносто девятый. Поверь моему обострённому женскому чутью, что этот, неуважаемый нами, господин Бровченко ещё вернётся к тебе и сочтёт за честь мыть твои стройные ножки. И что мы ему скажем на это, Лялечка?

– Бры-ы-ысь, к чёрто-о-овой бабу-у-ушке, – протяжно и жизнерадостно провизжала вконец охмелевшая Лиля.

– Вот и правильно, – закричали в унисон Ляля и Лара, стягивая с Лили верхнюю одежду и заботливо укладывая её в тёплую постель.

Следующее утро выдалось воскресным, и когда Лиля проснулась, лучи неяркого осеннего солнца, брызнувшие свои блики в окно, осветили на стекле жёлтый листок бумаги. На нём кумачовой гуашью крупными буквами было написано: «Сегодня праздник у девчат, сегодня будут танцы». Не успела Лиля придумать о каком празднике, и о каких танцах идет речь, как уже умытая и причёсанная Лялька протянула ей в постель чашку свежеза-варенного кофе со словами:

– Скажи, дорогая, какой ещё мужик будет баловать тебя, как я. Давай, подруга, пей кофе, он взбодрит тебя, а это значит, несмотря ни на какие невзгоды, жизнь продолжается.

– А ещё, подруженька, – вторила ей Лара, – жизнь, как учит нас марксистско-ленинская философия, прекрасна и удивительна и поэтому вся наша дружная комната отправляется сегодня на танцы для адекватного и ненавязчивого знакомства с кавалерами местного разлива.

Танцевальные площадки в конце 60-х годов располагались, как правило, в домах культуры, которые дифференцировались по профессиональному признаку. В городе функционировали дворец культуры железнодорожников, дома культуры строителей, работников промкооперации, работников связи и ещё несколько. Наибольшей популярностью почему-то пользовалась танцплощадка, разместившаяся в парке культуры и отдыха имени Богдана Хмельницкого. Неизвестно, кому в голову пришло назвать этот замечательный лесопарк словосочетанием «культура и отдых». Какие-то элементы отдыха там всё-таки присутствовали. Это были садовые скамейки и лавочки под сенью вековых деревьев, овальные ротонды и квадратные беседки. К ним прилагались павильоны с мороженым и газированной водой с сиропом, круассонами и игровые аттракционы для детей с неизменной комнатой смеха, оборудованной кривыми выпуклыми и вогнутыми зеркалами. Стереотипной разновидностью отдыха считался стрелковый тир, где можно было в качестве приза получить голого пупса за сбитых из воздушной винтовки зверюшек, использующихся в качестве движущихся мишеней. Что же касается культуры, то, как раз с ней в парке было также напряжённо. Единственным её символом можно было рассматривать, разве что, зелёный театр, который к искусству Мельпомены имел такое же отношение, как цветная побелка стен в квартире к натуральной живописи. Хотя справедливости ради, в этом зелёном театре иногда давали концерты заезжие вокально-инструментальные ансамбли, только начавшие зарождаться в это застойное время.

Едва ли не самым важным атрибутом, неважно культуры или отдыха, для молодёжи считалась танцевальная площадка, находящаяся в самой зелёной зоне парка. Она и в самом деле напоминала зону, только не парковую, а, как говорили в народе, зону мест не столь отдалённых, поскольку по неизвестной причине была огорожена проволочно-сетчатым забором. Посетители этой танцевальной зоны окрестили её метким словом «клетка». Непосвящённому в танцевальную терминологию городскому обывателю не очень было понятно, когда кто-то из прохожих говорил «сегодня будем вальсировать в клетке». Желающим поучаствовать в танцевальном вечере на лоне природы полагалось приобрести билет стоимостью в 50 копеек в фанерной будке, прилепившейся к колючему ограждению. Для справки: за этот же полтинник можно было не очень вкусно и питательно, но довольно сытно пообедать в студенческой столовой, купить 300 грамм шоколадных батончиков, два раза сходить в кино на дневные сеансы или приобрести сборник стихов, обожаемого всеми девушками Советского Союза, лирического поэта Эдуарда Асадова. Теперь можно понять, что «любители трения двух полов о третий» жертвовали танцам как реальную, так и духовную пищу. Когда обладатель счастливого билета (их число было ограничено и приобретались они заблаговременно) оказывался внутри клетки, его взору открывалась вполне приглядная стандартная картина: девушки, в узких облегающих юбках и прозрачных шифоновых блузках в неизменных капроновых чулках цвета беж, заканчивающимися внизу белыми туфельками-лодочками, стояли, обрамляя живой

стеной периметр забора. Мужская половина, как правило, изобилующая накрахмаленными белыми рубашками, заправленными в узкие чёрные брюки-дудочки, стайками группировалась внутри «клеточного» пространства. Перед тем, как заполнить это пространство, молодые люди прятались в кустарниковых зарослях парка с благородной целью улучшить свой жизненный тонус. Достигалось это, проверенным многими поколениями, методом неумеренного потребления спиртных напитков. Именно поэтому на танцевальной площадке царил устойчивый запах винного перегара, смешиваемого с благоуханием тройного одеколона, осевшего в волосах не очень галантных кавалеров. Тонкий букет цветочных женских духов в самом буквальном смысле тонул в мужском алкогольном запахе и на этом фоне почти не ощущался. С одной стороны, потребление спиртных напитков имело благородную цель быть более смелыми и раскованными, чтобы пригласить девушку на танец и вести с ней светскую беседу. Особенно это касалось стеснительных и малообщительных парней. С другой стороны, алкоголь имел свойство блокировать мозговые подкорки, отвечающие за адекватность поведения. Особо это относилось к агрессивно настроенному хулиганью, для которого драки являлись неотъемлемой частью существования не только в клетке, а и во всех жизненных коллизиях. Поэтому потасовки, скандалы, разборки и мордобой являлись скорее правилом, чем редкостью как внутри клетки, так и за её близкими пределами. Иногда дело доходило до поножовщины и кровопролития, и тогда гостями клетки становились сотрудники доблестных правоохранительных органов. Но центральной и совсем не геометрической осью, которая пронизывала вечернюю жизнь клетки, являлись, конечно же, девушки. Именно они притягивали парней разных интересов, интеллектов, специальностей и даже вероисповеданий на танцевальную площадку. Именно с ними завязывали знакомства инженеры и рабочие, офицеры и студенты. Никто не вёл официальной статистики, но было известно, что немало таких танцевальных знакомств заканчивалось свадьбами. Недаром здесь фланировали и женщины, которым было далеко за тридцать: для них клетка становилась своеобразным кругом последних надежд. Для многих молодых девчонок воскресные танцульки становились если и не смыслом жизни, то, по меньшей мере, желанным способом заполнения свободного времени.

Для тройственного союза «Л» танцы, разумеется, совсем не являлись смыслом жизни. Да и попали они в клетку впервые, руководствуясь благой целью отвлечь Лилию от грустных мыслей. Её размолвка с Виктором усугублялась тем, что она каждый день имела неудовольствие лицезреть его в университете рядом с весёлой и самодостаточной Леной Вареницей. Украинская поговорка «Глаза не видят, сердце не болит» здесь явно не срабатывала. На самом деле глаза подмечали, как Виктор обнимает Лену и даже украдкой целует её, а уязвимое сердце щемило и ныло от бессилия переломить увиденное. Вот и сейчас Лялька, заметив Лилино уныние и размахивая голубыми входными билетами, весело закричала:

– Итак, девочки входим, походка от бедра. Лиля, я кажется, тебе сказала, от бедр-а-а.

Лялька критически осмотрела Лилию сзади и уже не закричала, а завопила:

– Лилька, милая, ну скажи, пожалуйста, разве для того тебя бог наградил стройными ногами, чтобы они при движении скручивались в замысловатые геометрические фигуры.

– Тебя, Лара, это тоже касается, – продолжала надрываться Лялька, – ноги должны быть прямые и начинаться не от промежности, а сантиметров на пятнадцать выше.

– Стало быть, девчонки, по-быстрому приняли уверенный силуэт с гордо поднятой головой, уверенным взглядом и плавной волнообразной походкой, – заключила Лялька, – и вперёд, и с песней. Вы что не понимаете, что всё это привлекает мужчин и действует на них, как команда «к ноге».

Лялька была права. Как только послышались первые аккорды народного вальса «Амурские волны», всех троих тут же пригласили. Самый приметный кавалер был, пожалуй, у Лили, высокий черноволосый капитан, с погонами и петлицами голубой расцветки. Он, галантно и бережно поддерживая Лилию за талию, быстро кружил её в этом грустном и задумчивом вальсе.

Когда его мелодия закончилась, он, призывно глядя на Лилию своими светло-серыми глазами и уже не отходя от неё, попросил разрешения пригласить её на следующий танец. Оркестр заиграл неторопливую и протяжную мелодию вечного шлягера, испанскую песню – болеро «Бесаме мучо». Военный лётчик приблизил Лилию к себе на расстояние, существенно отличающееся от пионерского и, не без уставного оттенка в голосе, шептал ей на ухо:

– Довожу до вашего сведения, девушка, что название этой песни в переводе означает «целуй меня крепче». Я пока не знаю, как вас зовут, но именно это мне хотелось бы совершить.

– Совершать, товарищ капитан, будете боевые вылеты на ваших истребителях, – отстранилась от его объятий Лиля, увидев вдруг, как какой-то, стриженный под бобрик, увальень с продолговатым шрамом через всю щеку насильно тащит Ляльку к выходу, бросая на ходу:

– Я тебе, покажу, шалава, как отказывать в танце королю «Креста», сейчас ты, стерва, будешь у меня отплясывать в другом месте и под другую музыку.

– Прошу вас, помогите, мою подругу обижают, – затеребила Лиля капитана.

– Простите, девушка, я вижу, ваша подруга такая же нецелованная, как и вы, – улыбнулся лётчик, мгновенно растворившись в толпе танцующих.

Лиля, увлекая за собой Лару, бросилась к выходу догонять короля «Креста» (так называли район города, примыкающий к пересечению двух перпендикулярных улиц Пушкина и Киевской), который продолжал волочить Ляльку в сторону синеющих в темноте кустов. За ним не спеша вышагивали три его подельника, предвкушая забаву с эффектной девушкой, которую зацепил их главарь.

– Лара, делай, что хочешь, только быстро приведи сюда милицию, у входа в клетку я видела телефон-автомат, – заорала Лиля, – а я постараюсь их отвлечь.

Она быстро догнала удаляющихся хулиганов и, с усилием вырвав Ляль-кину руку, подбоченившись, вспоминая интернатовскую блатную терминологию, загорланила:

– Эй, фраера, вы, что забыли кому, служите, куда Соньку тащите, хотите иметь дело с Колей Чёрным с Левандовки, ведь Сонька – его шмара, или вам жить надоело, век свободы не видать.

Лилин речитатив по блатной фене, видимо, произвёл впечатление на хулиганскую братию. Пока выясняли, кто такой Коля Чёрный и к какой группировке он относится, вдали послышался свисток и силуэты бегущих милиционеров. Хулиганы не испытывали особого желания встречаться с милицией, на учете которой, наверняка, состояли и ретировались в те же кусты, куда планировали затащить Ляльку. Служители охраны общественного порядка вместо того, чтобы броситься в погоню за хулиганами, как это показывают в фильмах, посадили симпатичных девушек в выдавший виды патрульный «газик» и доставили их к общежитию, посоветовав взамен пресловутой клетки посещать такие богоугодные заведения, как театр оперы и балета или городскую филармонию. Выпрыгнув из машины, растрёпанная Лялька прижалась к Лиле и, незаметно проглатывая выступившие слёзы, с трудом выдавила из себя:

– Лилька, никогда бы не подумала, и где ты только таких оборотов набралась, да тебе только в крутых фильмах про экзов сниматься. Да если бы не ты, мне бы точно пришлось навсегда расстаться со своей девственностью в антисанитарных условиях культурного парка.

– А это, всё, Лялька, необратимые последствия твоей походки «от бедра», – иронично заметила Лара, разливая горячий чай, – ну, ничего страшного, девочки, первый блин – он всегда комом.

– Не уж, подруженька, – грустно заключила Лиля, – с меня хватит, если блином ты называешь клетку, то для меня он не только первый, а и последний.

– Блины блинами, – воскликнула, пришедшая в себя Лялька, – а я, всё-таки, была права, когда говорила, что стоит только Лиле глазом моргнуть, как мужиков вокруг неё можно будет штабелями складывать. Чего стоит только этот красавец-лётчик.

– Да ничего он не стоит, – обиженно буркнула Лиля, – сбежал с поля боя, как крыса с тонущего корабля.

Дальнейшие события показали, что Лялькины прогнозы начали сбываться. Ухажёры, как грибы после летнего дождя, стали появляться на Лилиных горизонтах. С одним из них, широкоплечим и коренастым юношей, его звали Володя, она случайно разговорилась на трамвайной остановке. Через несколько дней Лиля заметила, что он пропускает трамвай за трамваем, поджидая её появления. Когда они вместе заскочили в вагон, он, рассмеявшись, радостно сообщил ей:

– Я вас так долго жду, что не ровен час и на работу опоздать.

– А чтобы не опаздывать на место службы, – в тон ему отпарировала Лиля, – надо на работу пешком ходить.

– Согласен, – заверил её Володя, – только при условии, что будем двигаться вместе.

Оказалось, что он работал техником на междугородней телефонной станции, которая располагалась рядом с университетом. Ещё оказалось, что, учитывая, что трамвай не отходил прямо от дома и не подъезжал точно к месту назначения, пешеходное продвижение занимало почти столько же времени, сколько и поездка на городской конке. К тому же, большая часть пути проходила через парк Костюшка, совершать утренний моцион, по аллеям которого ничего, кроме удовольствия, не вызывало. Володя увлечённо рассказывал о службе в армии, учёбе в техникуме связи и об интересной работе по обслуживанию телефонных каналов дальней связи. Родители его жили в Берегово, районном центре Закарпатской области, и Володя не особо скрывал, что они очень хотят, чтобы их сын женился на скромной и порядочной девушке, критериям которой, как он неумело намекал, Лиля полностью и бесповоротно удовлетворяет. Володя был простым, работающим, честным и бесхитростным парнем и даже несколько импонирует Лиле за эти, не очень распространённые во все времена, черты характера. Но их беглому двухмесячному знакомству так и не суждено было перерасти в роман.

Виновником этому был долговязый студент механико-математического факультета Пётр Затула, который каждое утро без пяти минут восемь топтался у главного входа в университет, поджидая Лилю. Заприметив Володю в качестве постоянного попутчика Лили, он, дождавшись, когда за ней закроется парадная резная дверь, не мудрствуя лукаво, соврал сопернику, что она является его невестой и что он не приветствует их совместный утренний променад. Петрусь, как окрестила его Лиля, часто приглашал её в кино, в фойе которого непременно угощал шоколадным эскимо, водил в картинную галерею, в музей прикладного искусства и в украинский драматический театр имени Марии Заньковецкой. Лиля, сама не зная почему, не отказывалась от этих встреч, найдя в его не очень презентабельной особе, прежде всего, скромного и надёжного товарища, с которым чувствовала себя, по крайней мере, безопасно. Петрусь, к своему великому неудовольствию, так и не сумел отыскать ни математическую и ни какую другую корреляцию, позволившую ему приблизить к себе Лилю настолько, чтобы их отношения имели логическое продолжение. Параллельно к Лиле, в полном смысле слова, приклеился ещё один поклонник, длинноволосый блондин, студент иныза, Дмитрий. Он подкарауливал её в академической библиотеке, занимал место в читальном зале, а затем неизменно приглашал на чашечку кофе. В отличие от Володи и Петруся, Дмитрий представлялся вальяжным, даже, в некоторой степени, импозантным типом с претензией на всё современное и стилижное, роскошное и шикарное, помпезное и церемониальное. Вполне понятно, что все его претензии даже близко не пересекались с взглядами и мировоззрением Лили и поэтому их мимолётные встречи не могли иметь перспективы даже теоретически.

Да что студенты-ухажёры, планка Лили с каждым днём поднималась всё выше и выше. Очень уж явные и заметные знаки внимания Лиле стал оказывать молодой преподаватель кафедры физической географии, свежеспечённый кандидат наук, один из немногих русскоязычных сотрудников университета. Как-то после комсомольского собрания он вызвался про-

водить Лилию в общежитие. Тротуары городских улиц покрылись плотной коркой льда, который дворники не успели убрать. На высоких каблуках чёрных кожаных сапог, подаренных матерью на день рождения, Лиля скользила, теряла равновесие и несколько раз даже упала, порвав капроновые чулки выше коленей. Когда же они вышли с трамвая, дорога к общежитию превратилась в сплошной гололёд. Молодому учёному, который впоследствии получил докторскую степень и стал проректором Одесского университета, ничего не оставалось, как подхватить стройную и худенькую Лилию и на руках донести её до общежития. Возле входа в него, осторожно поставив её на не скользкую асфальтовую отмостку, он не сдержался, обнял Лилию и внезапно поцеловал её в привлекательную и румяную от мороза щёчку. Она хотела было вцепиться в приват-доценту заслуженную пощёчину, но в это время открылась входная дверь, из которой вывалились Виктор и Лена, которые стали невольными свидетелями случившегося. Лена не удержалась от соблазна подковырнуть Лилию и, нарочито повернувшись к Виктору, съязвила:

– Вы только посмотрите, что делается. При всём честном народе студентки соблазняют преподавателей, и всё это ради того, чтобы сдать непростой экзамен по ландшафтоведению. Это так их там, в деревне, учат.

Виктор замер, неотрывно смотря Лиле прямо в глаза. Придя в себя, он прикрыл Лене губы своей коричневой перчаткой и, схватив за руку, быстро потащил в сторону трамвайной остановки во избежание повтора глупостей, которые могли сорваться с её языка. В спину им неслись слова обиженного доцента:

– Вы правы, студентка Сергачёва, безусловно, сдаст мой экзамен, а вот вам, Вареница, уж поверьте мне, придётся очень нелегко.

Переведя учащённое дыхание то ли от переноски Лили на длинную дистанцию, то ли от своей гневной тирады, преподаватель вежливо и осторожно предложил ей встречаться не только в учебных аудиториях. Не дав ему договорить до конца, она деликатно, но решительно отказалась. Лиля просто не представляла, как можно заводить роман со своим преподавателем, который к тому же на целых восемь лет старше её. К тому же в её сердце ещё оставался Виктор и свободного места там пока не находилось ни для кого.

Проводя своеобразный разбор полётов в своей трёхкроватьной девичьей келье общежития, Лялька гневно выговаривала Лиле:

– Можно было отказаться от красавчика-лётчика, забраковать техника Володю, зануду-математика Петруся и пижона-филолога Дмитрия, но отвергнуть перспективного доцента – это уже выше моего понимания истины. Ты, Лилька, просто сумасшедшая, одним словом, права Лена, у тебя, действительно, деревенское мышление.

Стараясь перекричать подругу, закутанная двумя одеялами Лара, весело вопила:

– Главное, девочки, что Виктор, видел, как наш доцент целовал Лилию, а всё остальное чепуха.

– Какая к чёртовой матери, чепуха, – продолжала надрываться Ляля, – а ты, Ларочка, лучше помолчала бы. У тебя, похоже, глаз нету, не видишь, что все свободные девчонки нарасхват, а ты, по-прежнему, как гордая монашка в заброшенном женском монастыре.

Лара молчаливо соглашалась, что свободные девушки в общежитии не засиживаются, продолжая, тем не менее, самозабвенно любить своего курсанта военного училища, находящегося на противоположном конце громадной страны, на Дальнем Востоке. В монастырь, однако, она не торопилась, предпочитая вместо него на зимние каникулы поехать к родителям в Донецкую область. Чтобы окончательно вывести Лилию из уныния и вернуть себе прежнюю весёлую подругу, Лара пригласила её поехать с ней.

Родители Лары жили в небольшом шахтёрском городке, которому, по большей части, были присущи все элементы сельского быта. В центре комнаты, отведенной Ларе и Лиле, громоздилась допотопная русская печь, с которой, казалось, вот-вот соскочит сказочный персонаж Емеля. Как водится в деревне, в хлеву мычала корова, а по утрам горланили петухи. Впро-

чем, их надрывное пение не могло разбудить девушек, которые забравшись на тёплую печь и зарывшись в сельское пуховое одеяло, спали, чуть ли не до полудня, навёрстывая недосып во время экзаменационной сессии. Хлебосольная и радушная мать Лары кормила их домашним творогом, пирожками с капустой, картошкой, поджаренной на свежем сале, непритязательной, но добротной и вкусной деревенской едой, которая никоим образом не могла конкурировать с опостылевшими столовскими котлетами, которые студенты называли булочками из-за практического отсутствия в них мясной составляющей. Соскучившись по домашней еде, девушки поглощали всё, что можно было положить в рот и прожевать. Один раз так увлеклись, что съели целую буханку ещё горячего хлеба, обильно намазывая его свежим мёдом. Утром результат был налицо, точнее даже, на Лилином лице. Её организм среагировал на избыточное количество мёда, поглощённого вчера так, что глаза заплыли, превратившись в узкие, едва приметные щёлочки. Это было совсем некстати потому, что вчера Лара познакомила её с соседом, симпатичным парнем, с которым уже сегодня вечером было назначено свидание. Лиля очень расстроилась, однако в обед Ларина матушка положила ей на глаза повязку с мазью, сделанной из лекарственных трав, и уже через несколько часов аллергию как будто ветром сдуло. После заката солнца Василий, так звали кудрявого черноволосого парня, осторожно постучал в окно. Так было принято в деревне, наверное, ещё и потому, что в отличие от города, там ещё не успели установить на столбе круглые электрические часы, под которыми влюблённые назначали свидания. Сегодня Василий, как впрочем, и в последующие встречи с Лилей, запряг в большие деревенские сани каурую лошадку для того, чтобы с ветерком прокатить её по сельским вечерним улочкам. Она, набросив на себя, отороченную с двух сторон натуральным мехом, тёплую белую шубку почти на голое тело и просунув босые ноги в войлочные валенки, выскакивала на мороз и как снежная королева садилась в саночную карету. А весёлый и жизнерадостный кучер Василий, обнимая одной рукой Лилю за талию, а другой вожжами погоняя резвую лошадку, катил эту деревенскую карету по заснеженному городку. Его грубоватые черты лица скрадывала мягкая и приятная улыбка, которая никогда не сходила с его лица. В отличие от городских ребят он не нахальничал, не приставал к Лиле, не пытался её целовать и не позволял себе другие вольности, которые университетские ребята считали неким стандартом по отношению к сверстницам. Ему было достаточно, что соседи и все жители городка видели, какую снежную королеву он везёт. Как-то раз он направил сани на деревенскую околицу, а затем на опушку берёзовой рощи, где неожиданно остановился и, повернув улыбчивое лицо к Лиле, размахивая руками, не зная, куда направить их, тихо сказал:

– Понимаешь, Лиля, ты мне ужасно нравишься. Я не очень складно говорю, но очень хотел бы, чтобы ты стала хозяйкой в доме, который я уже начал строить.

– Вася, да никак мне предложение делаешь, – весело прокричала Лиля, – ты хочешь, чтобы мы вместе жили в твоём доме, я правильно поняла.

– Я хочу, не знаю, как это сказать, чтобы мы... поженились, – едва слышно произнёс он, поглаживая лошадку и потупив свой взгляд во взрыхлённый санями снежный сугроб.

Лилю очень растрогали искренние слова Василия, ей было жалко этого простого и доброго парня. Она неожиданно для себя выпрыгнула из саней, подбежала к Василию, приподнявшись на цыпочки, обняла его за шею и поцеловала его сначала в одну щеку, потом в другую, а потом, заглянув в его бесхитростные глаза, прикоснулась своими замёрзшими устами к его шершавым губам. Отстранившись от него, она увидела совсем другого человека, лицо которого сияло от, нежданно свалившейся на него, благодати. Лиля понимала, что Василий совсем не тот человек, которого она мечтала видеть в роли своего мужа. В тоже время, жалея его, она нежно прошептала ему на ухо:

– Вася, милый, мы знакомы-то всего неделю, завтра я уезжаю и обещаю тебе подумать над твоим предложением.

После Лилюного отъезда они более полугода писали друг другу письма, пока Василий сам не догадался, что он не настолько нравится Лиле, чтобы она откликнулась на его предложение.

Цветущие белые свечи, проступающие через зелёную листву львовских каштанов в парках и на бульварах, напомнили студентам – геоморфологам, что время наступления летней практики не за горами. Традиционным местом проведения этой, уже производственной, практики, действительно, были горы, горы Забайкалья. Девушки и ребята предвкушали запах лиственницы и дыма уютного костра, туман в таёжных распадках и маршруты по скалистым хребтам. Однако из деканата стали поступать тревожные слухи о малом количестве заявок, поступивших из Зейской геологоразведочной экспедиции на предстоящий полевой сезон. Слухи подтвердились, через несколько дней, когда заведующий кафедрой профессор Гончар собрал третьекурсников и объявил, что в наличие имеется всего восемь мест на практику в Забайкалье. Он заявил, что по этой причине туда поедут только четверокурсники и то только те из них, кто уже успел собрать часть материала для будущей дипломной работы. Для них эта практика уже будет считаться не производственной, а преддипломной. Профессор Гончар был очень основательным и последовательным человеком, не терпел верхоглядства и дилетантства, возможно, поэтому на республиканских конкурсах студенческих работ в области наук о Земле дипломные работы, выполненные под его руководством, неизменно занимали призовые места.

А ещё все знали, что своих тщательно продуманных решений он никогда не отменял. Но куда же деваться третьекурсникам? В каких местах им набираться производственного опыта? Обстоятельный профессор продумал и это. В группе всего двенадцать студентов. Пятерых, по его указанию, берёт к себе в качестве рабочих геоморфологическая партия научно-исследовательского сектора родного университета. В этом сезоне партии предстоит произвести картирование оползневых склонов Косманского лесничества, которое располагается в Косовском районе Ивано-Франковской области. Места – сказочные, это самое сердце лесистых Карпат, центр гуцульского края. Достаточно сказать, что это, пожалуй, единственное место на Украине, где полностью отсутствуют колхозы. Местные жители занимаются народными промыслами: резьба и выжигание по дереву, вышивание, ткачество и производство кожаных, медных и гончарных изделий. Оставшиеся семеро студентов предполагалось распределить между преподавателями и научными сотрудниками кафедры, которые самостоятельно выезжают на летний полевой сезон. Планировалось, что студенты будут наблюдать за смывом почв на карпатских склонах, определять появившиеся подвижки на оползневых берегах горной реки Прут, выявлять новые карстовые провалы в Приднестровье и размывы берегов рек в сёлах и у шоссежных дорог Закарпатья. Другими словами, собирать экспериментальный материал для кандидатских и докторских диссертаций и различных статей и монографий геологического профиля.

Неразлучная тройка «Л» решила чего бы это ни стоило добиваться быть вместе. Стоило это совсем ни много, так как за них уже всё решили на заседании кафедры. К всеобщему ликованием их взяла под своё крыло доцент Валентина Николаевна Бучинская, единственная женщина с учёной степенью на кафедре. Все три девушки учились довольно прилично, имели хорошую репутацию и пользовались авторитетом на курсе. К тому же иметь женский коллектив в полевых условиях было очень удобно, прежде всего, в плане ночлега и, что там греха таить, в выполнении элементарных гигиенических процедур, которые не предназначались для мужского взора. Сформированной женской бригаде предстояла интересная работа, связанная с осмотром и изучением размыва берегов среднего течения реки Днестр. Виктор же попал в ту пятёрку, что направлялась на Гуцульщину, ему предстояла совсем нелёгкая работа по рытью шурфов в каменистых горных породах Карпат. К концу июля, как геоморфологическая партия, так и экспедиции научных сотрудников кафедры вместе со своими практикантами должны были встретиться в на стационарной базе в селе Синевидное. Там для них были подготовлены палатки, которые освободили первокурсники, проходившие учебную практику. Там же надлежало заняться обработкой собранных полевых материалов, составлением предварительных

рабочих карт и подготовкой образцов пород к отправке в лабораторию. Утром девушки вместе с Валентиной Николаевной совершали изыскательские маршруты вдоль речных террас, приводили в порядок полевые записи, а после обеда на рейсовом автобусе ездили в областной центр, в Ивано-Франковск, чтобы превратить плёночные негативы, сделанные во время геологической съёмки, в фотографические изображения. Вечером подруги могли там же обследовать промтоварные магазины, забежать в кинотеатр или посидеть в кафе-мороженое, чтобы обсудить события текущего момента, который, по правде говоря, не изобилдовал какими-то особыми эпизодами из их сегодняшнего рутинного бытия.

Некое разнообразие внёс приезд геоморфологической партии, в составе которой прибыл и Виктор с четырьмя парнями из их курса. Одного из них звали Женя Симоненко, который слыл на факультете непревзойдённым бездельником с репутацией дон Жуана, причём в отличие от легендарного испанского распутника, дон Жуаном достаточно примитивным. Невысокого роста, плотный и широкоплечий, с блудливым и сладострастным взглядом, бесстыдно устремлённым на женские прелести, не обладавший, в отличие от Виктора, блестящей эрудицией и быстротой мышления, он производил впечатление разве что на, недавно приехавших из деревни, совсем юных девчонок-первокурсниц. Это впечатление рассеивалось даже у них после недельного общения с ним. Почему Женя Симоненко приглянулся Ляльке, чем привлёк к себе такую видную и неординарную девушку, как она, остаётся загадкой. Единственное, что их объединяло, так это непомерная страсть к пошловатым, на грани фола, анекдотам и бессмысленному трёпу, неизменными спутниками которого являлись бутылка водки и расплывчатые колечки дыма, исходящих от, приобретённых у фарцовщиков возле гостиницы «Интурист», американских сигарет «Camel». Трудно сказать, что повлияло на, искушённую в любовных романах Ляльку, при выборе такого невзрачного кавалера. Однако факт остаётся фактом. Вот и сегодня она направилась с ним к, как его называли студенты, деревянному мосту любви. При подходе к нему они облюбовали широкую деревенскую лавочку, на которую Женя вместо традиционной «Столичной» водки водрузил бутылку мутного самогона. На немой вопрос Ляльки, мол, какой гадостью ты собираешься потчевать интеллигентную девушку, он сослался на дефицит своего платёжного баланса. По той же причине вместо качественных американских сигарет Ляльке были предложены дешёвые, скорее даже деревенские, чем пролетарские, сигареты «Гуцульские» с изображением на пачке пастушка на карпатской полонине. Они долго сидели этой прохладной ночью на берегу горной речки, согреваясь противным сельским пойлом и пьянея от его сивушного содержимого. Женя рассказывал Ляльке непристойные анекдоты и вульгарные истории, перемешивая их циничными выражениями и похабными прибаутками. Самогон разогрел не только его ненасытное нутро, а и, как это бывает по пьяному делу, вызвал обострённое сексуальное возбуждение. Женя грубо приподнял вверх Лялкин жёлтый свитер и, не обнаружив лифчика, бесцеремонно обхватил её убористые груди, страстно целуя, вызывая торчащие, розовые соски. Оторопевшая Лялька резко оттолкнула его так, что он медленно покатился с прибрежного откоса в речку. Когда Женя, отряхивая с себя налипший влажный песок, поднялся к скамейке, Лялька заплетающимся языком выговаривала:

– Эй, Казанова чёртов, кто тебя учил так по-хамски и цинично обращаться со скромной девушкой. Потопали ко мне, и я проведу с тобой мастер-класс.

С этими словами, забалдевшая от спиртного, Лялька схватила испуганного Женю за руку и потащила к себе в палатку. Не столько даже свидетелями, сколько немymi слушателями Лялкиного мастер-класса стали проснувшиеся Лиля и Лара. Слушателями потому, что ржавые пружины Лялкиной кровати скрипели так заунывно, что царапали их сердца в ночной тиши. К тому же с Лялкиного угла до их ушей доносились такие похотливые стоны и сладострастные хрипы, что девушки не спали уже до самого утра. Когда, наконец, Лара догадалась громко и протяжно кашлянуть, в палатке моментально воцарилась тишина, а у выхода что-

то зашуршало и снова стало тихо. Утром, когда первый солнечный луч прокрался в палатку, девушки, не дав даже возможности Ляльке выйти в туалет, устроили ей такую взбучку и разнос, что она несколько дней ходила тихая и смиренная, послушная и кроткая. Многие сокурсники, зная её необузданный и буйный нрав, думали, что у неё проблемы со здоровьем. Между тем подруги, продолжая выговаривать Ляльке о ночном мастер-классе, не стеснялись в выражениях. Ей безоговорочно было заявлено, что каждый имеет право, хоть это и не записано в Конституции, на жизнь, которая называется интимной. Но никто, кроме занимающихся этим интимом, не должен слышать его резкие всплески, что имело место быть сегодняшней ночью. Да и вообще ограниченное брезентовым материалом пространство палатки является общим, и никто не давал ей права вешать здесь красный фонарь, превращая это пространство в заурядный притон. В заключение обычно тихая и спокойная Лара не выдержала и гневно выкрикнула:

– Если тебе, Лялька, и твоему эротическому партнёру так уж невтерпёж, то у реки имеются замечательные кусты ракита, а в нескольких сотнях метров от палатки находится чудненький сосновый лес. Наконец, всё это, с такими же стонами и вздохами, можно проделывать в палатке, где спит маленький гигант, надо полагать, большого секса, неотразимый Женя Симоненко. Пусть его друзья терпят это.

Всегда деятельная и энергичная, не лезущая за словом в карман, Лялька на сей раз виновато молчала, пока не нашла в себе силы порывисто выдохнуть:

– Всё, девочки, поняла! Простите, виновата я-я-я!

Неизвестно, что она говорила своему ночному кавалеру, но Евгений Симоненко к злополучной палатке боялся приблизиться даже днём.

Однако не без его усилий символика красного фонаря в их палатке получила неожиданное продолжение. Так получилось, что буквально на следующий день признаки повышенного внимания к Лиле стал проявлять Женькин приятель Кеша Рыбник. Несмотря на то, что он был чуть умнее и красивее его, по большому счёту, мало чем отличался от своего друга. По вечерам он начал приглашать Лилию, выражаясь языком парижан, на randevu. Чувства французской галантности Кеше были неведомы, да и, по правде говоря, аналогом Эйфелевой башни в селе Синевидное служила десятиметровая пожарная каланча, а вместо мопассановской Сены проворно катила свои воды горная речка Быстрица. От вселенской вечерней скуки, а скорее даже, чтобы досадить Виктору, который проживал с Кешей в одной палатке, она позволила себе несколько раз прогуляться с ним по берегу этой карпатской речушки. Неизвестно, что возомнил себе Кеша, но Лилия относилась к этим, с позволения сказать, randevu, словно к дружеским прогулкам в пионерском лагере. Собеседник Кеша был никакой, как и его друг, в своих монологах он использовал стандартный, видимо, заранее заготовленный, арсенал скабрёзных и вульгарных историй, на которые Лилия просто не реагировала, автоматически пропуская их мимо ушей. Надо заметить, что Кеша всё-таки не был окончательным идиотом, чтобы не почувствовать полную никчемность своих развлекательных опусов и отрешённое равнодушие Лили к его персоне. Он, как только мог, старался расположить Лилию к себе, но разве его вина, что природа не наделила его таким набором качеств, как, например, у его однопалаточника Виктора. Вернувшись как-то около полуночи с очередной прогулки, Кеша предложил посидеть ещё несколько минут на скамеечке у кухонного навеса. Лилия не возражала, она хотела посмотреть, как с небосклона падают шальные августовские звезды, и, может быть, даже загадать заветное желание. Сославшись на прохладную ночь, она сказала ему, что на минуту зайдёт в палатку взять тёплую куртку. Оглянувшись по сторонам, Кеша приоткрыл брезентовый полог и воровато проскользнул в палатку вслед за ней. Было тихо, Лялька и Лара уже спали. Увидев вдруг Кешу внутри, Лилия, приложив указательный палец, к губам, а другой рукой, в которой держала куртку, указала ему на выход. Новоявленный ловелас, сделав вид, что не понял этого жеста, по-хозяйски развалился на её кровати. Лилия похолодела и содрогнулась от пронзившей её мысли, что скажет ей Лялька, обнаружив Кешу в Лилиной постели. Лилия ещё раз молча

напомнила ему, где в палатке выход. На настойчивый её призыв Кеша отрицательно покачал головой и, скабрёзно улыбаясь и плутовато подмигивая, похлопал ладонью по подушке, как бы приглашая Лилию прилечь рядом с ним. На какое-то мгновение Лилию просто остолбенела, кровь прихлынула к побледневшему лицу и она подумала:

– Вот к чему приводят Лялькина фривольность. Понятно, что болтливый Женя, наверняка, похвастался своим друзьям, что побывал в постели у Ляльки в палатке неразлучной троицы. Поэтому туповатый и глупый Кеша и решил, что достаточно небольшого напора, и он повторит Женькин успех.

Не помня себя от нахлынувшей ярости, Лиля перестала контролировать себя и, схватив Кешу за длинные волосы, чуть ли не волоком протащила к его к выходу из палатки, благоразумно стараясь при этом не разбудить мирно посапывающих подруг.

Утром после завтрака Лиля подошла к палатке, где жили ребята, чтобы отдать коробку цветных карандашей, которую брала накануне для раскраски полевой геологической карты. Осторожно постучала в альпеншток палатки, полог приоткрылся и оттуда вышел Виктор с намыленным лицом и безопасной бритвой в руках. Увидев Лилию, глаза его широко раскрылись, в них показались огоньки плохо скрываемой злобы и неприязни. Его, и так не басовитый голос, сорвался на фальцет:

– Зачем пожаловали, мадам? Кеша нет дома, до сих пор не может отойти от бурной ночи с тобой. Надеюсь, мадам, ему, в отличие от меня, удалось разбудить в вас женщину.

– Как тебе не стыдно, Виктор, – растерянно пролепетала Лиля, – какая ещё бурная ночь, какая женщина?

– Как раз об этом я и хотел спросить вас, мадам, – продолжал звереть Виктор, – а может быть это я, а не он выходил из вашей палатки нынешней ночью.

Лиля посмотрела на Виктора, таким она его никогда не видела, он весь дрожал от накатившего бешенства, лицо побагровело, глаза горели лютой ненавистью. Обильные горячие слёзы тотчас же брызнули из её больших зелёных очей и вместо того, чтобы гневно выкрикнуть:

– А какое тебе, собственно, дело до всего этого, беги к своей Леночке и развлекайся с ней, как можешь, – она, закрыв лицо руками, рыдая, сломя голову, бросилась бежать в сторону реки. Только рассыпанные карандаши остались лежать у ног обескураженного Виктора, напоминая о незапланированном инциденте. Проплакав несколько часов в зарослях орешника на берегу реки, Лиля нашла в себе силы подняться, взяла себя в руки и вернулась в лагерь. Через некоторое время, умытая, причёсанная и накрашенная, предстала перед доцентом Бичевской, которой сказала, что обработку полевых материалов она в принципе завершила и ей необходимо срочно ехать домой. Возражений со стороны руководителя практики не последовало, и к вечеру Лиля уже переступила порог отчего дома.

Начался новый учебный год и суетливая, порой беззаботная, но всегда насыщенная интересными эпизодами, поступь студенческих буден продолжалась как во времени, бег которого никто не замечал, так и в пространстве, которое изобиловало разнообразными декорациями. Так получилось, что место в общежитии в этом учебном году Лиле не дали, и она снова переехала к милой и одинокой старушке, у которой квартировала раньше. И снова получилось, что она стала жить напротив дома, где проживал Виктор. Четверокурсники, Виктор и Лиля, по сути дела, функционировали в одном нечётко обозначенном пространстве, хаотично передвигаясь в разных его интерьерах. Пространством этим являлся не только университет, а и уличный экстерьер в котором они, помимо своей воли и даже сознания, вынуждены были сталкиваться друг с другом, Виктор опасался приближаться к Лиле, сдержанно здоровался при встрече. Лиля холодно и сухо отвечала едва заметным кивком головы. Лишь один раз на стандартный и безликий вопрос, заданный Лилей в кругу общих знакомых, – «Как дела?», – он неожиданно начал говорить о болезни отца, об операции на кишечник, которую тот перенёс. По всему было видно, что Виктор выглядит растерянным и расстроеным. Лиля не знала, что

причиной тому была не только болезнь отца, а и его размолвка с Леночкой. Лиля не догадывалась, что Виктор и Лена больше не встречались и что отношения между ними были разорваны окончательно и бесповоротно. Она и понятия не имела, что в один, далеко не прекрасный для Виктора, день Леночка не пришла к нему на свидание на излюбленное ими место, в баре «Вечерний Львов» возле городской оперы.

Не на шутку встревоженный Виктор, прождав её более получаса, схватил такси и помчался в общежитие, чтобы узнать, что случилось с его пассией. Он застал свою возлюбленную возле зеркала, перед которым Лена наводила последние штрихи вечернего макияжа.

– Леночка, что случилось, милая моя, ты, куда так принарядилась, – надрывно выкрикнул Виктор.

Лена, которая была одета в элегантное чёрное платье с большим вырезом на груди и ярко-красные туфли на высоченных шпильках, вызываясь взглянув на него, разделяя каждое слово, отчеканила:

– Я, может быть, и милая, Виктор, но, увы, уже не твоя. Как говорят наши итальянские друзья, финита ля комедия. Я ухожу от тебя, и мы остаёмся просто хорошими знакомыми.

Виктор хотел было что-то возразить, но Лена, схватив его под руку, молниеносно выставила его за дверь. В коридоре сумрачно горела всего одна, ещё не перегоревшая лампочка, из дальнего его конца доносился запах жареной картошки, а в горле у Виктора застрял горький комок, который плавно переключался в область сердца, вызывая в нём тупую и ноющую боль. Позже он узнает, что Леночка познакомилась с одним из представителей «золотой молодёжи» города стильным и франтоватым сыном начальника городского управления торговли. У неглубокой Леночки хватило ума сообразить, что в социалистическом государстве, которое исповедовало принцип «от каждого по возможностям и каждому по труду», распределение благ далеко не всегда было пропорционально затраченному труду. В большинстве случаев текущего бытия мирское процветание напрямую зависело именно от торговли, которое, как известно, является двигателем прогресса. Леночка, разумеется, совсем не возражала быть приближённым к тем, кто двигает этот прогресс. Отец её очередного избранника входил в обойму высокопоставленных партийных руководителей города, имеющий прямой доступ к ценностям, которые создавали люди, которыми он как раз и руководил и этими ценностями аккурат не обладающими. Семья нового поклонника проживала в пятикомнатной квартире элитного дома в парковой зоне города. Интерьер квартиры состоял из множества импортных мебельных гарнитуров, даже сантехника в ванной и туалете поражала искушённый взгляд городского обывателя. Всё это даже близко не могло конкурировать с тем, что было в активе у Виктора. Даже априори Леночке было ясно, что стоит затратить усилия, чтобы разбить сердце очередной жертвы, которая вскоре приобретёт статус её воздыхателя. В ход была запущена тяжёлая артиллерия, которая включала внешнее обаяние, чары, шарм, харизму, коварство и даже, в известном смысле, демонизм Лены. Понятно, что в одночасье Виктор перешёл в разряд отверженных воздыхателей, и уже не представлял для неё интереса, как в текущий момент, так и светлом будущем, которое она целенаправленно выстраивала.

Несколько месяцев Виктор не находил себе места, полагая, что потерял девушку, равная которой по красоте и интеллекту вряд ли отыщется на всём белом свете. Он не спал ночами, стал выкуривать пачку сигарет в день, употреблять крепкий алкоголь, который вызывал у него не только рвотный эффект, а и чувство непомерной тоски и непомерную депрессию. Неизвестно сколько бы Виктор продолжал ещё находиться в прострации, если бы как-то Лялька, насмешливо усмехаясь, не выпалила ему:

– Ну что, Витёк, не слышал, что твоя бывшая зазноба выходит замуж за сына какого-то крупного торговца. Не слышал разве, как она разглагольствует, что приберёт к рукам и квартиру, и сберегательные книжки, и, вообще, всё ценное, что есть в этой семье.

Огорошенный Виктор отрешённо молчал, тупо вглядываясь в бежевый паркет университетского коридора. Безжалостная Лялька продолжала добивать его, язвительно вопрошая:

– А ты, Витёк, разве не приглашён на свадьбу, – и, не дожидаясь ответа, продолжила, – ай, яй, яй, как же Леночка тебя забыла, даже мы с Лилей приглашены, вот уж повеселимся.

Лялька, игриво виляя крутыми округлыми бёдрами, давно убежала в сторону деканата, а Виктор, как истукан, продолжал стоять посреди коридора, неистово проклиная себя и выговаривая вслух:

– Какой же я всё-таки идиот, только такой кретин, как я, мог променять верную, надёжную и покладистую Лилию на сумасбродную и вероломную Лену.

Прошло ещё несколько дней. Виктор, как бы очнувшись от кошмарного бесовского сна, стал искать встречи с Лилей. Он, будто невзначай, подходил к группе девушек, среди которых она находилась, и задавал ей какие-то незначущие вопросы, жалостливо и умилённо заглядывая ей в глаза. А иногда, разумеется, совершенно случайно, оказывался в студенческой библиотеке за столом неподалёку от неё, несмотря на то, что дома у него была отдельная комната и полный комплект необходимых учебников. Если ещё вчера, увидев Виктора издалека, Лиля переходила на другую сторону улицы, то уже сегодня в этом отношении наметился небольшой прогресс: она усилием воли заставляла себя идти ему навстречу, отводя взгляд в сторону и набрасывая на лицо как можно больше равнодушия и безучастности. Когда же они оказывались друг против друга, Виктор приветливо здоровался и заводил разговор о том, что сожалеет об их размолвке, сбивчиво просил прощения и как-то сумбурно раскаивался в содеянном. Лиля, избегая смотреть ему в глаза, выбирала на фронтоне здания заметную точку и устремляла туда свой неподвижный взор, не произнося в ответ ни единого слова. Они не понимали, что они отталкивались, словно два положительных или, возможно даже, два отрицательных заряда. В тоже время не отдавали себе отчёт в том, что в данный момент, согласно тем же законам физики, отрицательные деяния Виктора и положительный потенциал Лили имели тенденцию к взаимному тяготению. Просто не признавались друг другу и, тем более, самим себе, что их по-прежнему тянуло быть вместе. Как-то после вечерних занятий в астрономической обсерватории так сложилось, что они вышли из университета вдвоём, прошли молча рядом минут десять, распрощались и разошлись. Через несколько дней они случайно столкнулись у кинотеатра, сам бог велел Виктору пригласить Лилию в кино. Когда после фильма шли по улице вдвоём, казалось, что они только познакомились, поскольку всё время молчали или, в лучшем случае, перекидывались стандартными, ничего не значащими, фразами. В один из светлых майских дней, когда в городских парках начала цвести сирень, они возвращались вместе из университета. Отломив по дороге наиболее распустившуюся гроздь, он протянул Лиле цветок и неожиданно предложил:

– Послушай, приходи ко мне вечером, поговорим по душам, накопилось много, заодно послушаем новые записи, попробуем новое венгерское вино.

Впервые за долгое время она заглянула Виктору прямо в глаза: они излучали теплоту и нежность. Лиля, неопределённо взмахнув рукой, ничего не ответила и побежала к подоспевшему трамваю. Присев у себя в комнате за стол, она задумчиво смотрела в окно. Через него хорошо просматривалась булыжниковая брусчатка, покрывающая перекрёсток двух улочек. На противоположной стороне улицы три больших окна на третьем этаже были зашторены красивыми ажурными занавесами из белого тюля. Это были окна квартиры Виктора. Её взгляд как бы проникал сквозь толстые портьеры, гадая, что сейчас делает Виктор. Она неотрывно смотрела на эти окна, колеблясь, принять приглашение Виктора или нет. Раненое сердце её рвалось туда, как бы выстукивая аритмично, мол, время – оно всё лечит, а трезвый ум в противовес возражал, а как же быть с памятью, из неё-то ничего не стёрлось. В тоже время из самых глубин подсознания прорывался внутренний голос, который надрывно кричал:

– Ну, ладно, попробуем ещё один раз, сердцу ведь не прикажешь.

Пока она страдала, терзалась и изводила себя, настенные часы пробили девять часов вечера. Бой часов настроил Лилю радикально, она решительно набросила на себя плащ и выскочила из дому. Осталось только перебежать дорогу, приоткрыть старую решётчатую польскую браму и по скрипучей деревянной лестнице подняться на третий этаж. И вот она уже у знакомой двери, несмело нажимает на кнопку переливчатого звонка и ждёт, ждёт довольно долго, целую вечность, пока не решается позвонить ещё раз, в ответ – тревожная тишина. Лиля уже повернулась лицом к лестнице, собираясь уходить, как раздался звук открываемой двери. У порога тяжело дыша, как после бега на марафонскую дистанцию, стоял хмурый Виктор. Вид у него был какой-то растерянный и совершенно неадекватный, казалось, что он смотрел не на Лилю, а как будто сквозь неё, в дальний тупик лестничного пролёта. Вместо того, чтобы радушным голосом хозяина пригласить долгожданную гостью в квартиру, невнятно и удивлённо прошептал:

– А это ты, ну проходи, – всем своим видом показывая, что гостя пришла как-то не вовремя.

Лиля растерялась и смутилась, почувствовав неладное, складывалось впечатление, будто что-то происходит не по задуманному сценарию. Однако отступать было некуда, и она осторожно прошла в направлении комнаты Виктора. С правой стороны коридора, по которому она двигалась, располагались две двери. Одна из них, это была дверь ванной комнаты, резко распахнулась, и из неё стремительно выскочила Наташа Виноградова. Лиля сразу опознала в ней одноклассницу Виктора, с которой он её когда-то познакомил. Именно она устроила Лилю в удобную и дешёвую квартиру с очень душевной и интеллигентной бабулей, внук которой, кстати, имел статус Наташиного жениха. Жгучая брюнетка, которую всегда можно было выделить среди толпы, с выразительными искрящимися глазами, стройная и всегда ухоженная Наташа на сей раз походила на взлохмаченную курицу. Растрёпанные волосы требовали немедленного парикмахерского вмешательства, одна из пуговиц на середине блузки была расстёгнута, а слегка примятая мини-юбка была явно сдвинута на бок, на капроновом чулке на левой ноге длинной прорехой топорщилась вытянутая стрелка. Наташа, не взглянув на Лилю, быстро набросила на себя сиреневую куртку и не попрощавшись покинула квартиру. Когда дверь за ней захлопнулась, пришедший в исходное состояние Виктор, решил, что даже самое неудачное нападение лучше самой превосходной защиты. Он не стал оправдываться и, моментально ринувшись в атаку на совершенно беспомощную и уязвленную Лилю, закричал:

– Я, понимаешь, жду тебя с шести часов вечера, накрыл стол, всё приготовил, а ты, небось, специально, заставляешь себя ждать, цену себе набиваешь, думаешь, что я из железа сделан.

Ошеломлённая, ожидавшая чего угодно, только не такой неприкрытой и ничем не оправданной грубости, Лиля молчала, глотая про себя, наворачившиеся на глаза, слёзы. Разъярённый Виктор, не отдавая себе ни малейшего отчёта в том, что он сейчас совершает, продолжал вопить:

– Не подумай только, что Наташу я приглашал специально, она сама пришла, зашла случайно. Но получается, что она намного приветливее, можно сказать, отзывчивее тебя. А, когда женщина понимающе и сострадательно относится к тебе, то всё труднее и труднее сдерживать себя.

Сейчас уже Лиля не сдерживала себя, слёзы мощным водопадом брызнули из её глаз, меняя их зелёный цвет на мутный. Несколько минут, закрыв лицо руками, она безмолвно рыдала от тупой боли, пронзившей её сердце, пока не нашла в себе силы глухо вымолвить:

– Как же так можно, Виктор, что ты такое говоришь, бог тебе судья. Мне казалось, что наши отношения стали налаживаться, только казалось, значит. Всё, с меня хватит, настрадаюсь, и что только в тебе такого есть, что я должна всё прощать тебе. Да что я уже совсем убогая, чтобы не найти в себе силы не покончить с этим. Всё кончено, кончено навсегда. Прощай.

С колотящимся сердцем и лихорадочной дрожью во всём теле Лиля поднялась к себе в квартиру. Она хотела незаметно проскользнуть к себе в комнату, принять снотворное, чтобы забыться от очередного вероломного и кошмарного предательства Виктора. Но не тут-то было, в дверях она столкнулась с бабушкой, которая выходила выносить мусор. Увидев заплаканную Лилю, она быстро отставила ведро в сторону и, подхватив её под руку, участливо спросила:

– Лилечка, что стряслось, да на тебе лица нет, пойдём, дорогуша попьём чайку, ты мне всё расскажешь, авось и полегчает.

Вытирая то глаза, то нос, глотая подступившие к горлу горестные комки, Лиля сумбурно и сбивчиво поведала бабуле о происшедшем. Бабушка Лиза была мудрая женщина, она, как могла, успокаивала Лилю, приговаривая:

– Успокойся, родная. Мужики, они ведь из другого теста сделаны, у них это бывает. А кто же это глаз положил на твоего Виктора, ты-то хоть знаешь её.

– К сожалению, знаю, – тяжело вздохнула Лиля, – она знакома с ним ещё с детства, они вместе учились в школе, да и живёт она здесь, на соседней улице, величать её Наташа Виноградова.

Бабушка Лиза вдруг переменялась в лице, с горечью выдавив из себя:

– Вот стерва, да как же так можно к парням на шею вешаться. Внук-то мой, Сашка, невестой её называл: она же обещала из армии его дожидаться. Вот я завтра всё ему и напишу, открою глаза на эту благоверную.

Несмотря на две таблетки принятого снотворного, Лиля всю ночь не сомкнула глаз. Она чувствовала себя не только безвозвратно обманутой, брошенной и никому не нужной в этой жизни, она ощущала себя чужаком на этой старинной улочке, где в крайнем окне третьего этажа дома напротив угрюмо бледнели тюлевые занавески комнаты Виктора. Но что было делать, если её понятия о достоинстве, чистоте и искренности взаимоотношений не соответствовали взглядом человека, которого она любила и которого, кажется, несмотря ни на что, ещё продолжала любить. Утром следующего дня Лиля не нашла ничего лучшего как сложить свои нехитрые пожитки в, выдавший виды ещё интернатовский, чемодан, заплатить добродушной старушке за квартиру и, сославшись на то, что ей неожиданно предоставили место в общежитии, покинуть эту тихую улицу, чтобы до максимума уменьшить вероятность пересечения с Виктором. Она, действительно, вернулась в общежитие с той лишь разницей, что проживала там «зайцем», по партизански деля по ночам с Лялькой, не очень широкую и явно не предназначенную для двоих человек, одинарную кровать. В общежитии было веселее, да и время там текло намного быстрее. Среди девчонок оно тянулось не так медленно, как в отдельной комнате бабушкиной квартиры. Пришлось, правда, заново привыкать к очередям по утрам, чтобы добраться до туалета, умывальника и даже до кухни в конце коридора. Там голубоватым пламенем горели четыре газовые конфорки, на которых покоились, выдавшие виды, закопчённые кастрюли и сковородки. Запах, исходивший от них, меньше всего напоминал ароматы изысканной французской кухни. А, когда на революционные праздники, студенты из братского Вьетнама жарили там просоленную селёдку, то аборигены из Украины плотно задраивались в своих комнатах и молча проклинали своих соседей, не мешая им готовить свой национальный деликатес исключительно из-за обострённого чувства пролетарского интернационализма, воспитанного на семинарах по научному коммунизму. Бытовые неудобства с лихвой компенсировались душевным покоем, который был сейчас Лиле намного важнее, чем мелочи жизни, доставлявшие дискомфорт, когда кто-то стучал в дверь туалета с настойчивой просьбой освободить его в то время, когда ты ещё не справился с тем, что надлежало совершать в отхожих местах.

Очень кстати грянула летняя сессия, напряжённый ритм которой давал возможность не только не вспоминать предательство Виктора, а и, пожалуй, забыть хоть на время о его существовании. Чего лишь стоит экзамен по курсу «Геоморфология СССР», за два семестра

доцент Зарицкий начитал им столько материала, что при конспектировании он едва уложился в две толстые тетради. На своих насыщенных лекциях он неоднократно подчёркивал, что после экзаменов его подопечным предстоит преддипломная практика в разных уголках СССР и они, студенты, должны чётко представлять особенности геологии и форм рельефа каждого из этих регионов необъятной страны, достойно поддерживая добрую репутацию старейшего вуза страны – Львовского университета. Результатом сессии Лиля осталась довольна: ни одной «тройки», правда и «пятёрки» отсутствовали, но пять «хороших» оценок в зачётной книжке гарантировали на следующий семестр, как стипендию, так и общежитие. Но сейчас не это было важно, после сдачи последнего экзамена замаячили горизонты будущей практики. Причём, эти горизонты были настолько близки, что надо было уже сегодня отправляться в городское агентство единственной авиакомпании СССР «Аэрофлот» с тем, чтобы приобрести билет на самолёт, следующий транзитным рейсом: Львов – Москва – Усть-Каменогорск.

Купить билет на нужный авиарейс в те времена отнюдь не означал свободно пройти к окошку кассы, протянуть кассиру требуемую сумму денег и получить взамен зеленоватый бланк с указанием номера рейса, даты вылета и буквенно-цифрового обозначения места. Идеологи марксизма-ленинизма всегда подчёркивали, что строители социализма и коммунизма никогда не ищут лёгких путей в реализации этого строительства. Теория подтверждалась жизненной практикой. Зачем, спрашивается, гражданину СССР брать пример с гражданина США, которому достаточно набрать номер телефона нужной авиакомпании и тут же заказать билет. Позвольте, господа капиталисты, это же слишком просто. У нас же, господа буржуа, красной нитью проходит лозунг, что мы не ищем лёгких путей. Именно поэтому, очередь за авиабилетами начиналась не в просторном помещении агентства, а далеко за его пределами и зачастую вытягивалась в живой серпантин, длиной в несколько сотен метров. Однако главный сюрприз поджидал кандидата на воздушное путешествие, когда он, после многочасового стояния, достигал вождельённого окошка кассы. Там, какая-нибудь очаровательная блондинка в голубой форме служителя монопольного «Аэрофлота» радостно сообщала, что на данный рейс и на данную дату билетов нет. И никого не интересовало, что ты летишь на похороны ближайшего родственника или в командировку для выполнения ответственного производственного задания, на научный симпозиум или, наконец, в законный, регламентированный Конституцией, отпуск, который ограничивается соответствующими датами убытия и прибытия. Самое удивительное, что когда пассажир, обладающий счастливым билетом, проходил в салон авиалайнера, он непременно замечал свободные места уже после подъёма самолёта в небо. Далеко не все догадывались, что это были места, забронированные как раз теми, кто не предвещал лёгких путей, на случай войны, падения метеоритов, землетрясений и других катаклизмов. Катаклизмы почему-то не происходили, а места, предназначенные для простых коммунистов и беспартийных, сиротливо пустовали. Лиля, которая не обладала бронью VIP-работников, простояла в очереди целый день. В итоге ей сообщили, что билет на Усть-Каменогорск из Москвы она может приобрести, а вот билеты из Львова в Москву раскуплены на ближайшие три месяца. Как всегда, помогла закадычная подруга, энергичная и пробивная Лялька. Её дальняя родственница уже много лет работала в аэропорту начальником почтового отделения и знала там всех, всё и вся. Без особых усилий она организовала Лиле билет на Москву на нужную дату. Правда, за него пришлось переплатить целых десять рублей, что даже не в студенческом исчислении считалось немалой суммой. Но кто виноват, что так работала система, созданная искателями нелёгких путей достижения цели. Невдомёк было этим создателям, что тем самым они породили другую систему, систему дефицита, коррупции и взяточничества.

Уже через неделю Лиля с громадным абалаковским рюкзаком за спиной прибыла на рейсовом автобусе из Усть-Каменогорска в Лениногорск. Там она отыскала домик геологической экспедиции, где её вместе с другими геологами посадили на грузовик, который должен был доставить их к месту расположения геологосъёмочной партии на живописной горной речке

Уба. Машина не спеша продвигалась по изъезженному и разбитому выбоинами асфальтовому тракту. Лёгкий свежий ветерок игриво обдувал кузов грузовика, вокруг открывался великолепный вид на желтоватую степную равнину, за которой вдалеке угадывалась зелёная стена сибирской тайги. Ещё через несколько часов совсем вблизи замаячили заснеженные шапки горных вершин и ослепительно голубое небо над этими синеющими шапками. Такое сочетание природных красот, когда низкое горное солнце влезает прямо в твой рюкзак, а совсем рядом извивается журчащий клубок таёжной речушки, окаймлённой лиственницами и пихтами, носит краткое, но ёмкое название Алтай. Все сокурсники Лили, включая Виктора, находились сейчас в составе Зейской экспедиции в Забайкалье, которая, по сути дела, уже давно стала производственной базой университета в части проведения преддипломных практик студентов. Только Лилия Сергачёва, чтобы не попасть в одно место с Виктором, сумела нарушить устоявшуюся традицию и поехать на практику в такое уникальное место как Алтай. Лиля необычайно гордилась тем, что, ей на зависть её однокашникам, удалось совершить невозможное, создав для этого, как говорят, юристы, прецедент для других. Соседка бабушки Лизы, у которой она жила, узнав, что Лиля – будущий географ, поведала ей, что её сын работает в геологической экспедиции на Алтае. С её разрешения Лиля написала ему длинное письмо, в котором изложила, что знакома с горным туризмом, увлечена геоморфологией и побывать в таком уникальном месте как Алтай – это просто хрустальная мечта её нелёгкого детства. В заключение письма, Лиля слёзно попросила бывшего геолога не отказать впечатлительной и романтичной девушке в просьбе посодействовать в организации её преддипломной практики на Алтае. Видимо, нетривиальное письмо тронуло бывшего геолога, и уже через месяц Лиля с радостью вынимала из почтового ящика зелёный конверт с бордовым логотипом Министерства геологии СССР. Внутри конверта помещался запрос-приглашение на производственную практику на Алтае. Весь курс завидовал Лилиной удаче, а она тихо радовалась, что добилась своего и будет проходить практику в диком и заповедном месте вдалеке от Виктора, и это поможет ей напрочь вычеркнуть его из своего бытия.

Место, где разбила свои палатки геологическая партия, было, действительно диким. Признаки цивилизации здесь не просматривались даже в мощный артиллерийский бинокль: в радиусе около сотни километров трудно было отыскать не то что крошечные посёлки, а даже неприметные охотничьи заимки. Лиля жила в одной палатке со светловолосыми литовками, девушками-практикантками из Вильнюсского университета. Стройных и симпатичных уроженок Прибалтики звали Гражина и Каролина. При знакомстве они обратились к ней на родном языке, приняв белокурую Лилю за литовку. Как и Лиля, девушки попали на Алтай волею случая. Просто один из геологов партии был коренной литовец. Женат же был на красивой весёлой и работающей сибирячке. В родной Каунас почти не выезжал, однако имел обыкновение, к большому неудовольствию своей, кровь с молоком, супруги вызывать на практику своих не столько даже земляков, сколько светлокудрых землячек. В этом году бывший житель Литвы особенно преуспел, пригласив на практику двенадцать своих соотечественниц. Поэтому литовская речь распугивала медведей в окружающей тайге даже больше, чем русская. Гражина и Каролина по-русски старались не изъясняться, делая исключение только для Лили. Может быть, поэтому Лиля ходила в маршруты с Мирославой, которая пять лет назад закончила геологический факультет Львовского университета. Попав по распределению на Алтай, разбитная украинская дивчина непредсказуемо влюбилась в уроженца этих мест сурового геолога Эдуарда Коршунова, за которого точно также скоростижно вышла замуж. Из Эдика и Мироси получилась красивая пара, в которой прекрасно сочетались крутой, почти аскетический характер потомственного сибиряка с всегда весёлой и покладистой гуцулочкой из Закарпатья. Эдуард, кроме, не отягощающих его, супружеских обязанностей исполнял ещё обязанности начальника партии, в которой работала и его жена. Именно по его указанию, в целях, как он высказался, забывания родной украинской мовы, Мирослава и взяла шефство над Лилей. Она ненавязчиво

знакомила Лилию с удивительной планетой под названием Алтай. Ежедневные геологические маршруты вдоль рек часто поднимали их на изумрудный ковёр благоухающих цветов альпийских лугов, предвещающих заснеженные горы. Тропа изысканий двух молодых женщин неизменно пересекалась с изрезанными оврагами и обрывами, мрачными пещерами, со скрытыми в гуще таёжных зарослей голубыми озёрами и бурлящими порогами шумных речушек. И когда в трудном маршруте Мирослава начинала петь лирические и мелодичные украинские песни, у Лили на фоне этой неопишуемой красоты пело не только сердце, а и ликовала и трепетала душа. Когда же Лиля с очередного покорённой горы обводила восхищённым взглядом окружающую высокогорную тундру и зелёное, протянутое до дальнего горизонта, зелёное покрывало сибирской тайги, ей казалось, что в прошлом потеряно мало, а будущее представлялось прозрачным и волшебным. Непрерываемый во времени Лилин романтизм в один из дней нарушил сам Коршунов, предложив ей заняться обыденным приготовлением пищи для вверенной ему партии. Так получилось, что повариха, которая совсем неплохо готовила супы и каши из завезенных круп, попросила у Коршунова неделю отпуска. Понятно, что партия не могла столь долгое время оставаться без горячей пищи, понятно было и то, что шеф-повара из ресторана им никто не пришлёт. Бытовой вопрос, кто заменит повариху, являлся отнюдь не риторическим. Девушки из дружественной Прибалтики сразу отказались, сославшись на то, что никогда в жизни ничего путного не готовили, тем более на тридцать пять геологов, которые возвращались из маршрутов не менее голодными, чем волки, которые выли по ночам не так уж и далеко от палаток. Коршунов, взглянув на Лилию, отрывисто не то попросил, не то приказал:

– Выхода нет, милая дивчина, вся надежда на тебя.

Лиля, устремив свой взгляд, в синеющий таёжный распадок, покорно заявила:

– Ну что ж господа, в отличие от Геннадия Хазанова, кулинарный техникум я не заканчивала, но твёрдо обещаю вас, по крайней мере, не отравить. Не знаю, будут ли моя яства вкусными, но то, что они будут здоровыми, гарантирую.

– Уже неплохо, – отреагировал, радостный, от удачного разрешения этой хозяйственной проблемы, Коршунов, – принимай хозяйство.

Он тут же выдал ей какую-то сумму денег и повёл к трём длинным столам под брезентовым навесом, возле которого громоздился средних размеров обгоревший котёл и полевая кухонная утварь. Лиля мгновенно вошла в роль шеф-повара, сунув шофёру Славику, который увозил повариху в Лениногорск, помятые пять рублей с тем, чтобы он по okazji купил там свеклу, картошку, лук и разную зелень. Уже на следующий день вся, без исключения, партия заглядывала в котёл, с тайной надеждой обнаружить хотя бы остатки неопишуемой вкусноты настоящего украинского борща.

Особенно расчувствовались рабочие из числа бывших заключённых, для которых казённая еда из концентратов долгие годы была основной пищей. Сегодня же Лиля сделала им праздник, накормив смачным борщом, уже почти забытый, отчий дом. Они жили в отдельной, стоящей в отдалении от других, большой палатке. Этим рабочим было шестеро, называли их почему-то даже не бывшими «зэками», а бичами. Немногие знали, что аббревиатуру «бич» кто-то расшифровал как бывший интеллигентный человек. Конечно, мало кто из них, даже в прошлом, были потомственным интеллигентом. Однако однозначно все они были бывшими заключёнными, отсидевшими разные сроки в советских тюрьмах, лагерях и зонах. Центральная советская пресса в партийных газетах «Правда» и «Известия» детально описывала героический труд комсомольцев на ударных стройках пятилеток, которые находились в труднодоступных и климатически суровых уголках бескрайней страны. Вполне вероятно, что даже корреспонденты этих газет, описывающие ратный трудовой подвиг молодых коммунистов, не знали, что этот самый подвиг ежедневно совершали не партийцы, не комсомольцы, а именно зэки и бичи. Именно они строили плотины и гидроэлектростанции в высокогорье, прокладывали железные дороги в тайге и в тундре, сооружали в мучительных условиях бездорожья,

снежных заносов и буранов и непроходимых болот, наполненных мошкаррой и гнусом, технологическую основу социализма. Многие из этих бичей, давно позабытые их жёнами, детьми и друзьями нашли свой приют в геологических экспедициях, где выполняли самую тяжёлую работу, по сути дела, за харчи и совсем мизерную оплату. В партии, где работала Лиля, бичи рыли шурфы в неподатливом каменистом грунте горного Алтая, используя при этом небольшие заряды взрывчатки. Здесь меньше всего требовалась романтика комсомольцев, воспетая в лирических песнях о первопроходцах. Здесь требовались простые работяги, привычных к изнуряющему труду, тяготам и лишениям полевых будней. Перед началом практики Лиля наслушалась рассказов тех, кто уже работал с бичами об их криминальном прошлом, как они, напиваясь спиртом, выпаренного из обыкновенной зубной пасты, насиловали женщин-геологов, как в какой-то глухомани жестоко избили начальника партии, который чего-то им не заплатил. Поэтому она побаивалась их, стараясь обходить стороной палатку, где они жили. На самом деле, особо бояться было ничего. Опытный Коршунов вербовал на работу проверенных людей, с которыми прошёл не один полевой сезон. Никаких вольностей в тайге они себе не позволяли, никогда не матерились, к девушкам относились уважительно, ибо знали, что Коршунов – мужик не только справедливый, а и суровый и достаточно крепкий, если надо, может применить не только административное, а и физическое воздействие. Понятно, что спиртного в этой медвежьей глуши не было, а запастись флаконами популярного «тройного» одеколлона, используемого эсками всех мастей вместо алкоголя, Коршунов категорически запрещал. Единственная побрякушка, полученная бичами от Коршунова, это употребление «чифира» после нелёгкого трудового дня. Когда в пламени догорающего костра в небольшой кружке закипала вода, в неё, без перемешивания, засыпалась целая пачка чая, причём так, чтобы чайники плавали на поверхности воды. Затем кружка накрывалась крышкой, и содержимое настаивалось четверть часа до момента полного опускания чайнок на дно кружки. Вот и вся технология приготовления тюремного напитка, называемого «чифиром». Лиле как-то дали попробовать этот эликсир, якобы заменяющий алкоголь. Ничего, кроме кратковременного возбуждения, а затем внезапно подступившей угнетённости, тяжести в голове и притупления внимания, Лиля не почувствовала. Кто знает, возможно, на бичей этот напиток оказывал более благотворное влияние. Один из них, средних лет, с густой, но серебристой шевелюрой, с всегда добродушным выражением лица провинциального бухгалтера даже чем-то импонировал Лиле. После нескольких глотков злополучного «чифира» она заплетающимся языком осмелилась спросить его: – Василий Иванович, а за что, если не секрет, вы дважды сидели в колонии?

– Да какой уж здесь секрет, а знаешь, Лиля, говорят, что лучше один раз увидеть, чем несколько раз услышать. Вот сейчас я тебе и покажу.

Испуганная Лиля сжалась в комок, предполагая, что Василий Иванович будет совершать над ней какое-то насилие. Перехватив её оробелый взгляд, он тут же успокоил её, произнеся всего одну фразу:

– У вас, Лиля, на правой руке имеются очень красивые золотые часики, посмотрите, пожалуйста, на них и засекайте время. Смею вас уверить, что ровно через пятнадцать минут часиков на руке не будет, причём вы даже не заметите, как это произойдёт.

Ровно через пятнадцать минут улыбающийся Василий Иванович протянул обалдевшей Лиле её часы с абсолютно целым, не срезанным ремешком, грустно обронив при этом:

– Вот за это, милая девушка, я и лишился свободы, избавляя богатеньких граждан Одессы от незаконно приобретённых ими ценностей.

Уже в своей палатке Лиля вспомнила, что всего один раз Василий Иванович попросил её дать ему воды. В момент, когда она, видимо, зачерпывала кружку в ведро с водой, бывший зэк и сумел виртуозно снять часы с её руки.

Лиля мало чем отличалась от своих прибалтийских подруг. Такая же худенькая и стройная, такая же блондинка, такая же молчаливая, она быстро и ненавязчиво влилась в их несла-

вянский коллектив, в котором доминировал единственный юноша из Клайпеды. Звали его Юргис Валтрунас. Кроме атлетического телосложения и привлекательной внешности, Юргис обладал широкой эрудицией и поистине энциклопедическими знаниями во многих областях. С ним можно было говорить на все темы, вдобавок он обладал ещё уникальной способностью не только слушать, а и слышать собеседника. Без малейшего сомнения, он должен был являться предметом воздыханий многих девушек. На удивление, литовские студентки не проявляли к нему особых эмоций. Да и он, по правде говоря, относился к ним более чем равнодушно. Но на «хохлушку», как называли Лилю в экспедиции, Юргис обратил самое пристальное внимание. В разгар полевого сезона Коршунов послал свою жену Мирославу в Лениногорск отвезти на базу экспедиции обработанные полевые материалы. В этот день, который запомнится Лиле одним из самых ярких на Алтае, он распорядился, что она выйдет в маршрут с Юргисом. Трасса их геологической съёмки заканчивалась на одной из живописных меандр реки Уба. Откидывая в сторону колючие ветки, стелящегося перед поймой реки, густого кедрача, Лиля увидела перед собой каменную россыпь узкого берега, на котором возвышался огромный бурый медведь. Он смешно взмахивал большими когтистыми лапами, пытаясь выловить речного хариуса. Лиле, однако, было совсем не до смеха: она окаменела, впала в какую-то неопишемую шоковую протрацию. Это на манеже цирка медведи выглядят не очень большими и забавными. Здесь же в метрах пятнадцати от неё находилось исполинское чудовище, полновластный хозяин тайги, являющийся в ней и судьёй, и прокурором. Юргис, который шагал позади Лили, ещё не видел страшного хищника, он легонько подтолкнул вперёд обезумевшую Лилю, у которой от ужаса перехватило все голосовые связки, освобождая проход для себя. В этот момент медведь, видимо, почуяв их, повернулся к ним своей, не вызывающей чувство здорового оптимизма, мохнатой физиономией, поднял вверх свои передние лапы, и вся окружающая тайга наполнилась его протяжным рёвом. Лиля почувствовала себя мельчайшей букашкой посреди этого дикого и нехоженого края, а Юргис, после нескольких секунд полного оцепенения, выхватил из кобуры ракетницу и выстрелил вверх, как бы предупреждая зверя, что с ним связываться не стоит. Зелёная ракета взвилась в небо, выводя Лилю из шокового состояния. А хозяин тайги быстро, не оглядываясь, бежал вдоль речного берега, постепенно исчезая из поля зрения. Сердце Лили колотилось в бешеном ритме, готовое в любой момент выскочить из груди и покатиться в таёжную речку Уба. Юргис, мешая от волнения литовские слова с русскими, как мог, утешал её, а потом обнял её за плечи и крепко прижал к себе. Он уже забыл о злополучном медведе и, ощущая горячее и прерывистое дыхание Лили, ему хотелось нежно впиться в её мягкие губы и не отрываться от них целую вечность. Вот так, прильнув друг к другу, они простояли неизвестно, сколько времени на лоне этой нетронутой и неисхоженной природы. Казалось, что заснеженные шапки горных вершин улыбаются им под сварливый аккомпанемент, стекающих с них, извилистой реки. Неожиданно Лиля встрепенулась, порывисто отпрянув от Юргиса со словами:

– Что это было, я, кажется, задремала, находилась в каком-то полузабытье.

Юргис, смущённо улыбаясь, прошептал:

– Хотелось бы мне, чтобы это твоё состояние длилось ещё долгое время.

Когда вечером она с Юргисом сидела у костра и язычки горячего пламени накладывали пурпурные оттенки на её бледное лицо, он неожиданно обнял её за плечи и смущённо спросил:

– Лиля, а можно я тебя поцелую, у нас сегодня был необычный день и мне хочется чего-то большего и настоящего.

Лиля, не раздумывая, повернулась к нему и подставила, нагретую костром тёплую порозовевшую щёчку. Юргис мягко и нежно прикоснулся к ней, а потом, будто передумав, отстранился и, передвинув свои губы к её губам, притянул их к себе, покрывая сладострастным поцелуем. Несколько минут гормоны счастья перелетали от Юргиса к Лиле и тем же путём возвращались обратно. Несколько минут ошеломлённая и застигнутая врасплох Лиля находи-

лась в этой ночной таёжной нирване, задыхаясь от истомы и возбуждения. Неизвестно чем бы закончилась эта алтайская сказка, если бы не строгий голос Коршунова, который грозно прокричал:

– Отставить! У нас в лагере не только сухой закон, у нас полное табу на амуры и гламуры. Вернётесь на материк, развлекайтесь, размножайтесь и влюбляйтесь. Здесь тайга, в которой непозволительно заниматься глупостями.

Взволнованный Юргис, схватив Лилю за руку, страстно прошептал ей на ухо:

– Лилечка, побежали быстрее, я знаю тут недалеко одну охотничью сторожку, нам там никто не помешает.

Но во время монолога Коршунова она уже выпорхнула из той нирваны, в которой ловила кванты счастья. Приведя себя в исходное состояние, она переспросила Юргиса:

– Я не поняла, чему нам никто не помешает?

– Ну, как чему, – смутился Юргис, – нашей молодости, нашему счастью, нашему взаимному влечению друг другу.

Он протянул руки к Лилиным плечам, пытаясь обнять её. Она резко отпрянула в сторону и, зацепившись за пенёк, упала на сырой лесной валежник. Лёжа на спине, она вдруг заметила шальную звезду, которая падала с тёмного неба прямо на неё. Юргис подал ей свою крепкую руку, стараясь поднять её с земли. Лиля, продолжая лежать на таёжном газоне, приложила указательный палец к губам и еле слышно прошептала:

– погоди, Юргис, дай мне загадать заветное желание.

Пока она собиралась с мыслями, падающая звезда погасла. Неожиданно сверху бесшумным дождём стали падать целые россыпи звёзд. Такое, наверное, бывает только в августе. Внезапно Лиле почудилось, что этот искрящийся звездопад явственно очертил худощавое лицо Виктора, который, как бы подмигивает ей и говорит:

– Куда же ты убежала от меня, дорогая подруга.

Уже поднимаясь и опираясь на руку Юргиса, Лиля загадала – помириться с Виктором и уже никогда с ним не расставаться. Юргис продолжал держать её за руку, вопросительно заглядывая ей в глаза. Он понимал, что в эту секунду с ней что-то произошло, что-то кардинально изменилось в ней. А Лиля, которая уехала в далёкую тайгу, чтобы забыть Виктора, и казалось, что он уже исчез с самых потайных уголков её подсознания, вдруг отчётливо поняла, что до сих пор любит его. Она резко повернулась лицом к Юргису и отрывисто, словно боясь, что вдруг передумает, почти выкрикнула:

– Ты прости меня, Юргис, ты замечательный парень, но должна тебе сказать, что дома меня ждёт тот, которого я люблю. Прости.

Лиля выдернула свою руку из его руки и быстро побежала к своей палатке.

Через неделю вся партия во главе с Коршуновым сидела в ресторане «Эдельвейс» в Усть-Каменогорске. Полевой сезон был успешно закончен, план изыскательских работ был даже перевыполнен. Девушек, прошедших через горнило трудных полевых маршрутов, неисхоженных таёжных троп, затяжных горных подъёмов и блужданий по речным распадкам, невозможно было узнать. В штормовках цвета хаки и энцефалитках из грубого брезента, в белесых накомарниках и чёрных резиновых сапогах они в одночасье принимали суровый мужской облик. Сейчас же наши девушки были надеты в светлые облегающие платья, в верхней части которых рельефно вздымались упругие девичьи груди, невидимые в маршрутных фуфайках. Узконосые белые туфли – лодочки, с каблучков которых, оказывается, начинались стройные, обтянутые в беж капроновых чулок, женские ноги, заменили сырую тяжесть неудобных сапог. Тут, в уютном ресторане, на стенах которого красовались снежные вершины и скалы, из расщелин которых выглядывали белые лепестки эдельвейсов, девушки казались фантастическими нимфами, выпорхнувшими внезапно со страниц волшебной сказки. Завтра самолёт перенесёт их в суету европейских городов, во Львов и Вильнюс, где они окупятся в городскую ритмику,

созвучную переливчатому звону трамваев, гудению пробочного потока машин и хаотичному передвижению бесконечной людской лавины. А сегодня с эстрады симпатичная рыженькая певичка напевает: «Наши встречи не часты на таёжной тропе, мы за трудное счастье благодарны судьбе, и поляна лесная закружилась слегка, а вокруг голубая, голубая тайга». Лиля танцует с Коршуновым под мелодию этого медленного вальса и взволнованно говорит ему:

– Спасибо, Эдуард Васильевич, за школу, за практику, которая запомнится навсегда, за голубую тайгу, которую вы мне подарили. Девушки тихо радовались, что позади такой трудный и нескончаемый полевой сезон с тяжёлыми рюкзаками, прерывистым дыханием на крутых подъёмах и свистом бокового ветра на спусках, укусами надоевших комаров и прочего гнуса в речных долинах и всеми вытекающими отсюда тяготами походной жизни.

В то же время они также тихо грустили, что уже завтра не будет журчания горной речки у брезентовой палатки, не мелькнёт в таёжной чаще бурая россомаха, не будет вкусного обволакивающего дымка ночного костра, не будет, ставшей привычной и домашней, голубой тайги. В здании аэровокзала, несмотря на грозную вывеску «приносить и распивать спиртные напитки категорически запрещается», Юргис откупорил бутылку дефицитного здесь шампанского и, разлив белый пенный напиток по заранее подготовленным пластиковым стаканчикам, радостно провозгласил:

– Девчонки, милые, быстро утирайте ваши хрустальные слёзы и давайте выпьем за нас. Мы выстояли, мы выдержали этот трудный и незабываемый полевой сезон, за нас, за геологов. Пью я за то, что предназначенное расставание обещает встречу впереди.

Девочки продолжали плакать, роняя слёзы в шипучее шампанское, и только гул взлетающих самолётов перекрывал их прощальные напутствия друг другу.

Такси стремительно мчит по ночному Львову. В темноте, рассекаемой фонарями уличного освещения, проносятся купола церквей и шпили костёлов, кривые и узкие улочки древнего города. Вот, наконец, и общежитие, казённый дом, уже пятый год, ставший для Лили родным. Лиля входит в свою комнату, в ней отсутствует привычный уют и комфорт. Лялька и Лара ещё не вернулись с практики. В незанавешенное окно сквозь пожелтевшие листья каштанов несмело прорываются белесые отсветы полной, почти круглой, луны. Лиля вернулась, а где-то далеко, далеко продолжают сиять заснеженные вершины и голубые распадки горного Алтая. Там остались невзгоды и волнения, горечь неудач и радость победы, там остались неосознанные частицы какой-то неизвестной субстанции, сделавшей Лилю волевым, мужественным, а, главное, честным перед самим собой человеком.

Первое сентября выдалось солнечным и погожим. Тонкая паутина бабьего лета покрыла густые кроны клёнов и тополей приуниверситетского парка Костюшка. Пятикурсники географического факультета собрались у памятника Ивану Франку у входа в главный корпус университета. Как всегда в этот день было шумно, оживлённо и весело. Все делились впечатлениями о производственной практике. Когда подошла Лиля, все взгляды устремились на неё. Ведь все студенты курса проходили практику в Забайкалье, и только она, одна единственная, была на Алтае. Лиля, улыбаясь, метнув беглый взгляд на Виктора, весело сказала:

– На Алтае было, если одним словом, то великолепно, а подробности, вплоть до интимных, обязуюсь описать в производственном отчёте.

Виктор нахмурился, стремительно подошёл к Лиле и, оттянув её в сторону, взволнованно проговорил:

– Лиля, в чём дело, я тебе написал четыре письма на Алтай, почему ты не отвечала.

Лиля хотела было произнести слова благодарности Виктору за эти письма и рассказать, как они грели ей душу в холодной палатке, но вместо этого, помимо её воли, изо рта вылетели совсем другие слова:

– Да потому что не хотела отвечать, письма пишут преданным людям, а ты, я очень сожалею, к ним никакого отношения не имеешь.

Виктор, поперхнувшись от накатившего гнева, тихо пробормотал:

– Как это не имею, мы же были вместе. Лиля, побойся бога, ну бывает, может же человек оступиться, что же мне в тюрьму теперь садиться.

– Ты, Виктор, можешь садиться, куда хочешь, можешь идти, куда пожелаешь, да тебя, наверняка уже заждалась Леночка. Ой, что же я говорю такое, совсем забыла, что Леночка вышла замуж. А, вспомнила, кто тебя, в самом деле, ждёт, так это твоя любимая одноклассница Наташа, хотя кто знает, возможно, она всё-таки хочет дождаться своего жениха из Монголии. Впрочем, меня это мало интересует.

Такого злобного и едко сарказма от тихой и покорной Лили Виктор просто не ожидал. Всегда находчивый и не лезущий за словом в чужой карман, он стоял жалкий и пришибленный, отдавая себе отчёт, что Лиля была права. В это время к Лиле подбежали Лялька и Лара и они все вместе отправились в деканат для получения направления на педагогическую практику. Лиля получила назначение в одну из самых элитных школ города. Это была школа № 4, расположенная в самом центре старого города. Здесь учились дети работников обкома и горкома партии, руководителей крупных промышленных предприятий города и приближённых к ним заведующих продовольственными базами и складами. Лиле повезло: директором школы оказалась симпатичная, лет сорока, деловая женщина, которая, к тому же, преподавала географию. Она встретила Лилю со словами:

– Добрый день, Лилия Михайловна! Я вас с нетерпением жду. Я под завязку загружена административными и хозяйственными делами, поэтому вопрос решается просто: вы освободаете меня от уроков по географии, их десять часов в неделю.

– Спасибо, большое, – растрогано сказала Лиля, – вы, в самом деле, думаете, что я справлюсь с такой нагрузкой.

– Обязательно справишься, – кивнула головой директор, – мне сам профессор Гончар вас рекомендовал, а будут вопросы – я к вашим услугам. Темы занятий, кстати, указаны в учебных планах, которые завуч ещё месяц назад отправил в ваш деканат.

– Честно говоря, очень страшно в первый раз входить к старшеклассникам, – взволнованно заявила Лиля, – всего четыре года назад сама была в их числе.

– Ничего не бойтесь, – наставительно рекомендовала директор, – с ними следует быть строгой, никаких вольностей, в голосе должны преобладать металлические нотки. И учтите, школа у нас не простая, можно сказать, эксклюзивная. Дети часто дерзкие, иногда нагловатые, но умные и достаточно эрудированные. Успехов вам, Лилия Михайловна.

Занятия в школе начинались через неделю, и Лиля, прошептав самой себе:

– Ничего прорвёмся, где наша не пропадала, в тайге было тяжелее, – выскочила из школьного двора на центральный городской проспект Шевченко.

Радуюсь неожиданно свалившемуся недельному отпуску, она тут же побежала на главпочтамт и заказала междугородний телефонный разговор с Вильнюсом. Через полчаса её соединили с алтайской подругой Гражиной Балашийте, и Лиля с радостью услышала певучий литовский диалект своей коллеги. Узнав, что у неё появилась возможность приехать, Гражина радостно заверещала так, что даже телефонистка междугородки вздрогнула:

– Лилечка, милая, конечно же, приезжай, у меня занятий практически нету, нас распустили на написание дипломной работы, так что времени уйма, я в твоём полном распоряжении.

Вездесущая Лялька не выдержала и сболтнула Виктору, что Лиля уезжает в Прибалтику, добавив при этом от себя, что видимо на помолвку к жениху. Через несколько секунд она пожалела о сказанном. Таким Виктора она ещё не видела. Он сначала покраснел, потом позеленел, а затем побледнел, и всё его лицо покрылось багровыми пятнами. Стиснув зубы, он отрывисто спросил:

– Когда она уезжает?

Лялька, прижав оголённые руки в области сердца, участливо проинформировала его, что Лиля полчаса назад поехала на вокзал. Виктор выбежал из университета как разъярённый лев из клетки, в которой томился долгое время. Как назло, свободных такси с зеленоватым огоньком не было не в наличии. Он долго стоял на университетской площади, пока какой-то частник не согласился за сходную цену отвезти его на вокзал. Отыскав нужную платформу, он увидел, что вильнюсский поезд ещё стоял на перроне. Но вот незадача, Виктор понятия не имел, в каком вагоне едет Лиля. Он суетливо метался по вокзальному дебаркадеру, сбивая с ног провожающих и мешая носильщикам перевозить свой багаж. Так продолжалось несколько минут, пока не рявкнул гудок тепловоза, и прибалтийский экспресс не начал медленно отходить от платформы. Виктор остановился и стал меланхолично всматриваться в окна пролетающих вагонов. Возможно, ему показалось, что в одном из них он увидел блондинку с зелёными глазами, которая приветливо махала ему рукой.

Неделя в Вильнюсе пролетела даже не, как один день, а скорее, как какой-нибудь час, в котором всего шестьдесят минут. Когда голубые вагоны прибалтийского фирменного поезда «Чайка» подкатывали к железнодорожному вокзалу столицы Литвы, за окном лил промозглый осенний дождь. Сквозь его разводы Лиля вдруг увидела шеренгу девушек, одетых в цветастые дождевики. Присмотревшись внимательнее, она опознала в них весь литовский состав алтайской геологической партии под предводительством Юргиса, который держал в руках большой букет ярко-жёлтых астр. На глазах у Лили выступили слёзы, её встречали, как премьер-министра. Она ещё не успела сойти со ступенек вагона, как Юргис подхватил её на руки, не забыв при этом наградить жарким поцелуем, которому расчувствовавшаяся Лиля не очень-то и противилась. Гражина, нежно прижав Лилю к себе, весело прошептала:

– Значит так, Лилька, вся программа твоего визита расписана по минутам и начинаем мы её с позднего завтрака, у нас принято гостей сначала накормить.

Лиля особо и не возражала, в поезде она успела выпить только чай. Через несколько минут, пройдя на другую сторону привокзальной площади, они попали в очень симпатичное и уютное кафе. Саксофонист на маленькой эстраде не спеша выводил грустную мелодию какого-то джазового блюза, а на столе уже дымились чашечки свежесваренного кофе. Юргис быстро наполнил маленькие рюмки шоколадным ликёром и хорошо поставленным голосом протрубил:

– Мы приветствуем нашу гостью из не такого уж далёкого прошлого на древней литовской земле. За встречу, дорогая, за тебя, за всех нас, за геологов.

Лиле уже давно не было так хорошо. Она разомлела от ликёра, от томной музыки, от тёплого приёма. Ей не верилось, что ещё несколько месяцев назад она с этими милыми девчонками бороздила тропы прибайкальской тайги, что, прижавшись к Юргису, испуганно всматривалась в глаза озверевшего медведя. Разве можно узнать в этих красивых городских принаряженных и накрашенных дамах девушек с суровыми и обветренными лицами, ежедневно утешающих тяжёлыми сапогами синие заоблачные дали Алтая. Завтрак плавно перерастал в обед. Официанты в национальных костюмах ненавязчиво запрудили стол огромными цепелинами, картофельными колбасами, не забыв поставить при этом литовскую медовуху «Krupnikas». Слегка опьяневшая от неё Гражина, привстала из-за стола и жизнерадостно провещала:

– А знаете, девочки, давайте прямо сейчас договоримся, что мы в этом же звёздном составе будем присутствовать на свадьбе каждой из нас. Договорились, вот и прекрасно.

– Ничего прекрасного здесь не вижу, – обиделся Юргис, – а про меня, девочки, вы просто забыли.

А вот и не забыли, – решила отшутиться Гражина, – ты будешь полноправным участником всех этих бракосочетаний, если, конечно, женишься на одной из нас.

– А я категорически согласен, – просиял Юргис, – Лиля, прошу тебя прямо сейчас, будь моей женой.

Замолкший было саксофонист, который слышал весь этот разговор, схватил свой позолоченный инструмент и проникновенно заиграл свадебный марш Мендельсона. Все повскакивали со своих мест, захлопали в ладоши и дружно закричали «горько». Лиля не успела опомниться, как Юргис крепко прижал её к себе и нежно вонзил свои уста в её автоматически приоткрывшиеся губы. Она буквально утонула в этом неожиданно мягком и всепроникающем поцелуе, вспомнив такое же «горько» в новогоднюю ночь в Карпатах. И сейчас ей казалось, что это не Юргис, а Виктор так бархатно и тепло целует её. Она не слышала аплодисментов подруг, которые успели уже досчитать до пятидесяти, она даже не почувствовала, как Юргис высвободил свои губы и не увидела, как он встал на одно колено, спрашивая:

– Так что, Лилечка, ты согласна стать навеки моей.

Лиля продолжала стоять с закрытыми глазами, ощущая знакомый привкус губ Виктора, пока испуганная Гражина не затеребила её пунцовые щёки, участливо справляясь:

– Лиля, что с тобой, ты в порядке? Всё хорошо?

Лиля отрешённо взглянула на, продолжающего стоять на коленях, Юргиса, и протянула ему свою руку. Все снова захлопали, приняв этот произвольный жест за молчаливое согласие с тем, что предложил несколько минут назад Юргис. Чтобы разрядить обстановку, кто-то из девушек выкрикнул:

– А не засиделись ли мы в этом замечательном кафе, не кажется ли вам, что надо Лиле показать наш прекрасный город.

Шумная и весёлая компания долго бродила по осеннему ненастному серому городу, который, тем не менее, вызывал гамму самых светлых чувств и чем-то напоминал Львов. Может быть потому, что, по большей части, также был выстроен в средневековые поляками. Тем не менее, Лиля чувствовала себя здесь как за границей. Вильнюс никак не напоминал стандартный советский город. И дело не в вывесках, что были написаны на незнакомом языке. Узкие, сбегавшие вниз к центральной площади, улочки, мощенные, двухвековой давности красноватым булыжником, переулки, лепная фасадная архитектура причудливых зданий – всё сверкало какой-то первозданной стерильной чистотой. Создавалось впечатление, будто неизвестный никому чародей стирает этот город волшебным моющим средством. К вечеру, когда все заметно подустали, Лиля, несмело заглядывая Гражине в глаза, спросила:

– Скажи мне, подруженька, а где я буду спать.

– Ой, совсем забыла тебе сказать, – засмеялась Гражина, – в двух кварталах отсюда выщает дивный костёл, прямо возле него мы поставили для тебя палатку.

– Гражинка, ну как тебе не стыдно, – обиделась Лиля, – я же серьёзно спрашиваю.

– Ну, а если серьёзно, – продолжала улыбаться беспешая Гражина, – то мы все решили, что не стоит тебе жить с нами в общежитии. На этот быт ты насмотрелась у себя дома. Юргис с родителями проживает в отдельном особняке в зелёной зоне города, практически в тайге, там для тебя выделена отдельная комната, будешь жить, как у бога за пазухой.

– Да ты с ума сошла, Гражинка, – возразила ей Лиля, – не пойду я в никакой особняк, я лучше буду спать с тобой в одной кровати в самом захудалом общежитии, а, может быть, даже в палатке у костёла.

– Эти вопросы даже не обсуждаются, – встрял в разговор подоспевший Юргис, – это решение не моё, а коллегиальное, принятое на общем совете, а я просто его исполняю.

С этими словами он, взмахнув левой рукой, остановил проезжавшее мимо такси, а правой подтолкнул, не успевшую ничего сообразить, Лилю к кабине и практически втолкнул её туда. Зелёная «Волга» быстро набрала скорость и покатила к городской окраине. Ещё позавчера Лиля договаривалась с деловой директрисой о начале своей педагогической практики, а сегодня она едет неизвестно куда по незнакомому городу, в окно машины ей подмигивают

пролетающие мимо необычайно жёлтые фонари, а из машинного приёмника льётся какая-то весёлая и приятная песенка на незнакомом литовском языке. Не успела Лиля подумать про себя, что, может так и надо жить в стремительном, почти калейдоскопическом, беге времени: алтайская тайга, львовский университет, практика в школе, литовское кафе, как машина, мягко притормозив, остановилась у резных деревянных ворот. Выйдя из машины, Лиля оглянулась, увидев несколько жилых домов, больше напоминающих, облагороженные модерном, средневековые замки. За ними в темноте угадывалась стена густого леса.

– И в самом деле, тайга, – вспомнила Лиля слова Гражины.

Её мысли, настезь открывая ворота, Юргис прервал словами:

– Милости просим, госпожа Сергачёва в наш гостеприимный дом.

Лиля, беспокойно поворачивая голову по длине её окружности и собравшись с последними силами, насмешливо спросила:

– А разве хлеб и соль не входит в запрограммированный ритуал, господин Валтрунас.

– Будет вам, мадемуазель и хлеб, и соль, и даже какао с чаем, только всё это внутри дома.

– Послушай, Юргис, мне, действительно, неудобно нарушать покой твоих родителей среди ночи, отвези меня, пожалуйста, к девочкам.

– Лимит на девочек сегодня закончился, – жизнерадостно заявил Юргис, открыв входную дубовую дверь двухэтажного каменного особняка.

Миновав небольшую прихожую, размеры которой в два раза превышали площадь комнаты, занимаемой Лилей, Лялькой и Ларой в общежитии, они прошли в салон, габариты которого походили на танцевальный зал в их университетском клубе. За большим, овальной формы, столом ужинали средних лет мужчина и женщина, одетые явно не по-домашнему. Только потом Лиля узнает, что в литовских семьях не заведено выходить к столу, как на Украине, в халате, в пижаме, в спортивных трико и домашних тапочках. Отец Юргиса был одет в светлые из добротной ткани брюки и тональной к ним фиолетовую рубашку, а мать была в строгой чёрного цвета юбке и белой гипюровой блузке. Складывалось впечатление, что это не тривиальный семейный ужин, а празднование какой-то особой даты. Юргис что-то сказал родителям по-литовски, а потом, взяв Лилю под руку, подвёл её к столу и торжественно провозгласил:

– Знакомьтесь, это моя боевая подруга Лиля из Украины, помните, я вам рассказывал, как мы с ней напугали медведя в тайге.

Лиля покраснела и, смутившись, выдавила из себя:

– Ну, это ещё неизвестно кто кого напугал.

– Наслышаны, наслышаны о ваших приключениях, – сказал, протягивая Лиле руку, отец Юргиса, – давайте знакомиться, меня зовут Зикмундас Пранович, мою жену – Ева Антанасовна.

Не дав мужу договорить, мать Юргиса весёлой скороговоркой проворковала:

– Ну что же ты детей держишь по стойке смирно, они стоят перед тобой словно ты генерал, а они солдаты. Лиля, не стесняйтесь, пожалуйста, прошу к нашему столу, как раз чайник закипел, а я сейчас же принесу наше домашнее варенье.

Они долго чаевничали, беседовали на различные жизненные темы, Лиля ощущала, что от этих людей исходит душевная теплота и искренняя благожелательность к ней. Она совсем не ожидала, что будет чувствовать себя с родителями Юргиса так непринуждённо и раскованно. Они показались ей простыми, скромными и неприхотливыми людьми. В общем, так оно и было на самом деле, если не задаваться вопросом, на какие средства построен этот каменный дворец, в котором можно было свободно поместить всю их алтайскую геологическую партию без боязни, что работники этой партии будут стеснять друг друга. С другой стороны, Лиля ещё не знала, что Зикмундас Пранович, профессор, доктор географических наук, декан географического факультета Вильнюсского университета, где учился Юргис, а Ева Антанасовна, кандидат

геолого-минералогических наук, занимала ответственную должность заместителя директора института геологии и географии. Юргис никогда не рассказывал, что принадлежит к династии работников геологической службы, занимающих в ней высокие служебные ступени. Уже к концу своего пребывания здесь отец Юргиса передаст Лилиному декану, профессору Гончару, которого он хорошо знал, подарок – свою толстую научную монографию, которая вышла в свет в московском издательстве «Недра». А Ева Антанасовна на прощание скажет ей:

– Лилечка, нам было очень приятно контактировать с такой скромной и пристойной девушкой, как вы. Приезжайте к нам ещё, а если надумаете работать у меня в институте, то я напишу письмо-ходатайство в ваш университет и в министерство геологии СССР, там меня знают и думаю, что не откажут в моей просьбе. Город у нас замечательный, поработаете несколько лет, а там, даст бог, поможем и квартиру получить.

У Лили на глазах выступили слёзы, такого ей ещё никто и никогда не предлагал. Она не удержалась и, на ходу утирая слёзы, подбежала к Юргиса маме и, не стесняясь, расцеловала её. Этим дело не кончилось, последнюю точку в Лилином визите поставил Юргис. Когда она катались с ним на лодке на диковинном лесном озере, он остановил её на середине водной глади и, отбросив вёсла в сторону, проникновенно озвучил то, что думал:

– Послушай, Лиля, а ведь в первый твой день здесь, в кафе, когда предлагал тебе руку и сердце, я не шутил. Просто не хотел при всех кричать, что очень тебя люблю.

– Юргис, не надо, очень тебя прошу, не надо, – жалобно заговорила Лиля, – ты ведь знаешь, что в Львове есть человек, с которым меня связывают более чем близкие отношения.

Юргис, пропустив слова Лили, мимо ушей, взволнованно продолжал:

– Лиля, ты не понимаешь, мы будем с тобой жить, как у бога за пазухой. Мать уже устроила мне место советника по охране окружающей среды на Кубе, мы поедем туда вместе на три года. Потом отец организует мне место в аспирантуре, несколько лет и я защищаю кандидатскую диссертацию, становясь молодым и перспективным доцентом. Родители помогут нам построить дом, я ведь у них единственный сын. Пойми, всё у нас будет хорошо.

Конечно, если бы на месте Лили оказалась незабвенная Леночка Вареница, то она бы непременно бросилась бы в объятия к Юргису, целуя его во все возможные и невозможные места хотя бы только за то, что роскошная и комфортабельная квартира Виктора даже в подмётки не годилась двухэтажному замку Юргиса. Но Лиля Сергачёва была не Леной Вареницей, она в никакой степени не ассоциировала себя с лицемерами, которые кривят душой. Поэтому она не нашла ничего лучшего как сказать ему:

– Нет, Юргис, это ты пойми меня. Ты очень хороший человек, многое в тебе мне очень нравится и, если быть до конца откровенной, ты мне до невероятности симпатичен. Но, прости меня великодушно, в самой глубине моей души, в том месте, где проходит миокард, сидит человек, которого я люблю, и ничего с этим поделать я не могу.

Через несколько часов после этого разговора львовский поезд неоправданно быстро увозил Лилю из Вильнюса, в котором она, вполне возможно, оставила недописанную, но, абсолютно точно, – одну из самых светлых страниц своей жизни.

А жизнь эта почему-то выстраивается так, что праздники, которые пролетают, как одно мгновение, накладываются на суетливую, а иногда монотонную, поступь буден, которые, иначе, как серыми, и не назовёшь. Но и в заурядной и невыразительной их чередности Лиля приучила себя находить светлые тона. Таким прозрачным колером этой суеты явился её дебют в роли школьного учителя. Нельзя сказать, что «сеять разумное, доброе и вечное» было мечтой её жизни, но первый урок, который она вела в девятом классе, определённо удался. Когда она в заключении сказала школьникам, что не всем из них суждено сделать великие географические открытия и стереть белые пятна на карте, но совсем не лишне всем им хорошо ориентироваться на земном глобусе, уверенный шаг по реальной поверхности которого, несомненно, приведёт к

желанной цели, весь класс радостно захолопал в ладоши. Директриса, которая присутствовала на уроке, сказала ей в учительской:

– Лилия Михайловна, да вы просто прирождённый педагог и отличный предметник, жаль, что у меня нет свободных ставок, я бы с удовольствием взяла бы вас к себе.

Буквально через неделю строгая директриса вынуждена будет забрать свои слова обратно. Случилось то, что в такой элитной школе не должно было случиться. Лиля проводила очередной урок в выпускном десятом классе. Она сразу отметила, что девушки и ребята там были, как на подбор: статные, красивые, интеллектуально подкованные и не по годам развитые. Если бы ей привелось встретить их вне школы, никогда бы не подумала, что они ещё даже не дошли до выпускного вечера. Среди них выделялся Игорь Киричук, стройный, спортивного сложения, с голливудской внешностью юноша. Посреди урока он поднял руку. Лиля, прервав объяснение, выслушала его вопрос. А вопрос был такой:

– Лилия Михайловна, а почему у вас сегодня глаза не подкрашены?

Лиля на несколько секунд просто лишилась дара речи. Придя в себя, она, решив перевести всё в шутку, иронично заметила:

– Если тебя, Киричук, действительно интересуют секреты моего макияжа, то я с удовольствием поделюсь ими, только на перемене, договорились.

– Меня многое, что интересует, Лилия Михайловна, – не унимался Игорь, – например, свободны ли вы сегодня вечером.

Класс раскатисто хохотал, не столько над пошлостью Киричука, сколько возможности развлечься и превратить урок в потеху. Лиля поняла, что её подопечный сознательно идёт на срыв урока. В интернате, где она училась, за такой саботаж учитель не постеснялся бы стукнуть виновника указкой по рукам. Лиля приблизилась вплотную к возмутителю спокойствия и бессознательно подняла указку, по которой ещё несколько минут назад водила по карте, высоко вверх. Боковым зрением она заметила, наполненные страхом и ужасом, глаза Киричука. Не совладав собой, он, опасаясь удара, закрыл голову руками. Теперь все уже, как лошади в конюшне, ржали над Киричуком. Лиля бросила указку на учительский стол и с плохо скрываемым сарказмом прикрикнула:

– А я то, как и все твои одноклассницы, думала, Киричук, что ты, если и не мачо, то, по крайней мере, современный рыцарь, а оказалось, что просто жалкий трусишка.

Прозвенел звонок на перемену. Лиля вышла из класса, вдогонку ей неслись слова униженного Киричука:

– Вы ещё пожалеете, Лилия Михайловна, и запомните этот день.

Надо сказать, что Лиля, действительно, запомнила его. Через неделю, входя в этот же десятый класс, она заметила, на противоположной от двери стенке яркий цветной рисунок. Лиля ещё удивилась, что в классе стояла необычная, полная какой-то затаённости, тишина. Приблизившись к этому силуэту, она пришла в неопишуемый ужас. Это сколько нужно было изобретательности, чтобы придумать такое. На белой стене ярко-красной краской был изображён оголённый женский округлый силуэт, причём пропорции контура были выдержаны с расчётом, что чёрная розетка на стене оказалась внутри силуэта, как раз на том месте, где по всем законам анатомии должен был располагаться женский интимный детородный орган. От него отходила жирная зелёная стрелка, на которой уже синим цветом было выведено «неуважаемой Лилии Михайловне на долгую память от Киричука». Это уже был удар ниже пояса, набросанного на этой, с позволения сказать, картине. Лиля, прикрыв лицо руками, повернулась спиной к классу, в котором воцарилось гнетущее безмолвие. Простояв в этой позе несколько секунд, она резко повернулась, подошла к шкафу и вытащила из него старенький фотоаппарат «Зенит», который школьники обычно брали с собой на географические экскурсии. На её счастье он оказался заряженным фотоплёнкой. Она сняла колпачок с объектива и сделала с разных ракурсов несколько снимков бессмертного произведения Киричука. Класс продолжал

молчать, напряжённо и с интересом наблюдая за Лилиными манипуляциями. Выдержав паузу, она хорошо поставленным голосом объяснила:

– Огромное спасибо Киричуку за этот бесценный подарок, но вы же знаете, что настоящее искусство принадлежит народу. Вот я и выставляю этот подарок на всенародное обозрение, чтобы все знали, какие таланты пропадают в 10»А» классе.

Лиля, сделав вид, что не заметила, как лицо Киричука покрылось неестественной белизной, продолжила добивать его, уже почти лежащего:

– Знаете, друзья, даже самые опытные преступники оставляют следы, которые потом превращаются в улики. А господин Киричук только учится быть преступником. Вот я и представлю эти фотографии в городское отделение милиции, где разберутся с ними, а, возможно даже, отыщут статью в уголовном кодексе за распространение непристойных рисунков в общественном месте, за половое растление своих одноклассников и, в конце концов, за грубое, не имеющее аналогов, оскорбление своего учителя.

В заключение, Лиля хотела было выставить Киричука из класса, но не успела это сделать: он сам резко вскочил со своего места и быстро, не оглядываясь, выскочил за дверь.

После этого злополучного урока Лиля поднялась к директорисе, чтобы рассказать ей о произошедшем инциденте. Её в кабинете не оказалось, завуча тоже не было. Тогда, на свой страх и риск, она отыскала в классном журнале домашний адрес Киричука и, вложив в конверт одну из фотографий, приписала:

– Уважаемые родители! Полюбуйтесь, пожалуйста, на художества вашего сына. Если у вас нет желания, чтобы эта фотография (копии сохранены) попала в органы внутренних дел или в городскую газету, прошу принять необходимые меры воспитательного воздействия на вашего сына. С уважением, неуважаемая Игорем, Лилия Михайловна, Сергачёва учитель географии.

В тот же день Лиля, не пожалев сорок копеек, которые могла бы потратить на завтрак, заказным письмом отправила конверт по почте. Через несколько дней Лилю вызвал к себе декан, профессор Гончар. В кабинете у него сидела директориса. Увидев Лилю, она взволнованно всплеснула руками и отрывисто прокричала:

– Лилия Михайловна, объясните мне, что происходит. Мне отец Игоря Киричука все телефоны оборвал, требует, чтобы вы немедленно приехали к нему.

– Что происходит вам лучше спросить у самого Игоря, – гневно отпарировала Лиля, – что же касается отца, так пусть он ко мне приезжает, и я ему втолкую, какого негодяя он воспитал.

Лицо директорисы внезапно покрылось красными пятнами, она схватилась за сердце, голова её запрокинулась вверх, она, судорожно втягивая себя воздух, забыв, что всё время обращалась к Лиле по имени отчеству и на вы, с трудом выдавила из себя:

– Девочка моя, ты хотя бы отдаёшь себе отчёт, что же ты творишь?

Профессор Гончар выскочил из-за стола и налил директорисе стакан воды из графина. Залпом, как забулдыга в подворотне, осушив стакан до дна, она, чуть успокоившись, продолжила:

– А теперь рассказывайте, Лилия Михайловна, что произошло.

– Знаете, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – скороговоркой выпалила Лиля и вытащила из сумочки фотографии, одну из которых положила перед директорисой, а другую – перед деканом, приложив к ним коротенькое письмо, которое она написала родителям Киричука.

Директрисе снова стало плохо, теперь лицо её вместо красных пятен покрылось какой-то болезненной синевой. Она с трудом привстала с кресла и, не стесняясь, схватив графин, выпила его содержимое прямо из горлышка. Профессор, с плохо скрываемой улыбкой в уголках рта, сосредоточенно рассматривал фотографию и текст приложенной записки.

– Вы знаете, уважаемая, – сказал он, обращаясь к директрисе, – хоть я и не имею учёной степени по педагогике, мне кажется, что студентка Сергачёва поступила более чем правильно. Я бы на её месте написал бы родителям этого отпрыска более жёсткое письмо.

Директриса, глотая слёзы, текущие из чуть прикрытых глаз, всхлипнула и жалобно промямлила:

– Ярослав Николаевич, да вы что не знаете какую должность занимает отец этого ученика.

– А какое это имеет отношение к случившемуся, – поинтересовался профессор.

– Самое что ни есть прямое, уважаемый Ярослав Николаевич, отец Игоря работает первым секретарём горкома партии. Именно его усилиями школа всегда обеспечивается постоянным финансовым покрытием ремонта, приобретения различных средств обучения, бесплатных завтраков, чего, как вы понимаете, не наблюдается в других школах города. Что теперь будет со школой, что будет со мной?

В кабинете декана повисла гнетущая тишина. Первым её нарушил мудрый профессор:

– Ситуация не простая, надо сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы были целы.

– Под волком вы, надо полагать, Ярослав Николаевич, – перебила его Лиля, – подразумеваете секретаря горкома.

Директриса метнула свирепый взгляд на Лилю и гневно прорычала:

– Что вы себе позволяете, Лилия Михайловна, своим приходом вы нарушили идиллию и порядок, царящие в нашей образцовой школе.

– А вы, товарищ директор, – с раздражением и с накатившейся яростью выкрикнула Лиля, – уже давно разрушили основы педагогики Ушинского и Макаренко, которым нас обучают в университете.

– Успокойся, Лиля, – примирительно обратился к ней декан, – ты права на сто процентов, но и в словах директора школы есть доля правды. Текущее бытие, оно сложнее различных педагогических канонов. Жизнь выстраивается таким образом, что иногда нужно приспособливаться к выкрутасам, которые она преподносит.

Профессор задумчиво посмотрел на директрису и спросил:

– Каковы ваши предложения, что предлагаете?

Директриса, протянув декану листок бумажки, тихо пробормотала:

– Тут записан прямой телефон Петра Степановича Киричука, он просил Лилию Михайловну при первой же возможности связаться с ним.

Профессор, придвинув к Лиле розового цвета телефонный аппарат, ненавязчиво попросил:

– Лиля будь, пожалуйста, благоразумной, последовательной и лояльной. Ты у меня умная девочка, я тебя не буду учить, как и что говорить секретарю горкома, сама сообразишь. Звони.

Лиля дрожащей рукой набрала записанный на клочке бумаги номер. В ответ послышался мелодичный женский голос

– Приёмная первого секретаря, вас слушают.

Лиля поспешно произнесла:

– Вас беспокоит Лилия Михайловна Сергачёва, учительница его сына.

– Соединяю вас с Петром Степановичем, он уже давно ждет вашего звонка.

В трубке послышался приятный баритональный мужской голос:

– Здравствуйте, Лилия Михайловна! Вы меня простите великодушно, что не могу к вам приехать лично, просто очень перегружен делами. Но, если вы не сочтете за труд приехать ко мне в горком, я немедленно высылаю за вами машину. Очень прошу вас приезжайте, я так понимаю, нам будет о чём поговорить.

В тональности монолога секретаря горкома Лиле послышалась какая-то, не присущая высшим партийным сановникам, чуть ли не джентльменская вежливость, обходительность и предупредительность, что она, вопреки нежеланию ехать к нему, решила не отказываться от

встречи. Уже через полчаса Лиля входила в парадный подъезд здания горкома. При входе её остановил капитан милиции, попросив у неё документы и куда-то позвонив, он широким жестом указал Лиле на центральную лестницу, застеленную красивым и ярким ковровым покрытием. Она впервые была в здании, которое занимали партийные руководители города. Первое, что бросалось в глаза – это изящный архитектурный интерьер и богатое, даже роскошное, убранство внутри здания. Лиля подумала, как это может быть, что помещение, где работают полторы сотни человек, может быть более потрясающим и фешенебельным, чем здание храма науки, её родного университета, где обучаются более десятка тысяч студентов. Поистине, вопреки известному партийному лозунгу, народу принадлежит далеко не всё. Смутило Лилю и огромное количество дверей, расположенных по обе стороны длинного, уходящего в бесконечность, коридора, тоже покрытого ковром, но уже другой расцветки. На дверях кабинетов висели таблички с фамилиями их хозяев, без указания их должностей. Неужели необходимо такое количество руководителей, чтобы управлять жизнедеятельностью города. А ведь город делится ещё на пять районов, и в каждом из них имеется свой райком партии. Кроме того в мегаполисе есть ещё и горсовет, и именно он руководит хозяйственными и социальными составляющими города. Чем же занимается горком партии? Получалось, что он управляет теми, кто, действительно, управляет городским хозяйством. Лиля ещё долго пробиралась по коридорным лабиринтам, пока не упёрлась в дверь, которая была, как минимум, в два раза шире других. И вывеска на ней была более массивная. На широкой чёрной табличке позолоченными буквами было написано «Приёмная первого секретаря Львовского горкома КПСС тов. Киричука П. С.». Лиля с опаской приоткрыла тяжёлую дверь и оказалась в большой светлой зале. Тут расположились в ожидании приёма около десяти солидных мужчин с респектабельными многозамочными портфелями на коленях. Секретарь, средних лет симпатичная женщина, в деловом чёрном костюме и престижных очках в роговой оправе вопросительно посмотрела на Лилю:

– Вы записывались на приём, как ваша фамилия?

– Сергачёва Лилия Михайловна.

– Девушка, вы что-то перепутали, – строгим тоном проверещала секретарша, – у меня в списке нет вашей фамилии, может быть вы ко второму или третьему секретарю.

– Да как я могла перепутать, – огрызнулась Лиля, – мы же с вами говорили полчаса назад, Пётр Степанович сам послал за мной машину, я к нему на приём не напрашивалась, поэтому меня и нет в вашем списке.

Солидные мужчины с портфелями, как по команде, окинув Лилю более чем заинтересованным взглядом, многозначительно переглянулись между собой, а недоумённая секретарша, приоткрыв кабинет своего высокопоставленного босса, тихо спросила:

– Пётр Степанович, простите, приехала Лилия Михайловна Сергачёва.

Все, кто находился в этот момент в приёмной, услышали громкий голос партийного градоначальника:

– Немедленно пригласите её ко мне, и два стакана чая с лимоном, пожалуйста.

Пока солидные дяди в приёмной (а это были ни мало, ни много генеральные директора промышленных предприятий города, секретари райкомов партии и главные врачи крупных клиник) активно обсуждали, кем приходится их партийному боссу эта юная симпатичная блондинка, Лиля робко вышагивала по длинной ковровой дорожке к столу хозяина кабинета. По мере преодоления этой, не очень короткой, дистанции, до неё начал доходить смысл расхожей фразы «на ковёр к начальнику». Из-за огромного письменного стола поднялся высокий плечистый ухоженный мужчина, он протянул Лиле руку со словами:

– Так вот вы какая, Лилия Михайловна, совсем юная и, надо сказать, обаятельная учительница моего непутёвого сына. Присаживайтесь, пожалуйста.

Лиля покраснела, заметно ступсевалась и тут же забыла все умные слова, которые придумала пока ехала в машине. Пётр Степанович, широко улыбаясь и пристально заглядывая Лиле в глаза, мягко пробасил:

– Первым делом, Лилия Михайловна, я хочу извиниться, искренне извиниться за хамское поведение своего сына. В этом есть и немало моей вины. Скажу вам честно, даже не помню, когда последний раз говорил с ним по душам. Повседневная текучка засасывает так, что, по правде говоря, часто даже ночую в этом кабинете. После этого экстремального, из ряда вон выходящего, случая я, конечно, поговорю с Игорем, даже не как отец с сыном, а как мужчина с женщиной. Уверяю вас, Лилия Михайловна, он у меня этот разговор запомнит до конца жизни.

Пока секретарь горкома маленькими глоточками отпивал свой чай, Лиля жалостливо прошептала:

– Только прошу вас, Пётр Степанович, вы уж не бейте его.

– Ну что вы, Лилия Михайловна, во-первых, говорят, что применять физическую силу – это не педагогично, – улыбнулся он, – а во-вторых, ещё неизвестно, кто кого побьёт, у Игоря первый спортивный разряд по боксу.

– И вот ещё что, уважаемая Лилия Михайловна, – продолжил Пётр Степанович, – вы, конечно, можете делать с фотографией, обличающей моего сына в неблагоприятном циничном поступке всё, что только захотите. Но очень прошу вас, пощадить не моего сына, а меня, причём не как первого секретаря горкома партии, а как простого человека, которого обнародование этой фотографии приведёт, мягко говоря, к состоянию, заметно отличающемуся от здорового.

Лиля покопалась в своей сумочке и, вытащив из неё чёрную кассету с плёнкой, положила на стол секретаря горкома. Она посмотрела на немного смущённого секретаря и решительно заявила:

– Вы знаете, Пётр Степанович, собираясь к вам, я хотела, если откровенно, наговорить много гадостей про вашего сына. Но вы меня убедили, я верю, что вы сможете повлиять на него, сможете переломить всё плохое, что появилось в нём в переходном возрасте.

– Лилия Михайловна, громадное вам спасибо, вы замечательный человек и настоящий учитель, – сказал, вставая из-за стола Пётр Степанович, – вот вам моя визитная карточка и искренне прошу, если будут проблемы, немедленно звонить по указанному прямому телефону, помогу, чем смогу, я ваш должник.

На следующий день прямо на уроке в присутствии всех одноклассников Игорь Киричук извинился перед Лилей за своё беспардонное поведение. В тот же день улыбающаяся директорша на педсовете сообщила всем учителям, что ей звонил первый секретарь горкома партии, который сказал, что если бы у нас было больше таких учителей, как Лилия Михайловна Сергачёва, то с образованием в нашей стране было бы всё в полном порядке. Она пообещала, что напишет рекомендательное письмо в городской отдел народного образования с тем, чтобы Лилию Михайловну оставили преподавать в нашей школе. Однако Лиля бесповоротно решила, что, несмотря на свои успехи в преподавании цикла географических дисциплин, в школе она не останется. Она отчётливо осознала, что учитель в школе – это не только специалист, излагающий свой предмет, а, прежде всего, педагог и воспитатель. На примере бесшабашного Игоря Киричука Лиля поняла, что, если полностью и от всей души посвятить себя воспитательной работе, то на оставшийся огромный спектр жизненных коллизий её сил просто не хватит.

Зимняя сессия подкралась внезапно и, как всегда, застала студентов врасплох. Впрочем, эта сессия была символической, поскольку являлась последней, что, однако, не давало студентам никакого карт-бланша при сдаче экзаменов. Самым трудным считался экзамен «Экономическая география капиталистических стран», который включал в себя трёхсеместровый курс лекций и семинарских занятий. Принимал его чрезвычайно строгий, но справедливый и демократичный доцент Зильберг Самуил Исаакович. Неизвестно, как, его, лицо еврейской

национальности, допустили преподавать в храме науки, насквозь пропитанного украинскими националистическими канонами. Однако те же студенты, украинцы из западных областей республики, которые с молоком матери впитали себя, если не ненависть, то, по крайней мере, неприязнь и антипатию как к русским, которых называли «москалями», так и к евреям, именуемых «жидами», не только уважали, а даже любили Самуила Исааковича. Он никогда не повышал голос при обращении к студентам, а студенткам всегда мило улыбался. Когда к 25-летию Победы возле деканата вывесили большой стенд «Они сражались за Родину», не все могли представить, что этот улыбчивый старый холостяк со слегка грустными еврейскими глазами, за четыре года войны прошёл нелёгкий путь от рядового пехотинца до майора фронтовой разведки. В отличие от других преподавателей, которые, не отходя от кафедральной трибуны, бубнили свои лекции, уткнувшись в конспект, он лекции не читал: он их рассказывал, комментировал и, что самое важное, доступно объяснял. Ни один преподаватель факультета не разрешал пользоваться на экзамене вспомогательным материалом. Стол, готовящегося к ответу студента, должен был быть стерильным: только чистый лист бумаги и шариковая ручка. Аудитория, в которой принимал экзамен доцент Зильберг, напоминала читальный зал, на столах у студентов лежали учебники, справочники, конспекты и даже шпаргалки. Самуил Исаакович постоянно повторял студентам, что голова не мусорный ящик и нет необходимости засорять её ненужной цифровой информацией, которую можно подсмотреть в справочниках. При ответе на вопрос он требовал понимания сути вопроса, способности обобщать и умения мыслить и анализировать, чего в конспекте или учебнике не подсмотришь. Доцент Зильберг уважал способных, интеллектуальных и эрудированных студентов, поэтому Виктор Судаков числился у него в любимчиках и получил на экзамене заслуженное «отлично». Во время экзамена Самуил Исаакович, не боясь оставить студентов одних в аудитории, каждый час по фронтовой привычке выходил покурить. В один из таких перекуров он увидел топчущегося в коридоре Виктора. Узнав, что он переживает за Лилю, доцент укоризненно произнёс:

– Ваша Сергачёва больше времени проводит в парке, чем в библиотеке, готовиться к экзамену надо более основательно.

С чего он взял, что Лиля гуляет по паркам, Виктор не знал, однако стал с жаром рассказывать Зильбергу, сколько бессонных ночей он просидел с Лилей вместе, готовясь к экзамену. Самуил Исаакович докурил папиросу и, не дослушав Виктора, зашёл обратно в аудиторию. Неизвестно, то ли Лиля отвечала на экзамене не так уж и плохо, то ли доцент внял просьбе Виктора, но он поставил ей «четвёрку, буркнув при этом:

– Читать материал, Сергачёва следует более осмысленно, и анализировать данные нужно, как ваш дружок, который, как котёнок, прыгает здесь по другую сторону двери.

Довольная полученной оценкой, Лиля вышла из аудитории и направилась к главному выходу. Возле одной из колонн входного портика она увидела Виктора, который, пряча руки за спиной, широко открытыми глазами смотрел на неё. Он почти вплотную приблизился к ней и стремительным порывом поцеловал её в щёку. Лиля от неожиданности, как чёрт от ладана, отпрянула от него, намериваясь сказать:

– Кто тебе дал право целовать меня после того, как ты в одночасье разрушил наши отношения.

Смущённый и покрасневший Виктор, что в обиходе не было свойственно ему, не давая ей времени прийти в себя, выпростал руки из-за спины и вручил ей пышный букет ярко-красных гвоздик, сопровождая его короткой тирадой:

– Лиля, с днём рождения! Я, действительно, желаю тебе счастья, и хочу, чтобы мы снова были вместе, теперь уже навсегда.

В суетливой череде экзаменационных перипетий Лиля напрочь забыла о дне своего ангела. А ведь ей сегодня исполнилось двадцать три года. Как здорово и как приятно, что Виктор не забыл этот день. За это можно многое простить ему. Ошеломлённая Лиля растерянно

переступала с ноги на ногу, не зная, что сказать. А Виктор тем временем достал из бокового кармана пиджака какую-то бархатистую синюю продолговатую коробочку и, протянув её Лиле, небрежно произнёс:

– А это тебе скромный презент от меня, опять-таки, ко дню рождения.

Лиля не удержалась от соблазна открыть этот красиво оформленный футляр, открыла и ахнула: внутри лежали модные золотые женские часики. Такого значимого подарка от Виктора она просто не ожидала. Лиля не соизмеряла себя с девушками, ответные чувства которых можно было купить. В тоже время она понимала, что такие подношения студенты своим подругам не делают. В данном случае Лиле показалось, что столь дорогой презент определяется даже не столько ценой, сколько чем-то более существенным и весомым. Стараясь не показывать Виктору выступившие слёзы, Лиля, отведя глаза в сторону, тихо прошептала:

– Спасибо, Виктор, огромное за неожиданную радость, которую ты мне сейчас доставил, но я не могу принять от тебя столь драгоценный подарок.

Виктор нахмурился, в глаза появились огоньки какого-то надвигающегося внутреннего кризиса, он не выдержал и закричал:

– Лиля, зачем ты очередной раз заставляешь меня страдать, и кто вообще наделил тебя правом не принимать мои подарки, идущие не из магазина, а от самого сердца.

В ответ Лиля совсем тихо, почти шёпотом, растерянно сказала:

– Виктор, ты, наверное, забыл, что не имеешь никакого права повышать на меня голос.

– А вот и имею, – уже не закричал, а завопил Виктор, – имею полное юридическое право по причине моего безумного желания, чтобы ты стала моей женой.

Водопад слёз каскадом скатился с Лилиных глаз. Растерянный Виктор не догадывался, сколько лет эти, сумбурно произнесенные им, слова были заветной мечтой этой хрупкой рыдающей девушки.

– Разве так предлагают любимой девушке руку и сердце? – продолжала громко всхлипывать Лиля, – мне представлялось это как-то по-другому.

Прижав пылающие гвоздики к груди, она перебежала дорогу и очутилась на заснеженной парковой аллее. Вслед за ней мчался обезумевший Виктор, выкрикивая на ходу:

– Лиля-я-я! Остановись, я люблю-ю-ю тебя-я-я.

И только вороны, гордо восседавшие на оголенных каштанах, как по команде, перестали каркать, провожая удивлённым взглядом удаляющуюся странную пару.

Говорят, что время течёт только вперёд, а ещё говорят, что оно необратимо. К этому стоит добавить, что оно, это время, бежит с явно не разрешённой скоростью непозволительно быстро. Нет на всём белом свете автоинспектора, который мог бы наложить штраф на эту философскую движущуюся категорию, и, разумеется, нет на этом же свете волшебника, который мог бы остановить время. На какое-то мгновение Виктору удалось задержать бег времени, когда он сделал очередную попытку предложить Лиле трансформировать их непостоянные четырёхлетние отношения в законный брак. Этот волшебный миг Лиля запомнит на всю свою, предопределённую всевышним, жизнь. В этот незаурядный день Виктор пригласил Лилию в театр оперы и балета, где ставили балет «Лебединое озеро». Исполнителем одной из ролей в этом балете был молодой балетмейстер, школьный друг Виктора, Женька Ананьев. Вместе им удалось разработать проект церемониала предложения, которое Виктор собирался сделать Лиле на всю их последующую счастливую жизнь. Автором сценария являлся, разумеется, Витя, а режиссёром – Женя. И вот в зрительном зале идёт последняя сцена балета: волны одна за другой набегают на принца и Одетту, и скоро они скрываются под водой. Гроза утихает, вдали едва слышны слабеющие раскаты грома; луна прорезывает свой бледный луч сквозь рассеивающиеся тучи, и на успокаивающемся озере появляется стадо белых лебедей. А дальше, как пишут в газетных клише, публика встаёт и награждает артистов громкими и неутихающими аплодисментами, переходящими, разумеется, в бурные овации. И вдруг на сцену выходит Женька Ананьев (один

бог знает, сколько сил и энергии он затратил, чтобы уговорить художественного руководителя театра на реализацию этой акции) и хорошо поставленным голосом провозглашает:

– Уважаемая публика! Прошу вас не расходиться, прошу вашего низжайшего почтения ещё на несколько минут. С вашего разрешения я приглашаю на эту сцену своего друга, большого друга нашей балетной труппы господина Виктора Бровченко.

К огромному изумлению Лилии, рядом с которой сидел Виктор в девятом ряду партера, он мгновенно вскочил со своего места и, как заправский натренированный рысак, помчался к сцене, на подмостках которой Женя незаметно передал ему букет цветов. Когда Виктор поднялся на сцену, этот грандиозный и просто шикарный букет уже невозможно было не заметить. Собственно, это был не букет, а букетище, состоящий из нескольких десятков нежных белых лилий, который удачно гармонировал с кофейным костюмом Виктора, бежевой рубашкой и особенно с вывязанным поверх неё белым галстуком. По правде говоря, за многие годы, что Лиля была знакома с Виктором, она никогда не видела на нём ни кофейного костюма, ни бежевой рубашки и уж, конечно, ни белого галстука. Напротив, он терпеть не мог парадной одежды, предпочитая ей пролетарские джинсы, ковбойку и спортивные вьетнамские кеды модной фирмы «два мяча». А ещё всегда проницательная и прозорливая Лиля сегодня вообще не понимала, что происходит с Виктором, что происходит в этом театре и что вообще её наряженный друг делает на сцене, куда и не каждому артисту легко попасть. В этот вечер он превзошёл самого себя. И по прошествии многих лет Лиля будет помнить каждое слово, произнесённое Виктором в этот незабываемый вечер. Когда он взял в руки серебристый микрофон, в партере, бенеуарах и ложах старинной городской оперы воцарилась тишина.

– Уважаемые дамы и господа! – начал свою тронную речь Виктор, – только что прозвучали последние аккорды чарующей музыки Чайковского, и прекрасные лебеди величаво уплыли за кулисы. Внимательно вглядываясь в полумрак этого театрального зала, среди вас, уважаемые зрители, я отчётливо вижу своего лебедя, своего белого лебедя, который является символом красоты, великолепия и благородства. Он, точнее она, действительно белая, её зовут Лилия. У меня в руках букет белых лилий, который предназначен для моей белой Лилии. Всего несколько минут назад за моей спиной закрылся театральный занавес. Кулисы нашей с тобой жизни, Лилия, только начинают раскрываться. Поэтому, сегодня я не просто призываю, а настоятельно и бесповоротно заклинаю тебя, милая, стать навечно моей надеждой, моей путеводной звездой, моей судьбой, моей любимой женой.

Виктор не слышал грома бурных оваций, которые были, пожалуй, сильней аплодисментов артистам балета. Он, прижав к груди белый букет, припал на одно колено и с нетерпением ждал, когда Лиля поднимется на сцену. За едва различимыми силуэтами зрителей, которые продолжали рукоплескать, Виктор не видел Лиллю, которая, прикрыв лицо руками, сидела в мягком театральном кресле и плакала навзрыд. Горячие слёзы катились из её зеленоватых глаз, оставляя на белом платье влажные разводы. Ей казалось, что она смотрит какой-то красивый спектакль, что всё происходящее на сцене не имеет к ней никакого отношения, что она находится в потустороннем мире, в некоем мифическом зазеркалье, в котором добрая фея в одночасье превратит принцессу в Золушку. Лиле казалось, что она погрузилась в дивный и фантастический сон пока не увидела перед собой реального Виктора, протягивающего ей сказочный букет белых лилий. Как будто из-под земли донёся до неё его жизнеутверждающий голос:

– Лилюсик, родная, так ты согласна всю оставшуюся жизнь терпеть меня рядом с собой в качестве своей неотъемлемой половинки, в подлинной, а не в театральной роли всегда верного и любящего мужа.

Влажные и блестящие от обильных слёз, широко посаженные глаза Лили сосредоточенно смотрели на Виктора. Не надо было ничего говорить, он отчётливо увидел, что эти любимые глаза напротив совсем не против его предложения, текст которого готовился, целую неделю. Через некоторое мгновение, как будто собирая последние свои душевные силы и муже-

ственно преодолевая смущение перед таким огромным количеством свидетелей, Лиля тихо, едва слышно озвучила то, что прочитал Виктор в её глазах:

– Как же ты мог только подумать, что я отвечу тебе «нет». Я же очень люблю тебя, Виктор, люблю, как дай мне бог любимой быть тобой. Конечно же, «да».

Театральная акустика мгновенно отрезонировала и усилила слова Лили, и по всему огромному храму Мельпомены понеслось раскатистое «да-а-а-а» и вслед за ним очередные оглушительные аплодисменты зрителей.

На следующий день на первой странице городской газеты появилась статья с броским заголовком «Лебединая песня», в которой журналист вместо стандартной рецензии на спектакль красочно описал произошедшее в театральном зале после спектакля. На следующий день весь университет знал, что Лиля Сергачёва и Виктор Бровченко из сословия студентов-дипломников плавно перекочевали в статус жениха и невесты. Даже декан факультета профессор Гончар, встретив Лилю в университетском коридоре, то ли в шутку, то ли в серьёз неожиданно заявил:

– Ну что ж, Сергачёва, признаться, наслышан о вашем с Виктором бракосочетании. Могу даже быть на вашей свадьбе посаженным отцом, если, конечно, соизволите пригласить.

– Разве может декан быть посаженным отцом? – возразила ему Лиля.

– Тогда, если не возражаете, я буду на вашем торжестве просто свадебным генералом, возможно, это будет более логичным в части соблюдения должностных регалий.

– Извините, Ярослав Николаевич, я плохо разбираюсь в свадебной иерархии официальных лиц, но очень хочу, чтобы вы были на нашем торжестве в качестве самого дорогого гостя, – выпалила Лиля на одном дыхании, сама удивляясь своей смелости пригласить на собственную свадьбу именитого профессора.

Следующим соискателем присутствия на свадебном торжестве неожиданно нарисовался секретарь комсомольского бюро факультета Богдан Федчишин. Этот молодёжный функционер без всяких предисловий прямо заявил Лиле:

– Значит так, глубокоуважаемая, ты уже несколько лет являешься членом комсомольского бюро, отвечаешь за культмассовый сектор. Сам бог велел нам организовать такому комсомольскому активисту, как ты, настоящую комсомольскую свадьбу в общежитии.

В свою очередь Лара и Ляля, которые, понятно, не нуждались в приглашениях, отчаянно и яростно спорили между собой, кто же будет на предстоящей свадьбе подружкой невесты или, выражаясь современным языком, свидетельницей этого неординарного и, можно сказать, дебютного, как для невесты, так и для подружек, торжества. В конце, концов, в результате разыгранного жребия Ляля Кирилова вытянула скомканный листок, развернув который все увидели надпись «свидетельница». Ляля порывисто обняла Лилю за плечи, расцеловала и надрывно завопила:

– Лилечка, родная, я буду на твоей свадьбе не только свидетельницей, а и распорядительницей. Обещаю тебе устроить оригинальную и самобытную свадьбу.

В то время, как общественные организации факультета, сокурсники и друзья начали бурную подготовку к свадьбе, Лиля и Виктор ещё и словом не обмолвились, где и как она будет проходить, что предпринять с пошивом свадебного платья, какие обручальные кольца приобрести и, самое главное, где достать на всё это деньги. Виктор по ночам разгружал на товарной железнодорожной станции неподъёмные мешки с мукой. После такой непосильной работы, не обладая навыками культуриста в занятиях бодибилдингом, он несколько дней отлеживался в постели, чтобы привести себя в исходное состояние. Несмотря на занятость в подготовке дипломного проекта, он давал частные уроки по математике, в которой преуспевал намного больше, чем в силовых видах спорта. Однако заработанных средств едва хватало на еженедельный букет цветов Лиле и воскресное посещение театра, концерта в филармонии или молодёжного кафе в центре старого города. Несмотря на то, что Виктор изо всех своих, далеко непо-

лодецких, сил старался быть финансово независим, становилось понятным, что без помощи родителей здесь не обойтись.

Неожиданное известие о предстоящей свадьбе и обрадовало, и озадачило старших Бровченко. Подготовка такого торжества в условиях тотального дефицита гастрономических изысков требовало как материальных вложений, так и организационных усилий. Каждый из них, независимо друг от друга, подумал:

– Да, уж в наше незабвенное время со всем этим было намного проще.

Родители Виктора встретились во время войны. Знакомство их не было овеяно романтикой вздохов и свиданий: оно пришлось на время самых кровопролитных боёв советской армии с гитлеровскими нацистами. Так сложилось, что отец и мать Виктора входили в состав медицинского персонала санитарного эшелона, который, по сути, представлял собой больницу, передвигающуюся по железнодорожным рельсам. Такие санитарные поезда во время войны ещё называли поездами спасения. И, действительно, врачи этих поездов, при острейшем дефиците необходимого медицинского оборудования, лекарств, перевязочных материалов и анестезирующих средств делали всё возможное, а скорее даже, невозможное для спасения жизни раненых солдат и офицеров. Мать Виктора, Эмма Абрамовна Гуревич, была ответственной за санитарно-гигиеническое состояние поезда. Она проверяла, поступающие на узловых станциях, продукты, состояние пищеблока, контролировала стерильность операционных отсеков и чистоту палатных вагонов в условиях военной неразберихи, разрухи и грязи. Всё это было на ней, хрупкой женщине, рост которой едва превышал полтора метра. Несмотря на это, она отлично справлялась со своей тяжёлой работой, постоянно конфликтуя с начальником поезда, переругиваясь с поварами, посудомойками, кладовщиком, в общем, со всеми, кто имел какое-то отношение к санитарии и гигиене. Всегда неулыбчивую и постоянно хмурю Эмму Абрамовну персонал поезда называл Эмка по аналогии с популярной в то время легковушкой «эмка», выпускаемой Горьковским автомобильным заводом. Эмма Абрамовна соответствовала этому почти ласкательному прозвищу, так как своей стремительностью и оборотливостью, на самом деле, напоминала указанный автомобиль. Единственный во всём эшелоне, кто не боялся, а, наоборот, радовался каждому появлению Эммы Абрамовны, был поездной стоматолог Серёжа Бровченко. Будучи также занятым по восемнадцать часов в сутки (только на фронте за четыре года войны он удалил более двух тысяч зубов), он находил время поздно вечером постучать в купе Эммы Абрамовны и положить ей на столик что-нибудь из еды. Как правило, это были краюха хлеба, несколько кусочков сахара или яблоко, которые он доставал на станциях в обмен на папиросы. Курево Сергей, как и все офицеры, получал как часть довольствия, старался курить поменьше, поэтому, без сожаления, менял его на продукты, которые дарил Эмме Абрамовне. Сергей знал, что её суровость и угрюмость происходят не от тяжёлого характера, а от бед военной поры. Муж Эммы Абрамовны погиб буквально в первые дни войны, брошенный в составе необученных новобранцев против катившихся на восток фашистских полчищ. Ещё через полгода немецкие самолёты разбомбили поезд, в котором направлялись в эвакуацию её родители и сёстры. Из большой и дружной семьи в живых осталась только она с двумя маленькими дочками на руках, которых оставила на попечение свекрови в эвакуации в Ташкенте. Получив извещение о гибели мужа, Эмма Абрамовна пошла в военкомат и попросилась на фронт, объяснив военкому, что санитарно-гигиеническая обстановка в войсках не менее важна, чем снаряды на передовой, а серьёзная эпидемия может унести больше жизней, чем любая бомбёжка. Родители Виктора окончили медицинский институт ещё до войны, отец учился на стоматологическом факультете, а мать – на санитарно-гигиеническом. Сегодня родители Виктора входили в элитную обойму интеллигенции города. Сергей Иванович был одним из лучших стоматологов области, а Эмма Абрамовна занимала престижную должность главного санитарного врача города. Должности родителей Виктора на фоне всеобщего уравнивания заработной платы позволяли им, по советским меркам, безбедно существовать и в

праздники, и в будни и обеспечить своим детям, если не счастливое, то достаточно благополучное детство. Маленький Витя никогда не испытывал недостатка в красочных и дорогих игрушках, с детства ел бутерброды не только с красной, а и с чёрной икрой, а в школу отец подвозил его на светло-голубом «Москвиче». Да и сейчас, несколько лет назад, родители подарили ему на день рождения ярко-красный чешский мотоцикл «Ява», на котором Виктор лихо раскатывал на зависть своим однокурсникам. Сегодня после долгих уговоров он посадил на заднее сидение своего моторизованного зверя Лилю, дабы представить родителям свою невесту.

Лиля, как огня, как грома среди ясного неба, боялась этого визита. Своим неотразимым чутьём она догадывалась, что должна предстать перед домочадцами будущего мужа некой представительной, импозантной, светской дамой, понимающей окружающую жизнь и знающей в ней толк, показаться такой, какой она, в самом деле, не является. Несмотря на то, что Лиле было присуще остроумие и тактичность в поведении, невзирая на её натуральную привлекательность, природное обаяние, она производила впечатление обычной несколько наивной и даже где-то простоватой девушки. Как раз именно это беглое впечатление при первой встрече могло не понравиться солидным родителям Виктора. Надо сказать, что предчувствия не обманули Лилю. Именно так оно и произошло. Когда она с Виктором переступила порог просторной, хорошо обставленной квартиры, Эмма Абрамовна, окинув простенькое пальтишко будущей невестки надменным и высокомерным взглядом, сквозь зубы, блистающих неестественной белизной коронок, установленных не так давно её мужем, неторопливо процедила:

– У нас в доме принято снимать при входе не только верхнюю одежду, а и обувь, к тому же, прямо скажу, не совсем стерильную.

Кандидат в свекрови встречала Лилю даже не столько по одежке, сколько понаслышке. Ей удалось разговорить однокурсника Виктора, предварительно устроив его на лечение зубов в стоматологический кабинет Сергея Ивановича, куда можно было попасть по записи не менее чем за полгода либо по большой протекции. Он то и поведал Эмме Абрамовне, что Лиля родилась в простой семье в глухой деревне, воспитывалась в интернате и неизвестно как поступила в университет. Полученная информация не вселила оптимизма в чаяния и надежды Эммы Абрамовны заполучить в роли матери её будущих внуков дочь благополучных и состоятельных родителей. Тестем сына по её убеждению должен был быть, как минимум профессор, это если по научной линии или, по крайней мере, какой-нибудь управляющий строительным трестом, если опуститься до инженерного направления и даже, если снизойти до торгового работника, пусть это будет директор крупного гастронома. Эмма Абрамовна уже не помнила или вполне сознательно захотела забыть, как она жила в более чем скромной комнатухе в обшарпанном общежитии. Как ела бутерброды с серым, нетоварного вида, зельцем или выковыривала кильку в томатном соусе из общей консервной банки и запивала эти студенческие деликатесы горячим чаем с маленьким кусочком сахара вприкуску, как бегала на свидания в заштопанных чулках и в облезшей кроличьей шубе, одолженной на несколько часов у подружек по комнате. Эмма Абрамовна постаралась запомнить и то, что её, дочку простого еврейского сапожника из небольшого провинциального городка с двумя маленькими дочурками участливо, сердечно и хлебосольно приняли в семью второго нынешнего мужа. А ведь отец Сергея был не мало, не много ни просто доктором, а доктором медицинских наук, профессором, главным врачом республиканской клинической больницы. И никто и никогда не намекнул Эмме Абрамовне, что так уж получилось, что она, Эмма, и их сын Серёжа принадлежат к разным сословиям и по этой веской причине не могут создать новую ячейку общества, как называли семью в Советском Союзе.

Сегодня уже не студент-медик Серёжа, а всеми уважаемый доктор Сергей Иванович Бровченко, мягко отстранив свою жену, протянул Лиле руку и скороговоркой произнёс:

– Вы уж, пожалуйста, не обижайтесь, у Эммы Абрамовны был тяжёлый день, проходите, пожалуйста, стол уже накрыт. Да к тому же у меня сегодня день рождения. Присаживайтесь, будьте любезны.

Лиля вздохнула и на тяжёлом выдохе, выдавив из себя жалкое подобие улыбки, произнесла:

– Ой, а Виктор ничего мне не сказал, искренне поздравляю вас и желаю вам, прежде всего, здоровья.

– Желать доктору здоровья это более чем правильно, – весело заметил Сергей Иванович, разливая по бокалам розовый венгерский «Токай», – за это имеет глубокий смысл выпить.

Все выпили, а кандидатка в невестки лишь слегка пригубила, хотя в горле першило от внезапно подступившей сухости.

– Между первой и второй – перерывчик небольшой, – продекламировал, молчавший до сих пор Виктор, банальную студенческую прибаутку.

Он снова наполнил бокалы и, выдержав более чем тягостную паузу, провозгласил:

– Дорогие родители, первым делом я хочу познакомить вас со своей невестой, её зовут Лиля, прошу любить и жаловать.

– Должна тебе сказать, дорогой сын, – прервала монолог Виктор Эмма Абрамовна, – что мы люди грамотные, газеты читаем, наслышаны о твоих подвигах. Всегда мечтала, чтобы мой ребёнок выступал на большой сцене. Кажется, мои иллюзии осуществились.

– Мама, пожалуйста, не перебивай, – остановил её Виктор, – если ты, действительно не хочешь, чтобы мы с Лилей ушли, не попрощавшись, то дай договорить.

Виктор взглянул на белое, как только что выпавший снег, окаменевшее лицо Лили, нежно обнял её за плечи и вымученно продолжил:

– Кстати, на большой сцене, как ты выразилась, мамочка, совершенно чужие люди принимали меня более искренне и восторженно, чем в любимой семье. Это, во-первых, а во-вторых, как, вы, дорогие родители, уже, наверное, догадались, я, мы с Лилей просим вашего благословления на наш брачный союз.

Эмма Абрамовна всхлипнула, на её ещё красивых и ярких глазах выступили слёзы и она, закрывая напудренное лицо руками, жалобно пролепетала:

– Витенька, Лилечка, вы совершаете такой важный шаг в своей жизни, которая у вас только начинается, у вас есть ещё время подумать, правильно ли вы поступаете.

– Мамочка, дают время подумать в мировом суде, когда люди разводятся, – мрачно отпарировал Виктор, – я же очень люблю Лилю, она любит меня, и видит бог, что думать нам нечего, наше решение окончательное и бесповоротное и обсуждению, как в окружном, так и на божьем суде не подлежит.

– Должен заметить, друзья, – вступил в разговор Сергей Иванович, – что, вопреки пожеланиям Виктора, промежуток между тостами у нас получился немаленький. Поэтому, моя речь будет краткой. Когда я со своей невестой пришёл к своим родителям, дедушка Виктора, Иван Алексеевич, произнёс всего три слова «Совет да Любовь», что означало его благословление нам. Я повторяю его слова: Совет и Любовь вам, Лиля и Виктор, будьте, пожалуйста, счастливы.

Как только за Виктором и Лилей захлопнулась дверь, Сергей Иванович, нежно обняв жену за плечи, грустно заметил:

– Да, Эммочка, не очень приветливо ты встретила свою невестушку. Надо как-то сгладить всё это. А мне, вопреки всем твоим возражениям, Лиля понравилась. По всему видно скромная и покладистая, а главное – надёжная девушка.

– Знаешь, Серёжа, – тяжело вздохнула Эмма Абрамовна, – и мне так показалось. Перегнула я палку, просто всегда мечтала, что у моего сына жена будет из обеспеченной и интеллигентной семьи.

В свои шестьдесят четыре года мать Виктора, прожив совсем нелёгкую жизнь, чувствовала себя уставшей от неё. Продолжая в пенсионном возрасте ещё напряжённо работать на ответственной должности, ей уже было сложно заботиться о том, чтобы каждый день в доме был полный обед, как говорится и первое блюдо, и второе, и даже компот. Слава богу, отсутствием аппетита в её доме никто не страдал. Как Сергей Иванович, так и Виктор, хотя и не были большими гурманами, получать удовольствие от вкусной еды никогда не пропускали. Немало сил забирала стирка, стиральные машины в обиходе только начали появляться: пока же всё, начиная от белья и заканчивая рубашками, приходилось стирать вручную. К тому же в доме всегда толклись друзья и подружки Виктора, которым к чаю или кофе надо было обязательно подать нечто кондитерское, которое она, не любя готовых гастрономических изделий, выпекала сама. Очень хотелось, чтобы все эти заботы взвалила на себя молодая жена Виктора. Безошибочным женским чутьём Эмма Абрамовна поняла, что Лиля сможет и накормить, и обстирать, и, возможно, даже, как говорится, и Виктора на скаку остановить, если того не в ту сторону занесёт.

Было ещё одно обстоятельство, из-за которого мать одобрила выбор сына, никогда ему в этом не признаваясь. Даже из кратких рассказов Лили о себе проницательной Эмме Абрамовне стало ясно, что её будущая невестка, как и Виктор, тоже поздний ребёнок в семье и что она очень привязана к своим немолодым уже родителям. Совсем не зря этот факт стал, чуть ли не определяющим в решении матери принять невестку в дом. Дело в том, что на дворе стоял 1970 год, год, когда тронулся лёд, открывший, ещё пока не очень большой поток эмиграции евреев, в основном из Прибалтики, Закарпатья, Черновцов и Львова, в Израиль и США. Причиной этого ледохода стала блестящая победа в июне 1967 года израильской армии над войсками Египта, Сирии, Иордании и ряда других арабских стран, щедро напичканных советским оружием. Эта победоносная война Израиля над арабами, мечтавшими уничтожить суверенное еврейское государство, вызвала небывалый душевный подъём у советских евреев, и разбудило, подавляемое бушевавшим в стране антисемитизмом, их национальное самосознание. Реакция советского руководства не заставила себя долго ждать: Советский Союз немедленно разорвал дипломатические отношения с Израилем. Однако уже через год в ЦК КПСС поступило совместное письмо, подписанное министром иностранных дел А.А.Громыко и председателем КГБ СССР Ю.В.Андроповым. Авторы этого письма возглавляли в то время два важнейших и ключевых ведомства страны. Такой тандем вовсе не был случайным: функции обеих структур настолько плотно переплетались, что не всегда было понятно, где кончается одна из них и начинается другая. Об этом свидетельствует небольшой фрагмент из этого письма: «решение вопроса о возобновлении выездов советских граждан в Израиль по мотивам восстановления разрозненных войной семей может получить положительную оценку в глазах мирового общественного мнения как гуманный акт. Комитет госбезопасности сможет продолжить использование этого канала в оперативных целях». И не больше, и не меньше. Добавить к этой цитате нечего, как говорится, комментарии излишни. Как бы там ни было, политика Советского Союза в отношении репатриации евреев в Израиль существенным образом смягчается. Вот и из их дома всего несколько месяцев назад на постоянное место жительства в Израиль выехала семья Кальмановичей, с которыми они были в близких отношениях много лет. С их сыном Илюшей Виктор учился в одном классе и достаточно и просто дружил во внешкольное время. Несмотря на то, что Виктор учился в университете, а Илья – в полиграфическом институте, их дружба не прекращалась. Ещё совсем недавно, когда Виктор намеривался проводить своего друга на вокзал, Сергей Иванович отпаивал её, Эмму Абрамовну, валерьяновыми каплями. Кто знает, сколько здоровья она потеряла, когда гневно кричала сыну:

– Виктор, прошу тебя, не будь самоубийцей, попрощайся с Илюшей здесь, у него дома, там, на вокзале сотрудники комитета государственной безопасности занесут тебя в чёрный список, и ты уже никогда в жизни не найдёшь себе нормальной работы.

По большому счёту Эмме Абрамовне нельзя было отказать в логике. Внешняя разведка страны внимательно следила не только за перемещениями уезжавших евреев, а и за лицами, окружающими их. Но Виктор, не соглашаясь с доводами матери, срываясь на фальцет, в свою очередь орал:

– Но, мама, я же уже никогда не увижу своего друга, мы прощаемся с ним навсегда, ты понимаешь, навсегда. Как же я могу не проводить его.

Практически сразу после отъезда Илюши в домашних разговорах Виктора стала звучать острая критика советских порядков, всё больше у него стал проявляться здоровый интерес к жизни за железным занавесом. Несмотря на бурные протесты родителей, Виктор всё чаще и чаще стал настраивать старый семейный радиоприёмник «ВЭФ Аккорд» на вражескую волну радиостанций «Голос Израиля», «Голос Америки» и «Свобода». Сквозь монотонный гул советских глушителей Виктору всё-таки удавалось услышать правдивую информацию о политике, проводимой партийными руководителями его родины, страны победившего социализма. После этих прослушиваний, как отцу, так и матери становилось всё труднее и труднее убеждать Виктора, что мы живём в самой замечательной стране, где всё делается для человека и ради человека. В семье Бровченко до этого времени не было принято говорить обо всём том, что связано напрямую с еврейством, да и вообще негласно на эту тему было наложено табу. В реальности оказалось, что Виктор никогда не забывал, к какой национальности относится его мать. Ещё больше Виктор стал идентифицировать себя евреем, когда узнал, что в отличие от большинства народов мира, где наследование национальности идёт по отцу, на протяжении всей еврейской истории национальная принадлежность ребёнка определялась исключительно по матери, независимо от происхождения отца. Разумеется, Виктор не бил себя в грудь и не поднимался на высокую трибуну, с которой во всеулышание кричал:

– Люди! Посмотрите на меня, я оказывается не какой-нибудь славянин, а стопроцентный еврей.

Да и в молоткастом и серпастом паспорте в пресловутой пятой графе у него стояла национальность – украинец, благодаря которой он поступил в университет и в соответствии, с которой перед ним открывались все возможности карьерного роста, что, вряд ли, имело бы место быть, если бы он вдруг решил записаться по национальности матери. Так или иначе, получалось, что о своём еврействе Виктор помнил всегда. А теперь, когда он достиг свадебного возраста, Эмма Абрамовна очень опасалась, что достаточно будет мимолётного знакомства сына с девушкой из «выездной» еврейской семьи, как Виктор всю свою энергию направит на то, чтобы покинуть пределы своей социалистической родины. Терять сына и выпустить его из поля своего зрения навсегда было для Эммы Абрамовны не чем иным, как преждевременным перемещением на кладбище. В этом плане, Лиля, с её чисто русскими корнями, была беспроигрышным вариантом и являлась тем якорем, который навсегда оставит Витю неразлучным с матерью и отцом.

Через несколько дней окрылённый Виктор сообщил Лиле, что отец попросил его направить все усилия на успешное доведение дипломного проекта до ума и не беспокоиться о деньгах, поскольку все свадебные расходы он берёт на себя. Теперь, следуя неизвестно кем придуманной традиции, Виктору предстояло попросить руку своей невесты у родителей Лили. Лиля, зная нелюбовь Виктора к праздничному одеянию, слёзно попросила его выглядеть даже не на сто, а на все сто двадцать процентов, намекая на то, что встречают всё-таки по одежке, а по уму лишь провожают. Виктор не посмел ослушаться невесту: постригся, побрился, надел новый дорогой свитер, долго и придирчиво подбирал галстук под зелёный цвет этого свитера.

В последний момент выяснилось, что свою меховую пыжиковую шапку забыл вчера у соседа, который в данный момент не находился дома. Что делать, за окном трещит февральский десятиградусный мороз. Покопавшись на антресолях, где мать прятала старый хлам, нашёл изрядно потрёпанную шапку, которую носил ещё школьником.

– Сойдёт для сельской местности, – подумал про себя Виктор и завёл всё тот же свой пурпурный мотоцикл, где на заднем сидении удобно устраивается Лиля, облачённая в ярко-голубую каску. Снова в путь, теперь не такой близкий, её родные живут на расстоянии шестидесяти километров от областного центра в селе Поморяны.

Лилия вдруг вспомнила, как в прошлом году на зимние каникулы решила проведать родителей. Когда до Поморян оставались всего около десяти километров, автобусу, на котором она ехала, преградил путь огромный занос, глубина снежного покрова составляла не менее полуметра. Водитель автобуса заявил, что разворачивается и возвращается назад в районный центр, что он, дескать, не намерен ночевать в непрогретом автобусе, в случае, если застрянет на заснеженной дороге. Все пассажиры остались на своих местах, осознавая, что разумной альтернативы решению шофёра в наличии не имеется. Только Лилия, понимая, что дорогу не расчистят ни сегодня, ни завтра и даже ни послезавтра, решила дойти до родительского дома пешком. Уговоры водителя и остальных пассажиров не возымели должного действия. Лилия, протянув руку по направлению к маленьким домикам, видневшимся вдали, беспечно выкрикнула:

– Да посмотрите внимательнее, люди добрые, моя деревня видна из окна нашего автобуса, через полчаса я буду дома.

Когда спустя час нелёгкого пути Лилия достигла этих покосившихся сельских избышек, оказалось, что они принадлежат не Поморянам, а небольшому хутору, в котором проживал лесничий и ещё несколько семей. До её дома оставалось не менее пяти километров. Внезапно холодное зимнее солнце скрылось за набежавшими свинцовыми тучами, повалил густой снег. Ещё через полчаса начало смеркаться, поднялся сильный ветер, который проникал сквозь тонкое Лилино пальто и охлаждал все что находилось под его нетёплой тканью. Она весьма своевременно вспомнила инструктаж незабвенного начальника геологической партии Коршунова, который всегда наставлял своих подопечных:

– В пургу движение и только движение является синонимом жизни, если же сядешь передохнуть, обязательно заснёшь, а это уже – антоним бытия, точнее говоря, небытие.

Следуя этим словам Коршунова, Лилия, стиснув зубы, поочерёдно вытаскивала ноги из сугробов с тем, чтобы через секунду провалить их опять в эту снежную бездну. Замерзшие ноги постоянно подкашивались и она падала, ударяясь лицом в твёрдый белый наст. Собиралась с духом, напрягая остатки сил, поднималась и снова продвигалась вперёд, выбрав за ориентир какую-то силовую башню на дальнем горизонте. Часа через два изнуряющего перехода в снежный буран она заметила приближающиеся огоньки и через некоторое время, почувствовав облегчение в ходьбе, вступила на утоптанную деревенскую улицу. Изобразив на полуобмороженном личике подобие жизнерадостной улыбки, она стремительно влетела в родной дом, сообщив обеспокоенным родителям, что добралась до деревни на попутном грузовике.

Через полтора часа пути мотоцикл притормозил у, окрашенной в зелёный цвет, калитки и Лилия с Виктором прошли через узкую тропинку, ведущую от палисадника к входной двери, из которой показались полная светловолосая женщина и высокий худощавый мужчина, мать и отец Лили. Мама обнимает дочку и целует её в обе щёки, а отец подхватывает её на руки и вносит в светлую и просторную горницу. Бережно опустив дочь на пол и, усадив её на высокий табурет, он протягивает будущему зятю свою крепкую мускулистую руку и весело приветствует его со словами:

– А вы, стало быть, Виктор, очень и очень приятно, а я значит Михаил Григорьевич, а мою дражайшую половину величают Анфисой Александровной. Вы, Виктор, не стесняйтесь, дом у нас незатейливый, да и мы с Анфисой люди простые, будьте, как дома и, как говорится, забудьте, что вы в гостях.

У Виктора, который всю дорогу молчал и мысленно прокручивал слова прощения руки Лили, все заготовленные фразы в одночасье улетучились из головы. А тут ещё Анфиса Алек-

сандровна так крепко прижала его к своему необъятному бюсту и так смачно и размашисто поцеловала его в губы, что на какие-то мгновения бедный студент вообще лишился дара речи. Пришёл Виктор в себя только после того, как одним махом, неожиданно для самого себя, опрокинул стопку самогона, вовремя преподнесенную отцом Лили. Михаил Григорьевич повторно наполнил маленькие стограммовые стаканчики мутной белой жидкостью, протянул руку, к выдавшей вида, самодельной этажерке, извлёк из неё газету «Львовская правда» и стал медленно, с выражением читать:

– Я не просто призываю, а настоятельно заклинаю тебя, милая, стать навечно моей надеждой, моей путеводной звездой, моей любимой женой.

– Хочу сказать тебе, Виктор, – продолжил Михаил Григорьевич, – эти твои слова из песни, из твоей песни, не выбросишь; я, если доживу, буду показывать их своим внукам. Когда мы прочитали их, моя Анфиса плакала, да и меня, признаться, прошибла скупая мужская слеза.

Виктор неожиданно вздрогнул, самогонные пары вскружили ему голову, и он хотел было начать свой заготовленный монолог о благословении родителей Лили на их брак, как Михаил Григорьевич обнял его и, протянув стаканчик с крепким напитком, торжественно заявил:

– Сынок, дорогой, ничего не надо говорить, ты сказал уже всё, сказал очень ёмко и красиво. Дай бог, чтобы так оно и было в вашей долгой и радостной жизни. У нас есть к вам только одно напутствие: будьте счастливы, успешны, благополучны, всегда и везде любите и берегите друг друга. Совет вам и Любовь.

– Витенька, – вступила в диалог Анфиса Александровна, – я хорошо знаю свою дочь и, поэтому, заверяю тебя: она и в радости, и в горе будет верна тебе, она всегда будет предана тебе, и до конца дней твоих будет любить только тебя. Совет вам и любовь, мои милые.

Лиля порывисто обняла мать, поцеловала отца и, заключив Виктора в свои нежные объятия, прижалась к нему, готовая пребывать в этом состоянии целую вечность.

– А сейчас, зятёк, приглашаю тебя в нашу деревенскую баньку, которую я специально растопил, попаримся, а потом уже и отужинаем с нашими женщинами.

После двух стопок самогона Виктор, непривычный к высокоградусному спиртному, был готов идти не только в баню, а и к самому чёрту на кулички. Михаил Григорьевич осторожно взял его под руку и повёл к небольшой деревянной избе. Когда они вошли вовнутрь, в хорошо вытопленную и выстоявшуюся баню, Виктора сразу охватил запах берёзовой роши, от распаренного в шайке веника пахло запаренной мятой, и сухой и жаркий воздух приятно пронзил все частички его тела. Михаил Григорьевич, поддав горячую водицу на раскалённые камни, исхлестал до изнеможения себя и Виктора веником, а затем облил холодной водой. Расслабленные после этих процедур до приятной истомы, они блаженно растянулись на полках в предбаннике.

– А ты знаешь, Виктор, – завёл неторопливый банный разговор отец Лили, – ещё в далёкой юности я мечтал о такой баньке. Но в те тревожные 30-е годы было не до баловства. Жили мы тогда в Орловской губернии. Я выучился на горного инженера, женился на ладной и скромной девушке, которая родила мне трёх прекрасных сыновей. Да вот беда, в эти годы в СССР началось позорное явление, прозванное народом голодомором.

– Никогда не слышал такого термина, – глухо отозвался со своей полки Виктор.

– Видишь ли, сынок, такие вещи в курсе истории КПСС в ваших университетах не изучают, – продолжил беседу Михаил Григорьевич, – а ведь именно коммунистическая партия со своим сталинским руководством являлась виновницей массового голода, охватившего Россию и Украину. Именно она повинна в гибели нескольких миллионов человек. Именно она провела коллективизацию и полную ликвидацию частных деревенских хозяйств, в результате чего в стране сложился катастрофический дефицит продовольствия, и как следствие, массовый голод.

– Да-а-а, много пришлось вам испытать, – сочувственно отреагировал разомлевший от сухого пара Виктор.

– Не спеши, дорогой, – откликнулся Михаил Григорьевич, – это ведь только начало истории нашей семьи, пока пар медленно проникает в наши разогретые кости, я, с твоего позволения, продолжу.

Лилин отец рассказал Виктору, что, спасая семью от голода, от неминуемой гибели, они переехали в цветущую Абхазию, в город Ткварчели. Именно в эти годы там начались разработки месторождений богатых залежей угля, и он без особого труда устроился там, на работу в должности горного мастера. Райская неповторимая природа на южных склонах кавказского хребта, шум горных рек и водопадов, превосходные климатические условия, а главное, возможность прокормить близких обеспечило его семье относительно сносное проживание. Но перед самой войной жена Михаила Григорьевича заболевает туберкулёзом и скоропостижно умирает, и он остаётся один на один с тремя маленькими детьми.

– Сказать, Виктор, что мне было нелегко, значит, ничего не сказать, – продолжил Михаил Григорьевич.

– Было невыносимо тяжело, честно говоря, сам не понимаю, как я успевал работать и ухаживать за детьми, как я вообще выжил. Но, видимо, есть всевышний на свете. В один из ясных и солнечных дней у нас на шахте появилась новая нормировщица, хорошенькая полногрудая женщина. Это была Анфиса, твоя будущая тёща, дай бог всем такую. Судьбы наши были очень схожи. Она приехала в Ткварчели из Курска так же, как и мы, спасаясь от голода. Мужа её в 1939 году забрали на финскую войну, где он погиб. Двое несмышленных детей остались без отца. Помочь Анфисе по уходу за детьми приехал свекор, она уходила на работу, а он оставался с малышами. Не знаю, как это получилось, но отец её мужа не уберёг детей, не уследил за ними. Зимой в Курске стояли небывалые морозы, дров не хватало, квартира протапливалась плохо. Дети сильно простудились и умерли от воспаления лёгких. Через месяц после похорон Лилина мама продала свой нехитрый скарб и уехала в Грузию. Так уж сложилось, Виктор, что мы с Анфисой полюбили друг друга. Когда мы поженились, она взвалила на свои хрупкие плечи не только трёх моих маленьких сыновей, но и тянула на себе всё хозяйство. Она, моя любимая женуленька, обустроила всю нашу жизнь, в которой мы благополучно пребываем и по сегодняшний день. Лихие годы войны с фашистами мы тоже провели в Ткварчели, на фронте мне быть не довелось, так как уголь являлся стратегическим сырьем, и его добыча на шахтах входила в оборонную промышленность. Поэтому мне была предоставлена бронь.

– Мне Лиля ничего не рассказывала об этом, – прервал грустный монолог Михаила Григорьевича Виктор.

– Видимо, не хотела берeditь твою душу столь печальным рассказом, – заметил он и тут же продолжил:

– А наша ненаглядная Лилечка, кстати говоря, тоже родилась в очень несытные послевоенные годы, родилась в Ткварчели в 1947 году, когда мы с Анфисой решили, что пора осуществить свою мечту о милой и прелестной доченьке. Как видишь, Виктор, так оно и получилось. Буквально через год правительство решило поднимать экономику в западных областях Украины, присоединённых к Советскому Союзу в 1939 году. В числе крупных промышленных проектов был и львово-волинский угольный бассейн. Я попал в число специалистов, направленных на разработку месторождения бурого угля. Так наша семья и оказалась в селе Поморяны, в котором ты, Виктор, и находишься в данный момент.

– Михаил Григорьевич, – едва слышно прошептал притихший на жаркой полке Виктор, – так получается, что Лилечка выросла в деревне?

– Выходит, что да, – отозвался Михаил Григорьевич, – может быть не совсем в деревне, а в посёлке городского типа. Хотя по большому счёту всё-таки в деревне, с утренними криками петухов и кудахтаньем кур, доением коров на зорьке и прополкой своего огорода. Лиля

была сообразительным ребёнком, с шестилетнего возраста мы отправили её в школу и, прямо скажу, вместе с учителями нарадоваться не могли её успехам практически по всем предметам. Однако, когда она закончила восьмилетку, шахту, на которой я работал, закрыли как ставшую нерентабельной. Специалисты-горняки переехали на другие места, где угольные ресурсы ещё не истощились. Мы же с Анфисой к этому времени вышли на пенсию и решили не переезжать с нажитого места, где успели пустить корни. Посёлок опустел, закрыли за ненадобностью и среднюю школу, где училась наша доченька. Ей предложили продолжить учёбу в школе в райцентре, это в двадцати километрах от нашего посёлка. На семейном совете мы с Анфисой, скрепя сердце, решили выпустить её, как говорил Максим Горький, в люди. Мне удалось устроить её в Львове в школу – интернат в расчёте на то, что после окончания Лиля сможет работать или учиться в большом городе.

– А что такое школа – интернат, – спросил Виктор, – я слышал такое словосочетание, но так толком и не знаю, что оно означает.

– Как тебе объяснить, – промолвил Михаил Григорьевич, – в принципе это как бы обычная школа, но только при ней имеется общежитие, т. е. там не только учатся, но и едят, и делают уроки, и спят, словом живут. Жизнь детей проходит там, можно сказать, не в идеальных условиях. Интернат, где училась наша Лиля, находился на территории бывшего монастыря. В крохотные спаленки, оборудованные в бывших кельях, умудрились вместить двенадцать, сдвинутых одна к одной, панцирных старомодных кроватей, на которых спали девушки. Случалось, что в ватных матрасах бегали клопы, а в девичьих окнах заводились вши. Удобства, разумеется, были в коридоре: один туалет на пять комнат. Нетрудно посчитать, что один унитаз, извини, приходился на шестьдесят девушек. Невозможно даже себе представить, что творилось там утром. Да и кормёжка больше напоминала монашескую трапезную, чем нормальную столовую. Короче, как ты понимаешь, Виктор, это был не санаторий. Зато наша дочка за два этих, полных тягот и лишений, года учёбы в этом, можно сказать, богоугодном заведении прошла хорошую закалку, которая, как я понимаю, пригодится ей в грядущей жизни.

Плавное повествование Михаила Григорьевича прервал из-за двери весёлый голос Анфисы Александровны:

– Милые мужчины, мне кажется, что с вашей парилкой вы уже настолько чистые, что можете немедленно приступить к ужину.

За ужином Анфиса Александровна как бы невзначай осторожно спросила:

– Лилечка, Витя, свадьбу-то, где думаете справлять, – и, не дожидаясь ответа, кокетливо и задорно повернув свою русоволосую голову к мужу, сказала, – а может у нас в деревне, на свежем воздухе, места у нас во дворе для всех хватит, подумайте, пожалуйста.

Уже прощаясь, мать, отводя дочку в сторону, шепнула ей на ухо:

– Ты знаешь, доченька, понравился нам Виктор, но вот беда, с деньгами у них в семье, видимо, не шибко. Вот тебе деньги, купи ему, пожалуйста, на день советской армии, 23 февраля, в подарок нормальную шапку.

– Да что ты такое говоришь, мама, – рассмеялась Лиля, – есть у него шапка и стоит она, пожалуй в три раза больше, чем ты мне даёшь. Просто её он забыл у друга, вот и прихватил старую, что под руку попалась.

– Ну, смотри, Лиля, – недоверчиво покачала головой Анфиса Александровна, – если что, не стесняйся. Мы не богачи, но чем сможем, всегда поддержим, главное, чтобы жили вы в ладу и согласии.

По дороге в город Виктор, остановив свой мотоцикл на лесной просеке, которую обвили с обеих сторон заснеженные кроны берёз и клёнов, обнял свою Лилю, крепко прижал к себе и долго-долго целовал её пахнущую ромашкой, мятой и ещё чем-то фантастически приятным белую головку.

На следующий день Лиля и Виктор отправились в ювелирный магазин выбирать обручальные кольца. Сказать, что эта была простая задача, означало ничего не сказать. Мало того, что в советском государстве жизненно важные продукты питания являлись дефицитом, так руководство страны сделало всё возможное, чтобы изделия из золота и серебра были также труднодоступны для простого городского обывателя. Недаром, граждане, у которых накапливались какие-то сбережения, предпочитали обращать их в эти, всегда имеющие ценность, изделия. С другой стороны, государство, надо отдать ему должное, всё-таки позаботилось о молодожёнах. Оно придумало Дворцы бракосочетаний, которые являлись неким конгломератом бюрократического ЗАГС (а) (учреждения, где осуществлялась запись актов гражданского состояния) и аналога церковного венчания под знаком советской символики и геральдики, где мужем и женой объявляли не по воле всевышнего, а от имени Союза Советских Социалистических Республик. Когда кандидаты в молодожёны подавали просьбу о регистрации брака, им выдавались специальные талоны, по которым они, разумеется, за собственные деньги, могли приобрести обручальные кольца. Сверх того, в специальном магазине, вход в который производился по этим же талонам, невесте предоставлялась возможность приобрести свадебное платье, а жениху – приличный импортный костюм, которого в розничной торговле не купишь ни за какие деньги. В ювелирном магазине «Сюрприз» было пусто. Название магазина оправдывало как форму, так и содержание его торговой деятельности: для обыкновенного человека приобрести здесь что-нибудь, действительно, являлось большим сюрпризом. Однако Виктор и Лиля были необыкновенными покупателями: они были молодожёнами, отличительной особенностью которых являлись синие талоны в руках. Они долго выбирали и примеряли свои кольца, пристально вглядываясь в безымянные пальцы друг друга. Лиля облюбовала себе тоненькое колечко, так как широкое не очень-то смотрелось на её хрупких пальчиках. Виктор, наоборот, пожелал массивное кольцо.

– Пусть все девушки даже издали видят, что я женат, – продолжал он любоваться кольцом, – и по этой причине не будут домогаться меня.

– Ты посмотри на него, – весело рассмеялась Лиля, – прямо Ален Делон с привокзального района.

Ювелирную покупку отмечали в любимом кафе «Армянка» в центре старого города. Здесь собиралась львовская богема: художники, артисты, журналисты и писатели. Хотя наши молодожёны не причисляли себя к людям искусства, они обожали это маленькую уютную кофейню, где потчевали великолепным кофе, который варили в джезве на раскалённом песке. На один из пяти красных столиков, который был свободен, Виктор положил небольшой букет белых гвоздик, предназначенный для Лили. Сегодня они должны были, наконец, обсудить и решить, где провести свадебное торжество. Прямолинейный Виктор без всяких предисловий, почему-то резким голосом, заявил Лиле:

– Сначала, я скажу тебе, какую свадьбу я не хочу. Я совсем не жажду веселья с политической окраской, т. е. комсомольскую свадьбу в общежитии, которую, как мне донесли, собирается организовывать наш комсомольский вожак. Не помышляю я и о помпезном торжестве в каком-нибудь дорогом ресторане с неизбежными официантами в белых рубашках, банальным тамадой, который всё время заставляет жениха и невесту целоваться под полупьяные возгласы «горько».

Не дослушав, чего ещё не хочет Виктор, Лиля, кокетливо дунув на локон своих белых волос, закрывающие её зелёные глаза, задорно прошептала:

– Неужели, Витенька, это такая большая работа для тебя целовать меня?

– Милая моя, я готов исполнять эту напряжённую работу не только каждый день и каждый час, а каждую минуту, но только не под призывные выкрики платного тамады в присутствии десятков гостей, находящихся в угаре алкогольного опьянения. Ещё, Лиля, – продолжил Виктор, – я не хотел бы расписываться с тобой в львовском дворце бракосочетаний, где какая-

нибудь напыщенная и вальяжная тётка, опоясанная красной или белой лентой, прошепелявит, что именем закона украинской советской социалистической республики объявляет нас мужем и женой.

– А что же ты, да хочешь, Виктор, – полушёпотом спросила Лиля.

– То, что я, действительно, хочу, Лилечка, к сожалению, невыполнимо, – с грустью заключил Виктор, – я всегда мечтал в день свадьбы видеть свою возлюбленную в белой прозрачной блузке, белых брюках и белых спортивных кедах на вершине, покрытой белым снегом. Жених же, в моём лице, также облачённый в белые одежды протягивает тебе букет белых лилий. Затем мы с тобой спускаемся на цветущий альпийский луг, где расстелен гигантский красный ковёр. На этом ковре среди заморских яств и корчаг отборного вина восседают наши самые родные люди и самые близкие друзья, которые не от имени канонов социалистической республики, а от своего имени искренне провозглашают наш брачный союз. И нашими свидетелями, становятся синие горы, изумрудные ручейки, стекающие с них, пёстрые рододендроны и белые эдельвейсы, шумные водопады и хвойные леса.

– Послушай, Витенька, – стушевалась Лиля, – а может и впрямь организовать нашу свадьбу в деревне, как предлагала моя мама. Правда, наверняка, твои родители будут против, зато это будет близко к твоим фантазиям.

– Ты знаешь, Лиля, – мягко проговорил Виктор, – мне очень понравились твои родители, простые, чуткие и отзывчивые люди, у вас дома я совсем не чувствовал, что я в гостях, да и идея твоей мамы вполне уместна, надо только её развить и довести до ума.

Доводил до ума и раскручивал эту идею уже не Виктор, а лучшая подруга Лили Ляля Кирилова. Впрочем, ей было положено это по штату, ведь она теперь была уже не только подругой, а и её свидетельницей на свадьбе. Больше того, она взвалила на себя обязанности и организатора, и распорядителя, и тамады, и ответственной за кучу всяких как больших дел, так и мелочей, необходимых для свадебного торжества. Где она училась этому – неизвестно. Скорее всего, процесс управления, состоящий из множества организаторских процедур, сидел у неё в крови. Не надо забывать, что все женщины, которых называют роковыми, очень организованные и талантливые люди. Ляля даже съездила в Поморяны, где познакомилась с родителями Лили. Она побывала в сельском клубе, не обошла вниманием и председателя колхоза, с которым договорилась о столах, посуде, электроосвещении и украшении двора. Ляля подыскала необычный и колоритный оркестр, уговорила главного механика колхоза выделить машину для новобрачных, решила за короткое время массу малых, но важных проблем, на которые кто-нибудь другой потратил бы целую жизнь. Но самое главное, что свершила Ляля, она, включив всю силу своего внутреннего обаяния, убеждения и шарма, применив мощь гипнотической энергетики, присущей её необыкновенной ауре, сумела убедить мать Виктора, Эмму Абрамовну согласиться на проведение свадьбы под кодовым названием «деревня». Уже через несколько дней Эмма Абрамовна, приглашая на свадьбу начальника городского отдела здравоохранения, говорила:

– Эдуард Петрович, я приглашаю вас с супругой на необыкновенную, самобытную и очень оригинальную свадьбу моего сына, которая состоится не в городе, а на лоне деревенской природы. Приезжайте, вы не пожалеете.

Субботним утром, когда неяркое осеннее солнце, взошедшее из-за покатых холмов, опутавших село Поморяны, рассыпало свои лучистые блики на белесую паутину бабьего лета, у дома Михаила и Анфисы Сергачёвых остановились несколько больших автобусов, прибывших из областного центра. Даже в дни первомайской или ноябрьской демонстраций жители деревни не видели такого скопления празднично одетых людей. Едва успев выйти из автобуса, городские гости тут же окунулись в атмосферу великолепной природы, натуральными компонентами которой были вкусные запахи скошенного сена и соснового леса, лёгкий ветерок с манящей глади прозрачного озера, сизый дымок с сельских печей, протапливаемых берёзовыми

дровами, от которых исходил какой-то особый сдобный аромат. Уже завтра прибывшие гости будут наперебой рассказывать своим друзьям и приятелям в Львове, как мажорные чарующие аккорды, встретившей их скрипки, переплетались со звуками пения петухов, мычания коров и гогота гусей. Сегодня же звонкий голос Ляли, усиленный микрофоном, пригласил пройти гостей на лесную опушку, напротив дома Сергачёвых.

Въезд туда преграждал, сделанный по Лялиному проекту, необтёсанный красно-белый шлагбаум. Через несколько минут к нему приблизилась, запряжённая тройкой лошадей, телега, декорированная сухим камышом и красочной палитрой полевых цветов. На телеге, обнявшись, стояли новобрачные, Лиля в шикарном подвенечном платье и Виктор, в пошитом специально для этого случая, торжественном чёрном костюме. По древней украинской традиции гости обсыпали их зерном, пшеном, конфетами и монетами для того, чтобы будущие супруги жили сладко и зажиточно. Лошади, нервно всхрапывая то ли от натуги поводеёв, то ли от важности момента, остановились у шлагбаума. Возле него стояли сельские хлопцы в широченных суконных шароварах, поверх которых развевались вышитые сорочки из льняного полотна. Они не спеша подошли к Виктору и грозными голосами потребовали выкуп за невесту, похищенную им из их деревни. Для Виктора эта просьба явилась полной неожиданностью. Видя его замешательство, хлопцы подтащили к телеге огромное бревно, заграждающее по их замыслу путь к красной девице, вручили Виктору небольшую ножовку и предложили ему в качестве выкупа перепилить это бревно. Растерянному Виктору ничего не оставалось, как скинуть праздничный пиджак, развязать с трудом вывязанный галстук и взяться за тяжёлую работу лесоруба. Он очень старался, действительно испугавшись, что если он не справится с этим злосчастным бревном, то дюжие деревенские парни не отдадут ему Лилю. Минут через десять Виктор под аплодисменты гостей успешно завершил выкупной бартер, ударом ноги разделив почти распиленное бревно на две части. Хлопцы открыли шлагбаум, и повозка медленно подъехала к заранее подготовленной деревянной беседке, украшенной ивовыми ветвями. Здесь по замыслу Ляли должна была произойти регистрация брака.

Только Ляля Кирилова могла уговорить председателя сельсовета сделать эту регистрацию выездной, а не в казенных стенах сельской управы. Пребывающий в этой почётной должности уже двадцать лет юморной дядька Данила, пригласил новобрачных в беседку. Без всяких предисловий он спросил у Виктора, согласен ли он обладать важным и почётным правом зарабатывать деньги. Получив положительный ответ, он осведомился у Лили, согласна ли она, уступив мужу, взвалить на себя трудную и нелёгкую задачу тратить, заработанные мужем деньги. Разумеется, ответ невесты был утвердительный. Затем представитель сельской власти осведомился у Лили, не возражает ли она, чтобы её муж не знал общей стоимости вещей, которые она покупает, с благородной целью сберечь его нервную систему от возможных потрясений. Лиля не возражала. Повернувшись к Виктору, деревенский староста вырвал у него готовность, соблюдая правила уличного движения, переходить улицу там, где он пожелает, с условием передвигаться в направлении, указанном женой. На лице председателя сельсовета не дрогнул ни один мускул, когда он не навязчиво посоветовал Лиле никогда не спорить с мужем, в этих случаях необходимо немедленно начинать плакать. Он также порекомендовал своей бывшей односельчанке быть умной, т. е. когда муж задерживается на работе, сделать всё возможное, чтобы её избранник поменял работу. А Виктору дядька Данила предложил записать на плёнку все обещания, которые он давал невесте до свадьбы с тем, чтобы от души повеселиться, когда ему взгрустнётся. Чтобы всё-таки придать возложенной на него миссии законный вид и толк, председатель сельсовета, предложив обменяться молодожёнам кольцами, официально объявил их мужем и женой, в честь чего Лиля и Виктор поставили свои подписи в толстой непонятной книге, явно смахивающей на церковно-приходскую.

Анфиса Александровна плакала, уткнувшись в плечо Михаила Григорьевича, а Эмма Абрамовна старалась радостно улыбаться сквозь выступившие на её глазах крупные капельки

слёз. Деревенские девушки подкидывали вверх свои расшитые чепчики и разбрасывали по всей опушке венки из живых цветов. Женщины, раздетые в красно-белые сарафаны, держали в руках свежеспечённый каравай. Заметив это, Ляля поднесла к своим перламутровым губам микрофон, с которым в этот праздничный день не расставалась не на минуту, и уверенным голосом провещала:

– Дорогие гости! Прошу вас пройти к радушному и хлебосольному дому семьи Сергачёвых и занять свои места за свадебным столом.

Взору гостей открылись жёлтые деревянные скамейки, стоящие вокруг, покрытых белыми холщовыми скатертями, дощатых деревенских столов. Среди вышитых рушников, снопов пшеницы, плетёнок репчатого лука на них лоснились бочковые помидоры с огурчиками, квашеная капуста с мочёными яблоками, полевая каша, картошка с укропом под килечку и селёдочку. Конечно же, на небольших подносах красовалось домашнее с розовыми прожилками сало и традиционная, бордового цвета, кровяная колбаса со шпиком и гречневой крупой. В центре каждого из столов отливал молочной белизной поросёнок, зажаренный на вертеле. Востребованным и весьма существенным придатком к этому, достойной кисти художника натюрморту, являлись десяток красочных бутылок марочного армянского коньяка, предназначенных для особо интеллектуальных городских гостей, и запотевшие хрустальные, кубовидной формы, штофы, в которых дожидался своего звёздного часа свежизготовленный сельскими умельцами самогон. Этот самый звёздный час наступил, когда бравые и чубатые украинские хлопцы быстро расстелили пятидесятиметровую красную ковровую дорожку (о которой в своё время мечтал Виктор) от беседки к столам, и молодые девчонки-семиклассницы, стоящие по бокам этой дорожки, сплели свои руки над головами, образовав, таким образом, живой коридор. Оркестр заиграл мелодию украинской песни «Червона рута», а Лиля и Виктор, низко прогибаясь в этом натуральном девичьем ущелье, медленно пробирались к своим местам в центре стола.

Неутомимая Ляля снова взяла в руки свой микрофон. Её звонкий голос гремел, наверное, более возвышенно и триумфально, чем голос знаменитого диктора Левитана, когда Юрий Гагарин полетел в космос. Чуть запинаясь от волнения, она патетически произнесла:

– Дорогие соотечественники! Позвольте представиться, меня зовут Ляля, я подружка невесты и не просто подружка, а самая лучшая её подруга. На американских свадьбах принято, что подружка невесты рассказывает всё хорошее про невесту. Во-первых, про Лилю я буду говорить исключительно хорошее по простой причине, что плохого в ней нет решительно ничего. Во-вторых, мы с вами живём не в Америке, а на Украине. Как бы там ни было, мы находимся на родной украинской земле или, как сказал поэт, «вся в цвету вспоминалась калина, что под вечер ждала соловья, Украина моя, Украина, мать земная родная моя». Так уж получилось, что русская девочка, которая родилась в солнечной Абхазии, своим горячим сердцем прикипела к украинской деревне, к украинской земле, где я с ней и познакомилась. Произошло это на вступительных экзаменах в университет. Сдавали мы труднейший экзамен по математике. Так сложилось, что посадили меня с Лилей за одну парту, и так вышло, что не никак не могла я решить весьма заковыристую задачу. Выхода не было, я толкнула свою совсем незнакомую соседку и попросила помочь мне. Через некоторое время Ляля с риском, быть изгнанной с экзамена, что равносильно с треском провалить поступление в университет, незаметно передала мне, которую видела в первый раз в жизни, листочек с готовым и верным решением. Судите сами, как я должна была отнестись к такому замечательному человеку. Ответ лежит на поверхности: просто превосходно потому, что наша белая Лиля, действительно, превосходная, потому, что она, и в самом деле, белая, чистая и настоящая. Что вам сказать, дорогие друзья, что мы с Лилей делили одну кровать в общежитии, ели из одной миски постный борщ, одевали по очереди одно и то же платье. Или, как вместе варили кофе в бессонные ночи студенческих сессий, как на геологической практике в одной неразрывной связке карабкались

по скалистым вершинам Карпат. Всегда и везде, в радости, и в горе мы вместе уже пять лет. Пять лет не так много, вместе с тем, это четверть жизни, которую мы с Лилей успели прожить. Не верьте злым языкам, что женщины не умеют дружить. Умеют, ещё как умеют, только при условии, что их подруги такие же бескорыстные и искренние, откровенные и душевные, как моя подруга Лиля. Я очень надеюсь, что умный Виктор хорошо понимает, что он на долгие годы получил не просто красивую женщину, а бесценный подарок, называемый верной, благородной и преданной женой. Дорогие мои молодожёны, я не хочу кричать вам традиционное «горько» потому, что сегодня, на самом деле, горько мне. А вам, Лилечка и Виктор, пусть будет «сладко» сегодня, завтра и всю вашу счастливую жизнь.

Ляля стремительно подбежала к Лиле, троекратно расцеловала её в слегка поддурмяненные щёки, крепко прижала к себе Виктора и, повернув их головы навстречу друг другу, заставила их слиться в долгом и сладостном поцелуе под оглушительные аплодисменты гостей.

К Ляле подошёл отец Виктора, и что-то прошептал ей на ухо. Она тут же схватила, ещё не надоевший ей, микрофон и, прерывая звон бокалов, раскатисто объявила:

– Я с удовольствием предоставляю слово отцу жениха, доктору Сергею Ивановичу Бровченко.

– Дорогие друзья, коллеги, сельчане и горожане! Сегодня мой сын женится на милой и прекрасной девушке Лиле, которая с этого момента становится моей ненаглядной невесткой. Я сегодня не собирался выступать, да и, признаться, не мастер я произносить застольную речь. Но так уж случилось, что у моего сына нет такой близкой и сердечной подружки, как блистательная Ляля. Нет и закадычного друга, который мог бы рассказать о нём самое хорошее, следуя, я так и не понял, то ли американской, то ли украинской традиции. Поэтому, я как отец взвалил на себя эту нелёгкую миссию: по возможности объективно рассказать о своём сыне. Виктор у нас поздний и долгожданный ребёнок. Несмотря на надлежащий уход и весьма приличную опеку, он рос очень болезненным мальчиком. Мне очень хотелось приучить его, если не к большому спорту, то хотя бы к физкультуре. Из этой затеи ничего не получилось. Всего один раз он пытался во дворе играть со сверстниками в футбол. Результатом неудавшейся игры явились два разбитых окна в соседнем доме, разбитое колено, которое долго не подавалось лечению, и многочисленные ссадины и раны на руках и лице. Альтернативой футбольному мячу наш Витя выбрал шахматы и книги, поглощаемые запоем, днём и ночью. Моего сына билили дворовые мальчишки за его физическую слабость, за отличные успехи в школе, за то, что не пытался быть похожим на них и, в конце концов, за то, что отца его матери величали Абрамом. Виктор, разумеется, был далёк от успешного владения приёмами рукопашного боя, в то же время никогда не убегал от мальчишеской драки. Я, дорогие друзья, просто вынужден подчеркнуть, что Виктор всегда и везде физическому развитию предпочитал развитие интеллектуальное. Лозунгом его детства, как впрочем, и отрочества, и юности, и, наверное, всей дальнейшей жизни стал девиз Сани Григорьева из любимой книжки «Два капитана» – «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Он, как мог, боролся с самим собой за, одному ему известные, жизненные ценности, он постоянно что-то искал, искал, прежде всего, самого себя в самом себе, и никогда и ни в чём не сдавался. По-настоящему найти себя ему ещё предстоит. Первые шаги в этом он уже совершил. Он успешно определился в выбранной профессии. Но это пока не шаг, а маленький шагочок. Настоящей же и самой ценной находкой в его только начинающейся жизни – это приобретение такого бесценного самородка, каким, без сомнения, является Лиля. Я не знаю, любимый сын, чего ещё ты добьёшься в нашей быстротекущей жизни. Но будь уверен, что главного ты достиг уже сегодня, ты нашёл самую прекрасную на свете девушку, которую любишь больше жизни и которая, надеюсь, любит тебя. Поверьте мне, старому и опытному врачу, во всей вселенной нет ничего более волшебного и божественного, потрясающего и очаровательного, чем взаимная любовь. Так любите друг друга, берегите друг друга, будьте счастливы и благополучны.

Тем временем веселье, проводимое под бдительным оком Ляли, набирало обороты. Тут были зажигательные конкурсы и танцевальные хороводы, частушки и песни, оживлённые праздничные тосты и символические прыжки через пламя разложенного костра. Звуки неумолкающей гармошки разрывали тишину западноукраинского села, а только что взошедшая луна лукаво подмигивала молодожёнам, пока широкой этой свадьбе не стало мало неба и земли. Тогда несколько крепких ребят водрузили Лилию на плетёное кресло и под одобрительные возгласы гостей пронесли его по всему периметру, разукрашенного ранчо семьи Сергачёвых. В руках у неё пестрел красочный букетик живых полевых цветов, символизирующий прощание с девичьей жизнью. Неизвестно кем придуманная легенда гласила, что девушка, которая поймает этот букет после броски невесты, должна в самом недалёком будущем тоже пойти под венец. Когда же Лиля, сидя на своём импровизированном плетёном троне, запустила из-за своей головы этот букет в толпу гостей, произошло чудо. То ли это устроила сама невеста, то ли это было предписано небесами, но в полёте цветы разделились на две связки, одну из которых в неописуемом высоком прыжке прижала к себе Лара, а вторую, чуть ли не в падении поймала Ляля. Однако в этом недалёком будущем обручальное кольцо появилось только на безымянном пальце Ларисы, и сверкало оно где-то на сибирских просторах в затерянном военном городке. Ляльке же ещё предстоял тернистый путь поиска суженного, которого надлежало приручить и сделать послушным и покорным.

Отшумел звон свадебных бокалов, вместе с бабьим летом отшумел и осенний листопад, отгремело буйное праздничное веселье, наступили будни. Будни бывают унылые и серые, когда грядущий день похож на прошедший, а от наступившего дождливого утра не ждёшь ничего, что могло бы вывести тебя из затянувшееся хандры. В то же время в быстротекущей повседневности бывают будни, отретушированные яркими красками солнечных бликов, будни, несущие в себе элементы таинственной непредсказуемости и безудержного желания жить и творить. Для Лилии и Виктора вереница будничных дней являлась продолжением их праздника, их дня рождения на двоих. Они буквально купались в объятиях друг друга, не выбираясь из них ни днём и ни ночью. Только ранним утром, когда счастливая и уставшая от ночной камасутры Лиля досматривала в светлых снах то, что не успевала увидеть или ощутить наяву, изнеможённый Виктор во всю прыть мчался на близлежащий рынок за свежими цветами. Когда молодая жена просыпалась, постель её была усыпана или стеблями красных и белых гвоздик, или палитрой разноцветных лепестков розы, а по воскресениям – цельным красочным букетом белых лилий. Следуя традиции лучших домов Парижа, он подносил своей жenuленьке в постель отлично заваренный кофе с неведомо, где добытыми круассанами. Вот и сегодня солнечные зайчики медленно скользили по их счастливым лицам, намекая, что всевышний предоставил в их распоряжение ещё один блаженный день, который они отдадут друг другу. Но планы божьи уже с утра прервал бесцеремонный телефонный звонок. Звонила Ляля, она безапелляционным голосом прокричала в трубку:

– Виктор, Лиля, вы, что там окончательно свихнулись, интеллектуальные люди находят себе и другие занятия, которые по остроте ощущений не уступают сексу. Вы что в вашем эротическом забытье совсем забыли, что через час начинается распределение выпускников. Короче, быстро натягиваете на себя, всё, что ещё можно надеть, ловите такси и дуйте в деканат.

Слово «распределение» являлось знаковым в системе высшего образования советской государственности. Оказывается, при социалистическом планировании и учёте распределять необходимо было не только жизненно необходимые продукты питания и предметы повседневного быта, не только путёвки в санатории и квартиры для проживания, а и живых людей, в данном случае выпускников, именуемых молодыми специалистами. Предполагалось, что каждый новоиспеченный инженер или агроном, дипломированный математик или юрист, равно, как и представители множества других специальностей должны работать не там, где велит им зов души и где им нравится, а отработать не менее трёх лет исключительно в местах, намечен-

ных Госпланом СССР. Венцом такого распределения являлся документ, называемым направлением. Смешно даже вдуматься в смысл этого слова. Получалось, что студент, овладевавший в течение пяти лет избранной специальностью, не принимался и не устраивался на работу в соответствии с его приоритетами, а направлялся на неё, как будто в ссылку или на каторгу в места не столь отдалённые. На самом деле места распределения были чрезвычайно отдалённые, учитывая, что геоморфологи подвергались союзному распределению, а Советский Союз простирался на пять тысяч километров с севера на юг и более десяти тысяч – с запада на восток. Ни правительству СССР, ни его флагману – коммунистической партии, ни ректорату университета не было никакого дела до того, устраивает ли это распределение самого направляемого. По сути дела и государству, и всем его институтам было глубоко наплевать на чаяния, желания и стремления самого выпускника. Неявка по месту распределения даже каралась наказанием, предусмотренным уголовным кодексом страны советов. Быть освобождёнными от распределения и иметь возможность трудоустройства (как в Европе или в Америке) на свободном рынке, которого, кстати говоря, в стране и не было, имели только инвалиды по здоровью или лица, направлявшиеся на учёбу в аспирантуру. Именно такая возможность подвернулась Виктору.

Ещё на свадьбе, приглашённый туда, профессор Гончар намекнул ему, что хотел бы видеть его среди своих аспирантов. Позже, в деканате состоялся уже конкретный предметный разговор на эту тему. Ярослав Николаевич произнёс примерно следующее:

– Хотелось бы видеть вас, Виктор, среди своих аспирантов. Не сомневаюсь, что вы способны выполнить научные исследования и, в конечном итоге, под моим руководством станете кандидатом географических наук.

– Значит так, – продолжил профессор Гончар, – вот вам программа вступительных экзаменов в аспирантуру, которые вам надлежит сдать. У вас есть три месяца на подготовку. А на распределение вы должны явиться чисто формально. Там будет записано, что вы остаётесь в университете в рамках плана подготовки научных кадров. Надеюсь, что вы не очень будете возражать.

По правде говоря, Виктор меньше всего думал об открывающейся перспективе научно-преподавательской деятельности. Ему грезились геологические изыскания в заснеженных горах Памира, геоморфологическая съёмка в дремучей сибирской тайге или разведка месторождений в заполярной тундре. В то же время предложение остаться в аспирантуре улыбалось далеко не каждому студенту и являлось уделом, если не самых достойных, то самых везучих или имеющих мощную протекцию. Профессор не давал времени на обдумывание, в сию же минуту надо было решать или отдавать себя производству (горам, ветрам, солнцу, туману, дождям) или начинать восхождение на алтарь науки (библиотеки, семинары, конференции, научные журналы, кафедры). Виктору искренне хотелось и того, и другого. Но так уж построена жизнь, что в какой-то её момент оказываешься перед выбором.

– Что вы так крепко задумались, Виктор, – донёсся до него хриплый голос профессора, – надо соглашаться, поверьте мне, перед вами открываются совсем неплохие перспективы.

– Вы уж простите меня, Ярослав Николаевич, – чуть слышно промямлил Виктор, – я теперь человек подневольный и не могу принимать столь ответственные решения в одиночку, я просто обязан посоветоваться с женой.

– Послушайте, уважаемый Виктор Сергеевич, – усмехаясь в седые усы, перебил его профессор, – я хорошо знаю Лилию Сергачёву, простите, уже Лилию Бровченко. Она производит впечатление мужественной и отважной девушки, в некотором роде жены декабриста, которая пойдёт за мужем в любое место, тем более, что я вас не в пенитенциарное заведение приглашаю, ни в лондонский Тауэр и ни в парижскую Бастилию.

Профессор Гончар отрезал Виктору все пути отступления, и ему не оставалось ничего другого как согласиться на это лестное приглашение, святым духом не ведая, что очень скоро пожалеет об этом скоропалительном своём решении.

Это скоро наступило как раз сегодня, когда Лиля и Виктор, наспех собравшись, переступили порог родного университета. Возле кабинета декана, где заседала комиссия по распределению, было шумно и весело. На стене как раз вывешивался список, в котором определялась очерёдность входа на ковёр в кабинет декана, где и определялась судьба и место трёхлетнего пребывания обладателя университетского диплома. Чем раньше переступался этот красный ковёр, тем из большего числа мест предоставлялось право выбирать как географию своей будущей работы, так и занимаемую должность на ней. Критерием очерёдности являлся средний балл успеваемости студента за все пять лет обучения в университете. Причем, высчитывался он весьма скрупулёзно, буквально до сотых долей, как среднее из оценок всех (более пятидесяти) экзаменов, сданных за время обучения. Виктору и Лиле можно было не волноваться: по предвычисленной градации Виктор был третьим, а Лилия восьмой из сорока девяти претендентов. Поскольку Виктор направлялся в аспирантуру, т. е. оставался в университете, то по существующему законодательству жена следовала по месту распределения мужа. Другими словами, Лилия оставалась в городе, где она училась, и ей предоставлялось право свободного трудоустройства. Поэтому, Лилия и Виктор пропускали впереди себя всех своих сокурсников, предоставляя им возможность выбрать подходящие им места работы. Получилось, что они переступили демаркационную линию красного ковра, отделяющую входную дверь кабинета декана от стола, где заседала комиссия, самыми последними. Первое, что донеслось до слуха Лилии и Виктора, это вкрадчивый, не без очевидного злорадства, голос партийного заправила факультета, доцента Герасимчука:

– Милое семейство Бровченко! Чем вызван такой запоздалый визит на государственное распределение? Ах да, я же совсем забыл, у вас же сейчас, это кажется, называется медовый месяц. Совет вам, как говорится, и любовь.

– Товарищ Герасимчук, – перебил доцента председатель комиссии, начальник одного из управлений министерства геологии СССР, – заканчивайте, пожалуйста, вашу лирику и перейдём к сути дела, по которому мы здесь находимся.

– Извините, Игорь Иванович, – стушевался парторг, – я только хотел поинтересоваться, почему они, которые по списку должны были явиться одними из первых, пришли последними. И ещё я хотел довести до их сведения, что все лучшие места уже проданы. Так что им предстоит поистине медовое распределение.

– Пожалуй, доцент Герасимчук прав, – пробасил председатель комиссии, – у нас в списке осталось одно место, это должность начальника изыскательской партии в посёлке Гуррукли в Таджикистане.

– Вот и прекрасно, – добавил парторг, – исключительное место в живописной пустыне Кара-Кум, там и янтарные пески, и живописные верблюды, и замечательные оазисы, где можно хорошо отдохнуть в медовый месяц и, самое главное, безграничная романтика. И, кстати сказать, вряд ли там, на брезентовом полотнище палатки вывешивается стенгазета, которую можно изорвать в клочья.

– Я не совсем уверен, что это кстати, – вступил в беседу заведующий кафедрой физической географии, – но у вас уважаемые Бровченко, действительно, нет другого выхода, как не ехать в солнечную Туркмению.

– Но позвольте, – дрожащим голосом пролепетал Виктор, – мне было сказано, что я направляюсь на учёбу в аспирантуру, и что этот факт будет отражён в списках распределения.

Виктор ничего не понимал, осознавая при этом, что произошло нечто непредвиденное. Боковым зрением он заметил, как профессор Гончар отвёл свой потускневший взгляд в сторону. Пронзительную тишину нарушил голос председателя комиссии:

– Товарищ Бровченко! Разрешите вам сообщить, что в этом году никто из студентов вашего курса в аспирантуре не остаётся, и решением нашей комиссии вы направляетесь в

Таджикскую советскую социалистическую республику в посёлок Гуррукли. Разумеется, вместе с вами туда следует и ваша жена Лилия. Желаю вам всяческих успехов на новом поприще.

– Вот тебе бабушка и Юрьев день, вот тебе и аспирантура, вот тебе и научная карьера, – подумал расстроенный Виктор.

Расстроенная Лиля, как могла, успокаивая мужа, встревожено приговаривала:

– Успокойся, Витенька, обидно конечно, но в этой жизни что ни случается всё к лучшему. Пробороздим с тобой на верблюдах и пустыню Кара-Кум, где наша не пропадала. А там, как говорят медики, вскрытие покажет.

– Понимаешь, родная жenuленька, я же и не помышлял стать учёным мужем, это профессор Гончар меня уговорил, точнее, можно сказать, приговорил. Если я и мечтал ехать за туманом, то в, покрытые фирновыми снежными полями и вечными ледниками, синие горы или, изобилующую малахитовым мохом, заполярную тундру, или на берега, оконтуренные живописными перекатами, таёжной реки, но никак не в жёлтое безмолвие омертвелой пустыни. Поэтому, Лиля, пока не знаю как, я буду стараться избавиться от этого, более чем, навязчивого направления.

На следующий день Виктор сидел в кабинете своего декана, к которому обратился за разъяснением произошедшего на распределении. Профессор Гончар подозрительно долго протирал свои роговые очки, пока, наконец, не выдавил из себя:

– Вы уж простите меня, Виктор, прямо не знаю с чего начать, а начать, как бы мне этого не хотелось, всё-таки надо хотя бы для того, чтобы покончить с этим грязным делом, в которое, так получается, я вас непредвзято втянул.

– Это вы простите меня, профессор, – недоумённо воскликнул Виктор, – я просто не понимаю, о чём вы говорите.

– Вот и я не понимаю, – чуть ли не прошептал Ярослав Николаевич, – видите ли, буквально за полчаса до распределения мне позвонили из отдела аспирантуры и сообщили, что ваш моральный облик не соответствует требованиям, предъявляемым к соискателям научных степеней.

– Ярослав Иванович, – взволнованно спросил Виктор, – я совсем не понимаю, в чём заключается корреляция моей морали с гипотетической пока учёной степенью кандидата наук.

Профессор снова стал тщательно протирать свои уже кристально чистые очки, и лишь после этого, скрупулёзно взвешивая каждое слово, заговорил:

– Видите ли, дорогой Виктор, решение практически по всем вопросам у нас в университете, впрочем, как и в стране в целом, принимают партийные органы. К сожалению, в эти органы не всегда попадают порядочные люди. Когда принималось заключение по вашему вопросу, секретарь нашей парторганизации Герасимчук буквально стал на дыбы. Он припомнил случай со стенгазетой и открытым текстом постановил, что таким людям, как вы, не место в аспирантуре. Чтобы усилить свою позицию, мне стыдно и неприятно об этом говорить, Герасимчук не постеснялся заявить, что, в дополнение к сказанному им, следует принять во внимание, что национальность вашей матери является непрофильной на Украине. Вы уж простите меня, Виктор, что старый профессор не предусмотрел возможности отрицательного результата, поверьте мне, я просто не ожидал того, что произошло. Ещё раз, простите меня великодушно, что не по своей вине, подвёл вас.

Говорят, что если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе. В данном случае, партию горы исполнял Виктор, а в роли Магомета выступал начальник геодезического цикла военной кафедры университета. Именно он, подтянутый и высокий полковник Геннадий Евгеньевич Некрасов, чуть ли не строевой походкой шёл по коридору, навстречу расстроенному Виктору в момент, когда он выходил из кабинета декана.

– Здравия желаю, товарищ Бровченко, – раскатистым голосом протрубил полковник.

– Добрый день, Геннадий Евгеньевич, – совсем не по-уставному, угрюмо ответил Виктор.

– Да, похоже, не такой уж он и добрый для вас, – глядя ему прямо в глаза, – отчеканил полковник. Прошу вас, Бровченко, через час явиться ко мне в кабинет. Не исключено, что мне удастся поднять вам кем-то испорченное настроение.

Военная кафедра университета располагалась в центральной части города в старинном здании, в котором ранее помещался штаб Прикарпатского военного округа. Штаб переехал в новое современное здание, а старое отдали на откуп студентам, которые в течение почти четырёх лет обучались здесь премудростям военного дела. Если в высшем военно-топографическом училище курсанты учились, днюя и ночуя там, около пяти лет, то студенты университета занимались на военной кафедре целый день один раз в неделю. Однако, как те, так и другие, по окончании своих учебных заведений получали золотистые погоны лейтенанта военно-топографической службы. Безусловно, строевая, огневая, тактическая и практическая подготовка выпускников военного училища была несравненно качественнее, однако, выпускники университета были существенно сильнее в теории и в специальной подготовке, требующей масштабного мышления. В то же время, если курсанты военных училищ получали необходимую подготовку для прохождения в дальнейшем кадровой воинской службы, постепенно меняя на своих погонах количество малых, а потом и больших звёздочек, то студенты университета обучались на военной кафедре для создания резервного офицерского состава, так называемых офицеров запаса. Однако, в конце 60-х начале 70-х годов доблестным советским вооружённым силам катастрофически не хватало кадровых офицеров. По этой веской причине военные комиссариаты больших городов организовывали пополнение офицерского корпуса за счёт офицеров запаса, призывая, таким образом, на действительную службу в командный состав советской армии выпускников университетов сроком на два года.

Именно по этой причине полковник Некрасов и вызывал Виктора к себе. Занимая должность начальника геодезического цикла и возглавляя коллектив офицеров-преподавателей, готовящих военных геодезистов и топографов, он давно выделил худощавого, меньше всего похожего, на армейского офицера, Виктора из массы остальных студентов. Студент Бровченко отличался аналитическим складом ума, способностью мыслить стратегически, охватывать проблему в целом и мгновенно находить пути для её решения. Эти качества как нельзя лучше соответствовали статусу офицера инженерных войск и выгодно отличали его, например, от командира мотострелкового взвода. Да что там говорить, именно Виктор Бровченко подал ему, полковнику, выпускнику военно-инженерной академии, кандидату военных наук идею о создании принципиально новой конструкции счислителя, портативного прибора для вычисления приращения координат для привязки артиллерийских позиций. Результаты этой работы были опубликованы недавно полковником в военно-инженерном журнале в полном соавторстве с Бровченко. Размышления Некрасова прервал стук в дверь и негромкий, но чёткий голос Виктора:

– Товарищ полковник! Студент Бровченко по вашему приказанию прибыл.

– Отставить, товарищ Бровченко, – по-военному прикрикнул полковник, – какое ещё к чёрту приказание, приказы будешь одновременно выслушивать и выполнять в армии, в которой совсем скоро ты очутишься не столько даже по божьей, сколько по моей воле. Именно для этого я пригласил тебя к себе.

У Виктора, позабывшего, что находится в стенах военной кафедры, где каждый шаг, каждое движение и каждое слово расписано армейскими уставами, непроизвольно вырвалось:

– Помилуйте, Геннадий Евгеньевич, какая ещё армия? Да и что это сегодня за день такой выдался: то настойчиво в аспирантуру зовут, а потом ни с того ни сего отказывают, а теперь вот ещё в армию приглашают.

– Во-первых, лейтенант Бровченко, в армию не приглашают, а призывают, – холодно отпарировал полковник, – а во-вторых, присаживайтесь и более чем внимательно прислушайтесь к тому, что я сейчас скажу.

Полковник Некрасов сообщил Виктору, что несколько дней назад получена разрядка на призыв в армию пяти, выпускников вуза, свежеспечённых офицеров-геодезистов, на которых требуется рекомендация военной кафедры. Четверо из них направляются в Среднеазиатский военный округ. На этом месте повествования Виктор, бестактно перебив полковника, поспешно выдал из себя:

– Ну вот, опять Средняя Азия! Да будет вам известно, товарищ полковник, что вы немного опоздали, решением государственной комиссии я уже направлен в этот благодатный край в какой-то дивный и забытый всеми богами посёлок Гуррукли в Таджикистане.

– Послушайте, лейтенант, вы забываете, где находитесь, – рявкнул Некрасов, – кто вас учил перебивать старших по званию да, кстати, и по возрасту тоже. Возьмите себя в руки и потрудитесь, пожалуйста, выслушать меня до конца.

Далее полковник поведал, что пятое место будущей службы – это дивизия, которая является составной частью группы советских войск в Германии, и базируется она в немецком городе Дрезден. В настоящее время там имеется вакантная должность начальника топографической службы дивизии. Именно на это место Некрасов и хотел рекомендовать Виктора. Глянув исподлобья на встрепенувшегося Виктора, полковник продолжил:

– От таких назначений, Бровченко, не отказываются. Посуди сам, предлагаемая должность – майорская, т. е., если ты после двух лет положенной службы захочешь остаться в армии, то по прошествии, скажем, пяти-семи лет погоны старшего офицера, майора, тебе гарантированы. Это – первое. Во – вторых, например, командир мотострелкового взвода, с одной стороны, имеет постоянную головную боль в лице трёх десятков необученных солдат, а с другой, он подчиняется и командиру роты, и командиру батальона и куче других офицеров разного ранжира. И дорасти до майорских петлиц комбата ох как непросто. В штате начальника тополслужбы присутствует лишь один прапорщик, в ведении которого склад топографических карт, а подчиняется он исключительно начальнику штаба дивизии и функционально самому командиру дивизии, которому до офицера-геодезиста, как правило, нет никакого дела. Чувствуешь разницу? Да и работа начальника тополслужбы, прямо скажем, не пыльная. Никаких окопов и стрельб, никаких раскатов артиллерийских орудий и дребезжащего лязга гусениц тяжёлых танков. Задача начальника тополслужбы – обеспечение подразделений дивизии картографическим материалом и проведение занятий с личным составом по военной топографии.

– Простите, товарищ полковник, – оживился Виктор, – могу ли я поинтересоваться, как вознаграждается работа начальника тополслужбы в денежном эквиваленте.

– Вот теперь я слышу уже речь не мальчика, а мужа, – похвалил его Некрасов.

– Я, действительно, являюсь мужем своей красавицы жены, – нашёлся Виктор.

– Охотно верю, что твоя молодая жена – красавица, – откликнулся полковник, – вместе с приветом от меня передай ей, что зарплата её мужа в Германии составит не менее 270 рублей в месяц. Вместе с тем, в Львове на сберегательной книжке дополнительно будет откладываться немалая сумма денег и при этом молодая семья будет обеспечена двухкомнатной квартирой в Дрездене.

В аспекте сезонного бытия в серебристой палатке, разбитой у заснеженной вершины, Виктор был романтиком, правда, романтиком исправимым в том смысле, что был приучен своими прагматичными родителями думать рационально. Сумма офицерского гонорара, названная Некрасовым, поразила Виктора и понизила уровень его геологического романтизма почти до нуля. Мысленное сравнение обещанного офицерского жалования со сторублёвым окладом сельского учителя мгновенно трансформировалось у него в эмоциональную реплику:

– Какие разговоры, товарищ полковник, конечно же, я согласен. Правда, пока теоретически.

– А, когда же, осмелюсь спросить, это ваше согласие уложится в практическую плоскость, – буркнул довольный полковник.

– Не позднее завтрашнего утра, Геннадий Евгеньевич. Я просто должен получить согласие своей жены, а если не получу, то просто выбью его всеми правдами и неправдами.

Вечером Лиля и Виктор, взявшись за руки, по давно установившейся традиции, бродили по аллеям старинного городского парка Костюшка. Вековые каштаны медленно сбрасывали побуревшие листья, а зеленая шиповатая скорлупа скатывалась с их ветвей, роняя на землю гладкие коричневые плоды. Один из каштанов угодил прямо в голову Виктора, разомлевшего и умиротворённого от рыжеющей краски пожелтевших деревьев. Он вздрогнул, неторопливо освобождаясь от притягивающей эйфории наступившей осени, и тихо произнёс:

– Послушай, Лилия, скажи мне, пожалуйста, могла бы ты полюбить меня ещё больше, если, предположим, я бы надел офицерскую форму, поверх которой красовались янтарные погоны лейтенанта советской армии.

Лилия, прижав тёплую руку Виктора к своей холодной щеке, скороговоркой прошептала:

– Больше всего, Витенька, я люблю тебя в кофейном костюме, бежевой рубашке и белом галстуке, ведь именно в этом незабываемом наряде ты предстал передо мной со сцены оперного театра.

– Лилия, ну, в самом деле, – обиделся Виктор, – я тебе про армию, а ты мне про оперу.

Лилия молниеносно обняла его за шею и кокетливо проворковала:

– Конечно, полюбила бы, полюбила бы крепко и безудержно, только при условии, что вместо лейтенантских погон тебе на брюки прилепили бы генеральские лампасы.

– Видишь ли, дорогая жена, генеральское звание не падает с неба, а берёт своё начало с лейтенантских погон, – выдохнул Виктор.

– Милый, я что-то не поняла, к чему эти намёки, – насторожилась Лилия.

– А к тому, девушка, что до генеральской жены тебе ещё далеко, – горячо ответил Виктор, – а вот стать женой молодого, но очень, очень перспективного лейтенанта – вероятность большая.

Проницательная Лилия непостижимым женским чутьём догадалась, что у Виктора есть какая-то, неизвестная ей пока и тщательно скрываемая тайна. Она понимала, что муж собирает силы перед решительным броском, перед глубоким вдохом, который он сделает для того, чтобы откровенно выложить ей всё, что накопело у него на душе за этот яркий осенний день.

Виктор неожиданно остановил, шедшего им навстречу лохматого юношу, и вежливо попросил у него сигарету. Лилия знала, что он курит только в каких-то экстремальных ситуациях. По всей видимости, текущие новости носили чрезвычайный характер. Виктор неумело, но жадно затянулся сигаретой, сквозь дымовые колечки во все стороны рассыпались крошечные огненные искорки, дублируя в некоторой степени сумятицу и хаос в его мозговых извилинах. Наконец он, как ранее и предполагала Лилия, сделал глубокий вдох и на полном выдохе провозгласил:

– Всегда думал, что последние дни в университете будут самыми радостными. Ведь мы получили дипломы о высшем образовании, вложив в них немалую частицу своей жизни.

– Послушай, милый мой супруг, – резко перебила Виктора Лилия, – нельзя ли перейти к сути дела без лирических предисловий.

– Суть дела насколько проста, настолько же и сложна. Просто вчерашний и сегодняшний дни оказались чрезмерно навороченными. Вчера утром я был уверен, что твёрдо вступаю на аспирантскую дорогу, неумолимо ведущую к учёной степени кандидата наук. В полдень эта дорога, резко развернувшись на все, можно сказать, сто восемьдесят градусов, получила статус тропы изысканий в бескрайней пустыне Кара Кум. А сегодняшним светлым утром, похоже, караванный путь желтеющей пустыни резко трансформируется в гарнизонный плац, на котором солдаты и офицеры принимают присягу на предмет служения отечеству.

– А вот с этого места, пожалуйста, немного поподробнее, – несмело попросила Лилия.

– Послушай, Лилечка, сегодня утром мне предложили такое, что, в моём понимании, мне не могло присниться даже в самом нереальном сновидении. Парадокс состоит в том, что после согласования с тобой, я склонен принять это предложение.

– Виктор, родной, ты замучил меня окончательно, рассказывай быстрее, что же такое ужасное таким тяжёлым грузом навесили на тебя.

– Чтобы не терзать тебя, Лиля, буду говорить тезисно. Сегодня полковник Некрасов обрисовал, так сказать, концепцию моего, надо понимать нашего, светлого будущего примерно такой формулой: место службы – группа советских войск в Германии, должность – начальник топографической службы дивизии, воинское звание – лейтенант, перерастающее в старший лейтенант, капитан, майор, если я вместо двух лет останусь служить там лет на двадцать. Если же я впоследствии закончу ещё и инженерную военную академию, то светят мне погоны подполковника и даже полковника, а там, как ты понимаешь, и до генерала совсем уже недалеко, просто рукой подать.

– Витенька, прости меня, глупую, но, если серьёзно, то я совсем не представляю тебя в офицерской форме, ты и армия – это нонсенс, не ты ли говорил, что «как надену портупею, всё тупею и тупею».

– Я не отрекаюсь от сказанного и не забираю своих слов назад. Но всё-таки не зря мы с тобой в университете изучали философию, особенно ту её часть, которая называется диалектическим материализмом. На, не лишённых здравого смысла, лекциях, доцент-философ внушал нам, что материя первична, а сознание – вторично.

– Витя, прошу тебя, остановись. Я не усматриваю никакой связи между материей, сознанием и группой советских войск в Германии.

– Послушай меня, Лиля, только очень внимательно. Вторичное сознание однозначно указывает мне на то, что, занимаясь любимым делом в рамках избранной специальности, я буду получать мизерную и жалкую зарплату, на которую не смогу содержать мою любимую женщину, которую я называю белая Лилия. Экстраполируя дальше, когда у нас появится долгожданный, очень-очень крепкий и здоровый мальчик, а вслед за ним, очень-очень красивая и похожая на свою прекрасную маму девочка, возникает резонный вопрос, сможем ли мы их достойно воспитать с нищенской моей зарплатой в сто рублей в месяц. Недаром эту зарплату называют жалованием, которое, вероятно, происходит от слова жалость.

– Однако, Виктор, – тихо проговорила Лиля, – ведь все же живут так. Как раз вчера я прочитала в газете, что средняя зарплата в СССР составляет 125 рублей в месяц. Не следует также забывать, что у нас бесплатное образование, бесплатное здравоохранение и ещё много чего, что народ получает даром.

– Лиля, прошу тебя, спустись, пожалуйста, со своих лазурных небес, какие бы они не казались тебе обетованными. У тебя же высшее университетское образование. Разве ты не знаешь, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Всё бесплатное оплачивается тяжёлым ежедневным трудом тех, кому попадают жалкие крохи этого бесплатного. И не надо мне цитировать выдержки из лекций по научному коммунизму, которыми нас напичкали в университете. Этот коммунизм потому и называется научным, что он существует только в теории, которая призвана одурманивать массы идеологической ложью.

– Витя, ненаглядный мой, – проворковала Лиля, оглянувшись по сторонам, – что ты такое говоришь, я боюсь твоих крамольных слов, я боюсь сейчас даже тебя. Что это за инакомыслие такое? Ты же не антисоветчик, не правозащитник, не диссидент какой-нибудь. Ты говоришь так, как будто работаешь на вражеских радиостанциях «Свобода» или «Голос Америки».

– Если я и правозащитник, Лилечка, – заорал возбуждённый Виктор, повысив свой тонкий сопранный голос до максимума, – то только в том смысле, что собираюсь защищать права своей семьи, а не работать в редакциях, названных тобой, радиостанций, которые, кстати, удачно и качественно глушат всеми доступными технологическими средствами. А если речь

уже зашла о работе, то я её уже выбрал, разумеется, с твоего одобрения. Вместо брезентовой штормовки геолога или поношенного костюма учителя я надену кожаную чёрную офицерскую портупею, от которой, как ты выразилась выше, буду всё больше тупеть и деградировать как личность.

– Но зачем и кому нужны такие жертвы, – повысила голос Лиля, который вклиниваясь в шуршание опадавших жёлтых листьев, прорезал ночную тишину.

– Лиля, ласточка моя, ты меня слышишь или нет. Ты ещё не усвоила, что материя, в нашем случае, материальное положение, вот что является первичным. Твоя безответственная риторика, мол, все живут одинаково, надо понимать, одинаково плохо, меня категорически не устраивает. Не устраивает безнравственный акцент на слово все. А я не хочу, как все. Я хочу, чтобы моя самая красивая женщина носила на своих плечах самую красивую соболиную шубу, а на нежных руках – дорогое кольцо, обрамлённое крупным бриллиантом; хочу, чтобы мы не ютились в маленькой комнатке в квартире моих родителей, а жили в просторной кооперативной квартире; хочу, чтобы мои дети учились, если не в Гарварде или Кембридже, то хотя бы в столичных институтах кинематографии или международных отношений. Сторублёвый оклад молодого специалиста с университетским образованием в эту схему явно не вписывается.

– Витенька, ты, наверное, забыл, что я большую часть жизни прожила в деревне. Ты забыл, что я доила коров, чистила свинарник, убирала урожай с колхозных полей, топила печь дровами, которые сама и рубила, носила воду из колодца в тяжелых ведрах. А ты ведёшь речь о богатых соболинных шубах и драгоценных камнях, которые я никогда в жизни не видела, да и не нужны они мне. Со всем остальным я согласна, только не хочу, чтобы ты шёл поперёк своим желаниям, чтобы ты наступал на горло собственной песне.

– Наступить на поющий орган – это, конечно, больно, но не так уж и страшно. Здесь важно не повредить горло с тем, чтобы в конечном итоге суметь пропеть свою лебединую песню в победном ключе.

– Виктор, ты непревзойдённый, да тебе и в самом деле надо было идти в аспирантуру не по части геоморфологии, а по журналистике или по ораторскому мастерству.

– Лиля, я сегодня меньше всего нуждаюсь в комплиментах, я очень тебя люблю и, поэтому, хочу, чтобы решение, которое мы сейчас примем, было, действительно совместным.

– Я, Витя, всё решила, когда выходила за тебя замуж, выходила, между прочим, не просто так, а по большой любви. Именно, поэтому, я с тобой и в беде, и в радости, и в горе, а где будут развиваться эти события на Украине, в пустыне Кара Кум, в Германии или у чёрта на куличках – мне право всё равно, мне важно быть всегда рядом с тобой.

Лёгкий ветерок раздувал белесую паутину иссякающего бабьего лета, а тусклый свет парковых фонарей, отражая медовую акварель падающих жёлтых листьев, как бы высвечивал Лиле и Виктору неведомую дальнюю дорогу в будущее.

Дальняя дорога начиналась с ажурного крытого перрона львовского вокзала. Моросил противный осенний дождик, порывы ветра раздували его дождевые капли, которые гулко заканчивали своё падение на вычурной стеклянной полусфере, под которой расстились железнодорожные пути. Перрон был заполнен толпой пассажиров, ожидающих прибытие поезда Москва – Прага. Среди них городской обыватель, безусловно, выделил бы невысокого молодого лейтенанта в светло-серой офицерской шинели, рядом с которым стояла стройная блондинка в плаще цвета морской волны. По весомым и негабаритным чемоданам, примостившимся возле них, нетрудно было догадаться, что молодые люди едут куда-то на весьма длительное время. Друзья и приятели с трудом опознали бы в этой неординарной паре Лилею и Виктора, напряжённо вглядывающихся в синеватую тусклую дымку, за которой угадывались туманные контуры родного города. По вокзальному радио ликующий женский голос радостно объявил:

– Граждане пассажиры! Скорый поезд Москва – Прага пребывает на первый путь, номера вагонов начинаются с головы поезда. Стоянка – пятнадцать минут.

Нужный вагон остановился прямо напротив Виктора, который тут же стал затаскивать в него самый большой из трёх чемоданов. Лиля же с трудом придвинула к ступенькам вагона два чемодана поменьше, и тут какой-то высокий подполковник с петлицами военно-воздушных сил любезно помог ей затащить их в вагон. Они оказались в одном купе. Подполковника сопровождала жена, пышная и округлая шатенка, на пальцах её нежных ухоженных рук подмигивали, вероятно, драгоценные камешки сразу четырех золотых колец. Едва поезд отошёл от вокзала, и за окном ещё вырисовывались привокзальные пристройки и станционные пакгаузы, подполковник достал из дорожной сумки пузатую бутылочку армянского коньяка и торжественным голосом произнёс:

– Посредством этого божественного напитка, который систематически употреблял даже премьер Черчилль, предлагаю познакомиться и выпить за то, чтобы наша поездка была приятной и нескудной.

После второй рюмки, подполковник, который представился как Василий Александрович, попросив Виктора не обращать внимания на его погоны старшего офицера, не без пафоса провозгласил:

– Вы, Виктор, молодой лейтенант, и я, напичканный армейским и житейским опытом, офицер находимся вместе с нашими жёнами в неуставной обстановке, и, поэтому, должны общаться без оглядки на наши воинские звания.

Жена Василия Александровича, Татьяна, возраст который определялся даже не как балзаковский, а скорее как неопределённо-расплывчатый, сказала:

– Да и в самом деле, молодые люди, чувствуйте себя свободно, мы же не в казарме, а в поезде, можно говорить о чём угодно и как угодно. Вы же, понимаете, сегодня, встретились, а завтра разошлись, а вероятность снова увидеться практически нулевая.

Виктору с Лилей повезло, Василий Александрович тоже направлялся в Германию, где он служил в качестве заместителя командира авиаполка по политической части, который базировался в том же месте, куда надлежало прибыть Виктору. Полк являлся составной частью дивизии, начальником топослужбы которой предстояло быть новоиспечённому лейтенанту. Подполковник изложил массу полезной информации о том, как следует себя вести, кого бояться и на кого просто не обращать внимания, какими способами завоёвывать авторитет и как в армии реализуется офицерская карьера. Татьяна же доверительно нашёптывала Лиле, что покупать в немецких магазинах, какие вещи необходимо привозить на родину по возвращении, о непростых отношениях между офицерскими жёнами, которые ранжируются в зависимости от занимаемых должностей их мужей и вообще, как нелегко быть женой офицера. Василий Александрович, оборвав свою жену на её последней фразе, многозначительно заметил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.